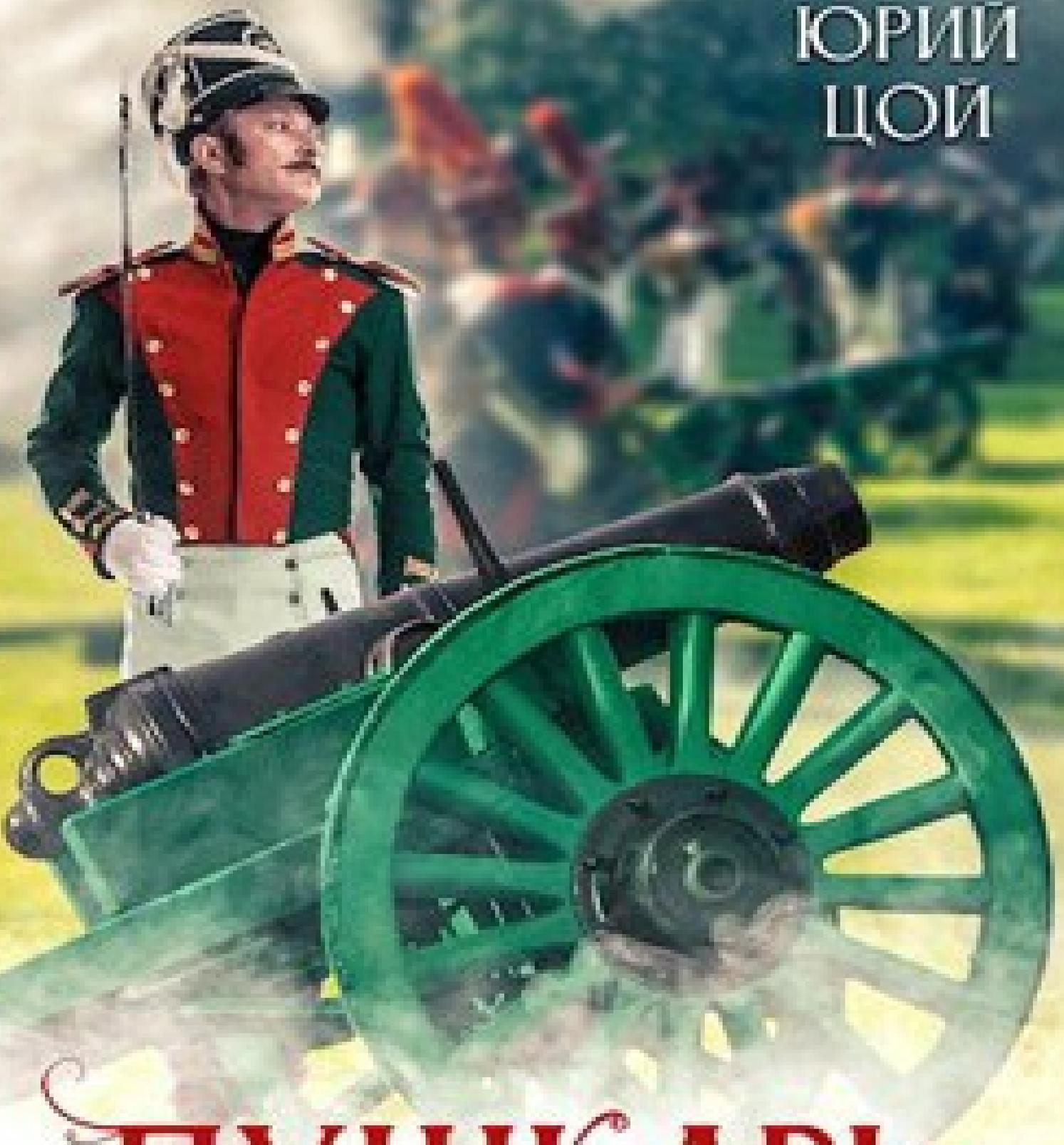


ЮРИИ
ЦОИ



ПУШКАРЬ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Annotation

Студент первокурсник попадает в самое начало девятнадцатого века в тело крестьянского подростка и попытался выжить в непростых стартовых условиях.

Юрий Цой

Пушкарь его величества

Глава 1

День сегодня был весенний и солнечный. Сажу на лекции и люблюсь красавицами нашего потока. За прошедший год давно разобрались, кто чего стоит, но это не умаляет внешнюю привлекательность особо одаренных природой студенток. Мечтать, как говориться, не вредно. Что еще остается бедному иногороднему студенту, кроме мечтаний. Разве что учиться лучше большинства, стараясь хотя бы этим выделиться и привлечь внимание противоположного пола. Внешность у меня обычная, роста среднего, богатых родственников не имею. Поэтому, мои успехи в учебе никак не влияют на интерес наших девушек к моей персоне, кроме совсем уж страшеньких, как Людка Семеникина. Но, таких, нам самим не надо. Так что, хожу в гордых девственниках, которого одноклассники не приглашают на совместные сабантуи или еще куда. Моя скромная одежда не позволяет мне пригласить девушку в кино или просто погулять, например, в парк. Стипендии ни на что не хватало и после первого же семестра, за который я похудел на пять килограмм, пришлось устраиваться на работу дворником. Теперь встаю в пять утра и два часа машу веником или лопатой, в зависимости от сезона.

Взгляд залип на длинную шейку Ленки Смирновой, сидевшей на ряд впереди, и заскользил по ней, касаясь розового ушка и каштанового локона, закручивающегося по нежной коже.

Любовь. Смешное для меня слово. Я готов был полюбить каждую в этой аудитории, если бы только был бы хоть один шанс. Уверенность в себе погребена глубоко под тоннами презрительных взглядов и злых насмешек. Я, конечно, не подаю вида, делаю лицо, но глубоко внутри страдаю и витаю в мечтах. Мечтаю добиться успеха в жизни, денег, показать всем, что я достоин внимания. К сожалению, природа обделила меня талантами. Ни слуха, ни способности к рисованию или спорту. Так-то я физически неплохо развит, но в большом спорте этого не достаточно. Там надо быть на голову сильнее соперников, только тогда можно чего-то добиться и то до первой травмы. Так что, вполне отдаю себе отчет, что кроме прилежной учебы и получения хороших знаний, я ничем другим заняться, не способен.

Объединенная лекция по истории современного мира подошла к концу, и я стал думать, как провести оставшийся день. Можно погулять, но земля в лесочке возле общаги еще не просохла. В библиотеку сходить? Так весна же! Посажу на лавочке возле института, полюбуюсь на, обнаживших ножки, девчонок. Как решил, так и сделал. Сажу, греюсь под ласковым весенним солнышком и бросаю взгляды на проходящих девушек. Стараюсь не пялиться, а осторожно ловлю моменты, когда на меня не смотрят. Эх! Сейчас бы очки с затемненными стеклами, но чего нет, того нет. Разбогатею — куплю. Вот, мои одноклассники пошли. Ленка Смирнова, Инка Мурашова и Ольга Талбухина. Первые наши красавицы, с ними Вовчик, Мишка и Санек. Весело им. Небось, в кафешку пойдут. Группа остановилась на дорожке и стала спорить о дальнейшем маршруте. Завидовать грешно! Отворачиваюсь и смотрю в противоположную сторону.

Неожиданно со стороны кустов раздались женские крики, перемежавшиеся мужским матом. Опять алкашня развлекается! Поворачиваю голову и вижу, как из зарослей бузины выползает женщина с отеком на лице и, визжа как свиноматка, ползет на коленях по асфальтовой дорожке, оставляя за собой кровавый след. За ней, рыча, что то нечленораздельное, выковыривается из кустов лохматый мужик и, шатаясь, идет за своей

жертвой. Стоящие на его пути одноклассники, с писком ринулись в мою сторону. Только одна Ленка застыла на месте, очевидно в ступоре. Мужик догнал свою синюшную подругу в двух шагах от Смирновой и вогнал ей кухонный нож в почку. Женщина хрюкнула и распласталась на дорожке, поливая ее вишневым сиропом. Пьянчуга удовлетворенно промычал и поднял гуляющий взгляд на Ленку. Ухмыльнулся и, выставив окровавленное лезвие, сделал шаг. У меня остановилось сердце, а голову окатило кипятком. Еще пара мгновений и я непостижимым образом оказываюсь рядом, хватаю девушку за талию и дергаю из-под ножа на себя, заслоняя собой. Чувствую удар в грудь и вижу перед собой синюю рожу с тухлыми глазами. Ах, ты сволочь! Резко пробиваю в крупный кадык кулаком, с удовлетворением ощущая сминающиеся на костяшках хрящи. Ножа в руке у падающего алкаша уже нет, и я стал искать его под ногами, пока не увидел ручку, торчащую из своей груди. Тут мои ноги подкосились, голова закружилась, и я стал заваливаться на асфальт. Смирнова попыталась меня удержать, но силенок не хватило.

— Ленечка! Не умирай, миленький! — первая красавица группы положила мою голову на свои голые колени и зачем то стала вытирать кровь, струящуюся из уголка моего рта. Я улыбнулся и с трудом прокашлял:

— Эх, Смирнова! А могла бы и поцеловать! — глаза мои закрылись и последнее, что я запомнил это мягкие губы у себя на устах.

Буль, буль. Вырвался воздух из моего рта и в него хлынула вода. Резко поднимаю голову и откашливаю жидкость, добравшуюся до легких. В глазах туман, по ощущениям валяюсь в луже с грязью на дне.

— Кха, кха, — пытаюсь одновременно выкашлять воду и провентилировать легкие.

— Ха-ха-ха! — уловил прорезавшийся слух многоголосый мальчишеский смех.

— Васька свин! Хрю-хрю! — зрение проясняется, и я вижу десяток разновозрастных пацанов в странных одеждах, смеющихся надо мной. Внезапно проснулись болевые ощущения по всему телу и в начавшем заплывать глазу. Меня что? Избили, малолетки?!

— Вы что это делаете, ироды! — какая то бабка схватила полешко и погнала по деревенской улице босяков. Те, смеясь и крича какие-то дразнилки убежали, а бабка вернулась и помогла выбраться из лужи.

— Что, Васятка? Не дают тебе прохода, окаянные? — С изумлением смотрю на нее, и в моей памяти всплывает вся нехитрая жизнь деревенского паренька не то двенадцати, не то тринадцати лет. Неужели попадалово! Значить, все-таки умер! Жалко, не пожил совсем. Теперь живи тут в незнамо каком году. Круглый сирота с голым пузом, с сестренкой и братишкой на шее. Сестра Машка на два года младше и пятилетний Алешка.

— Ты что, онемел? — сердобольная бабулька с жалостью смотрит на меня.

— Не, баба Глаша. Я в порядке. Голова немного кружится, сейчас пройдет.

— Вот же, нехристи! Сироту обижать! Я их родителям скажу, так живо розгами получат! — Пойду на речку, ополоснусь, а то угваздался как свинья.

Слегка шатаюсь, побрел к реке, чувствуя дискомфорт в легком теле. Похоже, мы недоедаем! Ощупываю выступающие ребра и разглядываю свои руки. Папка умер осенью, получив заражение крови от ржавой железяки, мамка весной померла. Родственников в селе у нас нет, так как наша семья погорельцы и прибыли мы из других мест. Есть надел земли, который мы обрабатывали и с трудом выращивали продукты, позволявшие прожить до следующей весны. Избу отец срубил сам, еще сарай и начал баньку, но не успел. В нашей семье все были с белыми волосами, а в деревне одни шатены. Вот пацанье к пришлому и

цепляются, как к белой вороне. Нашли себе развлечение! Может еще и потому, что отпора должного не получили. Ничего! Сдюжим! Пару носов расквасим, сразу остынут.

Окунаюсь в прохладную речку и снимаю с тощего тела портки и рубаху. Обуви, конечно, нет и картуза тоже. Э-хе-хе! Печальное зрелище! Недостаток мышечной массы налицо. К тому же молочных продуктов нет, кости растут плохо. Кое-как споласкиваюсь и, одев мокрое обратно, поплелся в хату. Глаз заплыл окончательно, и я, дрожа от холода, неуверенно шагал, вспоминая направление. Естественно, наша хата с краю. По-иному и быть не могло. Изба, крытая соломой, сарай, нужник, недостроенная банька, забора нет. Деревянная дверь на кожаных петлях, захожу.

— Васька! Кто это тебя?! — сестренка в платочке, всплескивает руками и заглядывает в лицо. Глаза синие-синие, носик остренький, губки бантиком.

— Наткнулся на воротину. Ничего страшного, — оглядываю печь посреди большой комнаты и скудную обстановку вокруг нее. Грубый стол, пара лавок и большой сундук у стенки. Родительскую кровать мы сожгли, так как на ней умерла заболевшая мама. Ага, образа в углу имеются, как и медный крестик на моей груди. Церковь в соседней деревне, там рядом и помещичья усадьба. Фамилия наших господ Мишутины и больше мне о них ничего не известно.

Тут в мои ноги ткнулся Алешка и, обняв, зашмыгал носом.

— Ты чего? — лохмачу светлые волосы.

— Больно? — задирает лицо и блестит голубыми глазенками. Интересно, у меня тоже глаза голубые?

— Я же мужик, будущий воин. А воины должны уметь терпеть боль и никогда не плачут.

— Кушать будешь? Аника — воин! — сестренка по-взрослому хмурится и лезет в печь за горшком.

Сажусь на лавку за дощатый стол и верчу в руках не крашенную деревянную ложку. Горячий пузатый горшок на ухвате ставится посреди стола и из него поднимается струйка пара. Заглядываю внутрь и вижу распаренные злаки с кусочками репы. Помню, что надо помолиться и на автопилоте произношу благодарственную молитву господе. Сестра и братишка шепотом повторяют за мной и, перекрестившись, стали ждать, когда я первый зачерпну варево. Слабосоленое и разваренное, пошло на голодный желудок просто на ура.

Тем временем на улице стемнело. Машка зажгла от углей лучину и повела в туалет младшего. Я залез на теплый полоч за печкой, скинув влажную одежду. Повесил ее сушиться и накрылся овчиной. Быстро согрелся и стал размышлять. Сестренка загнала Лешку на печку и, привычно заголившись, нырнула под мой бочок. Черт! Мы же с детства спим вместе, за неимением свободных спальных мест. Да еще гольшом! Не будь у меня памяти девятнадцатилетнего парня, все было бы ничего. А так все же немного неудобно. Я загнал свои переживания подальше и обнял хрупкое тельце с торчащими лопатками, согревая сестренку своим теплом.

— Васятка. Еды на десять ден осталось. Что делать будем? Христарадничать пойдем? — сестренка вывалила наши проблемы и ждала ответа, дыша как зайчик.

— Нет! Я что-нибудь придумаю. Из дома нельзя уходить. Или помрем на дороге или разбойники споймают, — погладил по шелковистым волосам.

— Спи, завтра думать будем.

Сам закрыл глаза и задумался. Первое — проблема питания. Охотиться в лесах нельзя,

за это накажут. Выращивать, что то кроме огорода тоже не потянем. Мал еще, да и не умею. Рыбу вроде ловить можно. В эти времена во всех реках водились даже осетры и остальной рыбы должно быть много. Раки опять же. Грибы, ягоды и орехи. Телега у нас есть, лошадка тоже, только она у кого-то из сельчан. Пользуют, чтобы не простаивала. Взамен подкинули нам зерна, из которого варим кашу. Глаз задергало от боли, и я, морщась, пощупал вздувшийся фингал. Может, обратимся к литературе. Там у попаданцев открываются всякие способности. Надо и мне попытаться. Как говорится, попытка — не пытка.

Расслабляюсь, рассеиваю свое сознание и пытаюсь увидеть хоть что-нибудь. Лежу, лежу. Уже звездочки в глазах замелькали от усердия. Плюнул на все и решил заснуть. Мысли замедлились, голова опустела. В какой-то момент чудится мне, что я, как бы со стороны вижу свое тело, полупрозрачное. По венам течет кровь, в местах побоев темные пятна, а в районе солнечного сплетения переливается небольшое уплотнение нежно изумрудного цвета. Сознание вяло зашевелилось, обдумывая увиденное. Может все же удалось, и я вижу у себя магический источник? Стараюсь не выпасть из этого состояния и обращаюсь к энергии, затаившейся в моем сосредоточении. Давай, помоги мне! Иди вот к этому пятнышку, полечи его! Нехотя ручеек зеленого цвета заструился по жилам и, растекшись по гематоме на груди стал, пожирать ее. Хорошо! Теперь дальше, надо глазик полечить. Ох! Щипит, даже! А теперь давай прогуляйся по всему телу. Что? Не хочешь? Ах, устала! Ладно, в следующий раз.

Глава 2

Проснулся и вспоминаю свой сон. Машка сопит своим маленьким носиком. Вылезать из-под шкуры совсем не хочется. Сон или не сон? Трогаю свой глаз. Вроде, опухоль спала. Осторожно сдвигаю шкуру и рассматриваю тело. Гематома на груди разгладилась и пожелтела. Есть результат! Надежда колыхнулась в душе и подарила чувство небольшой эйфории. Неужели?! С этим уже можно, на что то рассчитывать! Энергично вылезаю из-под шкуры и надеваю свое рубище.

В первую очередь осмотреть хозяйство, найти инструмент, оценить, что можно использовать. Увидел кадку с водой и стал разглядывать лицо. Опухоль под глазом исчезла и синяк покрылся желтизной. Волосы пшенично-белые, глаза голубые. Скулы от недоедания выступают, в остальном очень симпатичный парнишка. Живем!

Прохожусь по избе. Из железок единственный кухонный нож и ухват. Наконец, нахожу батин инструмент. Топор, древний рубанок, широкая стамеска, большая лучковая пила, нож с небольшим лезвием, коловорот с поперечной ручкой и шило. Немного проволоки и клубок суровой нитки. Не густо, но хоть что то. Выхожу в огород. По ходу движения посещаю скворечник и справляю малую нужду. На большую не накопил еще. В огороде несколько грядок картошки, только выпустившие первые листочки, остальное не узнаю, так как все только начинает развиваться. Трава аккуратно выполота и сложена в не большую копешку. Вижу несколько молодых плодовых деревьев вроде вишня и яблони, может еще груша. Уже цветут, но плодоносить в этом году, скорей всего, не будут.

Солнышко поднялось над лесом и осветило деревеньку. Народ давно трудится, у некоторых домов дымятся трубы. Живот предательски заурчал. Что ж! Нужна еда. Самое доступное это раки. Их я ловил даже у себя в деревне в двадцать первом веке, поэтому есть надежда на улов. Иду в сарай и осматриваю сельхоз инструмент и несколько плетеных корзин. Беру одну с дырявым дном и аккуратно отламываю ручки. Можно попробовать с ее помощью поймать рыбу. Вода еще холодная, конечно, но надо! Беру еще одну целую корзинку для добычи и несусь к реке. На лугу обращаю внимание на выходы желтого песка и замечаю светлый столбик большого грызуна. О! Да это же сурок! Жирный, сволочь! Я даже знаю, как их ловить, в теории, конечно, но! Когда так хочется жрать, я достану эту колбасу из-под земли! Настроение из хорошего, переходит в превосходное. Его не смогла охладить даже утренняя вода, тем более, что раки нашлись на первом же обрыве, да такие огромные, что я всерьез заперевживал за целостность своих пальцев. Пару раз руки скользили по спинам каких то рыб, но задеревеневшие от холода руки уже не могли ничего ухватить. Выловил с десяток темно-зеленых усатых речных лобстеров, и понесся вдоль берега, стуча зубами. С трудом согрелся и, нацепив ветхую одежду, поспешил домой. Раков прикрыл дырявой корзинкой, чтобы никто не увидел. Вроде деревенские их за еду не считают. Вот и хорошо! Нам больше достанется!

— Привет, сестренка! Здорова, братишка! Смотрите, кого я принес! — ставлю корзину на пол и откидываю крышку.

— Ух ты! Какие страшные! — Лешка с испугом присел возле корзины и разглядывал, высовывающиеся над краем длинные усы и большие клешни.

— Мы их будем есть? — сделала круглые глаза сестренка.

— Нет! Мы будем ими наслаждаться! Ха-ха! — щекочу взвизгнувшую сестренку и бегу

наколоть щепы для растопки огня. Развожу в печке огонь вокруг высокого чугунок с водой. Экономно солю, с грустью прикидывая на вес небольшой узелок. Очередная проблема! Дожидаюсь, когда закипит вода, закидываю туда, под изумленными взглядами брата и сестры, размахивающих клешнями, ракообразных. Вода частично выплескивается, шипя на полешках. Два не поместились. Уж очень размер у них оказался серьезный. Оставляю их на второй заход и с жадностью наблюдаю за, набирающим красноту, деликатесом. Поварил, на всякий случай, подольше и достал горшок.

— Завтрак! — стучу ложкой по горшку. Машка и Леха с интересом смотрят, как я разделяваю первого рака. Отламываю большой хвост, с трудом отколупываю твердый хитин и обнажаю белое, парящее мясо. Клешни разбиваю кухонным ножом и делю на две плоскости. Подвигаю их к заинтересованным москам. Быстро разделяваю второго и, обжигаясь, откусываю нежное мясо.

— У-м! Вкусно! — сестренка и братишка, глядя на мое довольное лицо, мгновенно закинулись деликатесом и закрыли глаза от восторга.

Сидим, осоловело поглядывая на горку красного хитина и на оставшегося рака. Чувствую, что сейчас не влезет ни единого кусочка. Накрываю недоеденного миской, и иду ставить горшок на огонь, чтобы приготовить двух не поместившихся. Будет нам на ужин.

— После хорошей еды, полагается поспать!

Никто не возражает, и несут свои кругленькие животики по спальным местам. Не раздеваясь, ложусь на шкуру и, подхватив под мышку белую головку пристроившейся сестренки, впадаю в транс. В этот раз получилось все проще и могу наблюдать, как мой источник обволок своей энергией желудок и активно помогает пищеварению. Отключаюсь и впадаю в дрему, не мешая процессу.

Примерно через час открыл глаза. Организм бурлит энергией и требует движения. Так! Что там с источником? О! Плотность повысилась. Давай ка, потрудись! Направляю ручейки по всему телу, дублируя кровеносную систему, и омывая по пути все мышцы и кости. Примерно, через пол часа потускневшая энергия собралась в своем сосредоточии и спокойно замерла. Я почувствовал срочный позыв и метнулся во двор, на ходу развязывая веревку, служившую ремнем для штанов. Фух! Успел! Подтерся имевшимся в берестяном кулечке мхом и в радушном настроении решил смастерить вершу. Так как плести из лозы еще надо научиться, попробую приспособить имеющиеся корзины. Если связать их друг с другом, то останется только сделать конусообразный вход, а это уже совсем другая работа. Не откладывая дело в долгий ящик и, прихватив плотницкий ножик иду, за лозой.

— Васечка! — перехватила на выходе со двора сестренка. — Принеси воды. А то я только по пол ведра могу донести.

— Конечно! — смотрю на деревянные кадушки, по недоразумению, названные ведрами. Каждое килограмм по шесть. Если добавить по десять литров воды, то больше тридцати килограмм. Интересно, я вешу, наверное, почти столько же. Делать нечего! Берусь за веревочные ручки и шевелю босыми ногами в центр деревни. Праздношатающихся сельчан нет. Все трудятся в поте лица. Интересно, какой сейчас год? Одеты как бомжи и в лаптях. Молодежь вся босиком, даже великовозрастные лбы. С трудом кручу ворот и вытаскиваю мокрое ведро, выплескивая почти треть себе под ноги. Это я еще сытый и подзаряженный! Крякнул, приподнял на несколько сантиметров тяжелые ведра и засеменил к дому. Двадцать метров — отдых, еще двадцать — опять перекур. На половине пути меня нагнал пацаненок и закричал:

— Васька! Тебя староста зовет!

— Чего надо? — вытираю потный лоб.

— Не сказал. Сказал кликнуть, чтобы шел сейчас же.

— Ладно. Донесу воду до избы и приду.

Занес кадушки в избу и, отдышавшись, пошел к старосте. Его дом выглядел получше остальных и хозяйство было большое. Во дворе куча мала детишек и разной живности. Захожу через сени в хату и, перекрестившись на образа, приветствую старосту.

— Здрав будь, Порфирий Афиногеныч!

— Заходи! — Сидит за столом и потягивает квас.

— Значиться, так, Васятка! — Стою, как бедный родственник. — Ты теперь сирота, и общество должно тебя приютить. Будете с малыми жить в своей избе с Митькой и его жинкой. Он женился недавно, отделиться хочет. Будешь с ним в поле работать и барщину у помещика отрабатывать.

Е, мое! Пипец! Это мы, значить, крепостные! Из своих скудных знаний о тех временах, помню о полном бесправии крестьян, полностью зависящих от помещика. Если тот более или менее вменяемый, то еще ничего, а есть сущие звери и крестьян гноили заживо. Вроде отрабатывать барщину должны были мужики с восемнадцати лет, а девки с семнадцати. Сначала трудишься на поле помещика часов двенадцать, а потом, если остались силы, можешь пахать свою делянку. Вот такая милость от барина! Понятно, что наш надел отойдет кому то, но ведь тогда и дом с огородом тоже. Что же делать?! Остаться в доме и глядеть на то, как бесправные детишки трудятся за корку хлеба?

— Дом мой отец построил!

— И что? Нет его, а ты никто! — староста сдвинул густые брови. Значить, с лошадкой тоже можно распрощаться, думаю и решаюсь.

— Из дома уйдем! Будем в землянке жить! Пусть все видят, как ты сирот ограбил! — Порфирий, аж квасом поперхнулся.

— Так ведь помрете зимой!

— А не твоя забота! Помирать будем, к помещику пойдем! Пусть свое имущество спасает!

Староста с интересом глянул на меня, как будто в первый раз увидел. Потеребил бороду и спросил:

— Чего хочешь?

— Надел сами обрабатывайте, конягу и телегу забирайте, но если понадобится, дадите попользоваться. В доме жить одни будем и огород наш!

— Тогда барщину будешь отбывать все лето по шесть дней в неделю!

— Три дня!

— Пять!

— Два дня!

— Четыре!

— Годится, — сдался я, понимая, что платить все равно придется.

Староста крякнул и рассмеялся.

— А ты молодец! Может, на что и сгодишься! Есть у меня одна мысль. Завтра в поместье поедем. Если глянешься Александру Никитовичу, будет тебе работенка. Хе-хе! Ступай с богом!

Радостный от того, что отстоял свою самостоятельность, лечу как на крыльях домой.

— Живем, Машуля! — подхватываю взвизгнувшую сестренку и кружу вокруг себя..

— А меня?! — Подбежал, протягивая ручки Алешка. Опускаю сестренку, и та, смешно замахав руками, заваливается на попку.

— Сейчас полетаем! — подкидываю легкого братца под счастливый, залиvistый смех. Радуюсь вместе с ним и душу наполняет светлое чувство.

— А теперь пошли гулять! — вижу недоуменные глаза. Не принято тут гулять посреди рабочего дня. Гуляния только по праздникам и выходным.

— В лес идем за лозой.

— Ура! — Лешка запрыгал от радости. Не часто ему выпадало общение со старшим братом, а тут целый поход.

Берем, на всякий случай, с собой корзинку, веревку и нож. В кои то веки сытые еще в начале дня весело шагаем по зеленой траве в недалекий лес.

— Куда ходил? — спрашивает сестренка, сложив два и два мое отсутствие и хорошее настроение по возвращению.

— У старосты был. Договорился, что останемся жить в доме. За то четыре дня в неделю отрабатывать надо будет.

— А зимой? На одном огороде не прокормимся.

— Не бойсь, сестренка! Кривая выведет! — Машка с удивлением на меня посмотрела и ничего не сказала. Дошли до орешника и нарезали тонких и длинных прутьев. Съедобного, ничего, кроме сныти не росло, поэтому заполнили ею всю корзину. Хоть какой то витамин. Взвалил вязанку на спину и пошли обратно. Леха живчиком скакал вокруг нас и с восхищением разглядывал каждый цветок. Машка сплела себе венок и, если бы не грубый сарафан, вполне могла бы сойти за Снегурочку. Лес с толстенными деревьями был совсем не похож на виденный мною в прежней жизни. Чувствовалась в нем величие могучей природы с целой кладовой полезных для людей растений и скрытого мира тысяч животных. Вроде, и волков должно быть много. Оглядываюсь с опаской. Сейчас волчата народились и добычи много. Без причины не будут нападать. А нам придется сюда часто захаживать. Нужно заготовить на зиму дары леса. Соли только достать надо. Зерно, надеюсь, староста даст, рыбы насушим. Так что не пропадем!

Дома я стал вязать ловушку. Леха игрался рядом, пытаюсь, что то сплести, а сестренка занялась огородом. Земля еще влажная и поливать, слава богу, понадобится не скоро. Наконец, приделал к днищу одной из корзин свой корявый раструб. Пойдет! Большая и пузатая получилась.

— А теперь пошли купаться! — Машка оглянулась на меня и покрутила пальцем у виска.

— Совсем дурачком стал! Кто же купается в холодной воде! Заболеешь, как мамка, что мы делать будем?! — на сестринских глазах быстро набухли прозрачные капли и побежали по щечкам. Лешка, увидев такое, тоже заревел за компанию.

— Все, все! Купаться не будем! Быстро закинем в воду ловушку и все!

Быстро не получилось. Пока нашли удобную заводь без течения, затем оказалось, что ловушку надо крепить кольями, которые надо было еще найти. Внутрь верши накидали остатки раков. Я опять продрог и гольшом носился по берегу, пока не согрелся так, что от меня пошел пар.

У околицы деревни, нас уже поджидали мелкие стервятники.

— А, свин идет! И поросят ведет! — Кулаки сжались сами по себе. Идем быстро мимо и

стараясь не обращать внимания. Но деревенские пришли развлекаться и стали кидать в нас грязью.

— Машка, Лешка! Бегом домой! — поворачиваюсь к кучке хулиганов и, прикрыв лицо локтем, иду на встречу. Те прекратили кидаться, и самый здоровый выступил вперед.

— Что, смелость появилась? А вчерась то ее не было! — поплевал на кулак крепыш, на голову превышавший меня ростом.

Молчу и жду продолжения. Вожак банды деревенских малолеток картинно отвел руку назад и наотмашь махнул своей дынькой в мою голову. Чуть приседаю и втыкаю на прямой руке свой кулак в район печени. Здоровяк хекнул и сложился в поклоне. Не стал ему отказывать и, со всей дури, в прыжке врезал коленом по подбородку. Пацана выгнуло в обратную сторону, и он как дерево рухнул на спину.

— Кто следующий?! — перевожу взгляд с неподвижного атамана на остальных. Те не стали кидаться, неуверенно поглядывая друг на друга.

— Приходите, если кто еще захочет поваляться! — спокойно разворачиваюсь и иду к дому. Тело Васька потряхивает от адреналина, а я веселюсь про себя. Разве ж это драка?!

— Ой, Васятка! Тебя не побили? Я так испугалась! — Машка стала разглядывать меня, на предмет новых синяков.

— Ничего! Не бойся. Если будут приставать говори мне, я с ними разберусь.

Сестренка опять посмотрела на меня непонятым взглядом и занялась ужином.

Совершив положенную молитву, доели трех раков под кашу и заели салатом из сныти.

— Витамины нужны! — заставил Лешку доесть зелень, поймав в очередной раз недоуменный взгляд сестренки.

Укладываемся спать. Машка притулилась рядом и уставилась в сумраке на мое лицо.

— Вась! Ты какие то слова говоришь, которых я не знаю и ведешь себя странно.

Случилось то, чего и следовало ожидать. Меня здесь знали наизусть, а тут такие изменения. Надо что то придумывать.

— Ты в сказки веришь? — беру за плечи и притягиваю к себе.

— Кто же в них верит?! Это же сказки!

— А вот у меня, похоже, такая сказка. Я, как головой саданулся, так многие слова из нее вылетели, а другие залетели. Поэтому и говорю так странно. А еще мысли всякие стали появляться, как например с ловушкой. А еще я понял, что очень люблю свою сестричку и братика и сделаю все, чтобы они не голодали и были счастливы.

Сестренка всхлипнула и оросила мою грудь слезами.

— Ну, что ты? Все будет хорошо! — глажу по голове.

— И это, надевай, пожалуйста, рубашку перед сном. Скоро взрослая станешь, неудобно ведь.

— Пожалуйста — это что?

— Это означает, что я тебя вежливо прошу.

— А вежливо это как?

— Значит с уважением.

— Если ты так будешь с другими разговаривать — побьют!

— Ты права, постараюсь меньше говорить. Давай спать! — Обнимаю сестренку и со смущением чувствую голенькое тело, прижавшееся к моему. Хорошо, что мои яички не созрели, а то бы конфуз случился.

Проснулся в темноте, потратил пять минут на разгон энергии по телу и побежал в рассветной темноте к реке. Рыба плескалась на ее поверхности, как сумасшедшая. В предвкушении раздеваюсь и лезу в холодную воду, втянув живот и без того небольшие бубенчики. Трогаю корзины и пытаюсь приподнять. Е, мое! Тяжелая! Отвязываю и с трудом выволакиваю на берег. Половину объема ловушки занимала бьющаяся рыба разных размеров. Вот я чудак. Как такую прорву рыбы домой понесу! Придется разъединять корзины и нести в одной из них, только мелочь выкинуть, чтобы поднять смог.

Расшнуровываю две половинки и вываливаю на траву улов. Кого тут только не было! Понятно раки, караси, пара щук, крупный сазан, лини и небольшие налимы. Избавляюсь от мелочи, прячу половину ловушки в зарослях камыша и с трудом поднимаю улов. Ничего! Дотащу! Перемещаю корзину на спину и буквой зю семеню домой. Склизкая вода с рыбы намочила мою немудреную одежду, и я с неудовольствием вспомнил, что мне в ней ехать к помещику.

С двумя перекурами дотащил улов и быстро простирнул свою единственную одежду. Нашел кусок ткани и, обвязав на манер банного полотенца вокруг бедер, принялся чистить и потрошить рыбу. Осилев половину, увидел вышедшую из дома сестренку.

— Доброе утро!

— Доброе! Это в нашу ловушку столько попало? — тычет пальчиком в скользкого налима

— Соли у нас мало. Вот это засолим, этих в уху, а это соседям раздашь, — показываю на нечищенную половину.

— Я сегодня к барину поеду со старостой, остаешься за старшего.

— Угу. Не болтай только там, — сестренка разулыбалась и стала носиться с рыбой. Шустрая она у меня!

Одежда к приезду старосты просохнуть не успела, и он удрученно смотрел на мой вид. Потом поковырялся в телеге и достал из мешка рубаху и штаны, со значительно меньшим количеством заплат.

— Надевай, давай! Срамишь нашу деревню!

Быстро переодеваюсь и запрыгиваю на сено, рядом с какими-то мешками и парой бочонков.

— Но-о! Милая! — коняга, не спеша, тронулась в путь.

— В Пологом был? — тамошняя деревенька так называется, всплыло в памяти, а наша Краюшки.

— Нет. Не был.

— Как к господам обращаться знаешь?

— Откуда?!

— Отвечаешь, да барин, нет барин, или барыня. В остальное время молчишь. Понятно?!

— Понятно.

— Барина зовут Александр Никитович, барыню Василиса Тимофеевна, дочка Ольга твоих лет.

Получив инструктаж, едем молча около пяти километров по еле видимой дороге,

заросшей травой. Погода хорошая, воздух чистый. Тело, после манипуляций с энергией, чувствовалось великолепно и настроение соответствовало. Проехали вдоль леса и дальше меж бескрайних полей и редких рощ. Всюду пели и порхали птицы и насекомые. Инсектициды еще не придумали, и природа цвела во всем своем великолепии.

Обогнули краем деревеньку с церквушкой посередине и въехали в помпезную арку на дороге с большими дубами по краям. В глубине между деревьев виднелись колонны парадного фасада и желтые стены. Мы свернули на боковую дорожку и по широкой дуге объехали парковую зону. К дому подъехали с тыла рядом с хозяйственными постройками. Староста велел ждать и скрылся в доме. Через пару минут вернулся с двумя мужиками и те шустро разгрузили телегу, что-то унося в дом, что то в сараи. Еще через десять минут вышел импозантный мужчина с пышными усами, одетый в стеганный халат, из под которого виднелись узкие брюки и ноги в тапочках.

— Что, Прощка?! Это и есть твой малец?!

Староста склонился в поклоне, и я поспешил согнуть спину, стараясь соответствовать.

— Да, батюшка! Малец, смысленый и послушный!

— Где ж ты такого беленького откопал, а?! — спустился со ступенек и остановился напротив нас. Я смотрел в землю и изображал деревенщину. Барин не побрезговал и, взяв меня за подбородок, поднял мое лицо и стал поворачивать влево и вправо.

— Хорош! Хорош! Марфа! — из дома выскочила бабенка, в широких юбках.

— Слушаю барин!

— Этого, помыть, проверить на вшей, одеть, обуть и ко мне!

— Будет сделано ваша милость! — меня схватили за руку и, со скоростью курьерского, потянули вглубь бесконечных комнат. Остановились в помещении, похожее на прачечную. На пол с грохотом упало корыто находившаяся тут служанка, получив соответствующее указание, стала заливать в него кипяток из парящего котла. Разбавив холодной водой, весело крикнула:

— Чего ждешь?! Скидовой портки!

Раздеваюсь и становлюсь под насмешливым взглядом в теплую воду.

— Какой красавчик! Садись, садись, мыть тебя буду, — женщина зачерпнула из горшка мыло и, полив на голову, стала намывать, приговаривая:

— Вырастешь, все девки твои будут. Жалко, что я уже стара для тебя. Ха-ха-ха! Вставай! Попка как у младенца! Стручок, какой махонький! Ничего, скоро вырастет! Давай мою.

Меня облили свежей водой и стали обтирать полотенцем. Женщина раскраснелась и получала удовольствие от процесса.

— Какой херувим! — отошла в сторону и сложила руки в умилении. Я чуть не рассмеялся от двусмысленности произнесенного.

Влетела Марфа с одеждой в одной руке и парой лаптей в другой.

— Одевай, давай! — обе с любопытством уставились на мою откляченную задницу, пока я натягивал чистые штаны. Сверху надел белую рубаху из хорошего хлопка.

Прачка достала откуда то расческу и привела в порядок мои лохмы.

— Красавчик! — ущипнула меня за булку и довольная, вернулась к своим делам.

— Идем за мной! — Марфа величественно поплыла по дому и я за ней. Остановились в кабинете с множеством книг и письменным столом. Тут же стоял диван и журнальный столик. Из большого окна шел яркий свет и играл на блестящих досках пола. Барин оторвался от чтения и, махнув рукой домоправительнице, уставился на меня, неспешно

раскуривая трубку.

— Как звать?

— Василий, — отвечаю, стараясь не глазеть.

— Сирота?

— Да барин.

— Откуда в мою деревню приехали?

— Мал был, барин. Не помню.

— Что умеешь?

— Что деревенские умеют, то и я, но если надо, то быстро научусь.

— Хм! — барин глянул с интересом.

Все-таки не удержался! Прикусил язык, обещая себе, больше ни слова лишнего..

— Пошли, покажу тебе твою работу. Предупреждаю сразу! Позволишь себе лишнего, откручу голову. Смотрит испытующе.

— Как скажете, барин! — кланяюсь, для подтверждения и стою в таком положении, высказывая полную покорность.

— Молодец! Выпрямись! Если я останусь довольным, будешь и ты не в накладе.

Иду за хозяином пока не остановились у одной из дверей.

— Оленька! — стучит барин в дверь. — Позволь нам войти!

— Входи, батюшка! — раздался в ответ, звонкий голосок, похожий на перезвон колокольчиков.

В комнате с большой кроватью за столиком сидела тоненькая девчушка и раскладывала пасьянс.

— Вот, знакомься! Это Васька, будет тебя сопровождать на прогулки. Делай с ним что хочешь, только, пожалуйста, без членовредительства.

— ОК, рара, merci pour le soin. (Хорошо папа, спасибо за заботу)

— Моя дочка плохо ходит, болезнь с детства, будешь ее возить в кресле и выполнять просьбы. Но помни, что я тебе говорил. Завтра будешь здесь к девяти утра, и пока не отпустят.

— Простите, барин. Часов то у нас нет?!

— Ты знаешь, что такое часы? — Понимаю, что опять попал и стал выкручиваться.

— Видел один раз у заезжего купца.

— Ничего, как увидишь, что солнце поднялось на пять вершков, вот примерно к этому времени приходи. Оставлю вас. Оленька! Maintenant, il est votre page. (отныне он твой паж)

— Oui! Рара!

Барин ушел, а я подвергся тщательному осмотру зеленовато-серых глаз. Симпатичная девчонка, только кисти рук искривлены и одно плечо ниже другого. Что с ногами, не видно из-за столика.

— Знаешь, что такое паж?

— Откуда нам деревенским такое знать?! — делаю дебилское лицо и стараюсь не улыбаться.

— Паж это юный слуга или оруженосец, который всегда следует за своим господином и помогает ему во всем.

Делаю поклон и рассматриваю маленькие туфельки под столом.

— А, ты не безнадежен! — выдержала паузу и протянула мне руку. — Помогай, давай!

Подскакиваю и, придерживая за тонкую талию, помогаю встать.

— Видишь кресло? Кати сюда.

Только сейчас вижу в углу у дверей кресло с колесами, как у дедушки Ленина. Подхватываю за спинку и лихо подкатываю к барышне. Та неловко поворачивается и почти падает в него. Внизу кресла имелась полочка для ног, так что сидеть было удобно.

— Поддай мне шляпку. — На стене висело зеркало с полочкой для головных уборов. Пока шел к нему с интересом разглядывал свою новую внешность.

— Что, никогда зеркала не видел? — не укрылись от внимательных глаз мои маневры.

— Не видел, госпожа.

— Не госпожа, а барышня! Но ход твоих мыслей мне нравится! Вперед, мой паж! Вези меня в парк, только не урони!

Осторожно качу, царственно сидящую девчонку, и жалею ее в душе. Незавидная у нее судьба. Похоже на церебральный паралич, а это не лечится. Едем по парковым дорожкам, и я размышляю о превратностях судьбы. Появился шанс отодвинуть от себя тяжелую долю хлебопашца и этот шанс сидел в кресле, которое я катил с великой осторожностью. Колеса были из мягкой резиной, поэтому неровности дорожек почти не ощущались.

— Расскажи мне Вася, как вы живете в деревне, чем занимаетесь.

— Живем хорошо, каждый день едим, сколько хотим. А так, конечно, работать приходится. — Вижу недоверчивый взгляд, пробежавшийся по моей худощавой фигуре.

— А что еще?

— А еще, пашешь себе, пашешь, а потом придешь домой и кушаешь. — Желудок предательски заурчал. Позавтракать то я не успел, да и нечем было.

— Ну, ка, поворачивай! — Мы вернулись в дом и проехали под руководством девочки на кухню.

— Егоровна, собери ка мне еды на рique-nique. (Пикник)

— Сейчас, барышня! — Повариха заметалась, собирая в корзинку еды.

— Все, теперь поехали, а как поешь, расскажешь, как вы живете в деревне. — Умная девочка!

Сидим у прудика, я ем, а Оленька со мной за компанию, делает вид. Васятка впервые в своей жизни ел сдобные пироги, и я с трудом сдерживал свое тело от желания, заглотив куски не жуя. Запил из узкой крынки молоком и глянул на ждущую девочку.

— Рассказать, как живется в деревне. — Думаю, как выкрутиться. — Тебе точно не понравится. Давай лучше сказку расскажу.

— Фи! Я уже не маленькая! Не нужны мне сказки!

— Я все-таки начну, если не понравится, то больше не буду, — покопался в памяти и нашел подходящую.

— Давным-давно жила-была одна счастливая семья: отец, мать и их единственная дочка, которую родители очень любили.

Рассказываю сказку Шарля Перо «Золушка». Девочка слушала и на ее личике, как на лакмусовой бумажке, отражались все ее переживания.

— Какая хорошая сказка! — глазки ее мечтательно затуманились. — И жили они долго и счастливо..., люблю сказки со счастливым концом! Откуда эту сказку знаешь?! Я вот не слышала.

— Мама в детстве рассказывала.

— Барышня! Вам на занятия пора! — донесся до нас крик дворовой девки.

— Поехали, мой паж! Меня ждет учителька. Будет мучить сложением. Приходи завтра

пораньше.

Сдал кресло с девочкой смешливой девахе и, попрощавшись, пошел искать прачечную. С трудом нашел и забрал свою постиранную одежду. А то в барской ничего и не поделаешь дома. Вышел за ворота и решил. Буду бегать! Во-первых быстро доберусь, во вторых полезно для тела. Снял лапти, новую одежду и одел влажные штаны. Связал оставшееся в узелок и понесся, с наслаждением чувствуя потоки воздуха на голом торсе. Легко преодолел пять километров, даже не запыхался.

— Эй! Машка, Лешка! Я пришел!

— Ой! Васька! Ты чего голый? — обрадовалась Машка моему возвращению.

— Бежал всю дорогу, вот и разделся, чтобы легче было.

Развесил сырую одежду, чтобы просушилась, а новую, чтобы разгладилась.

— Полей на спину, запарился весь, — прошу сестренку, нагнувшись к земле. Ополоснулся и вытерся рушником.

— Есть то будешь? Я уши наварила.

— Когда это я отказывался от еды?! — С удовольствием похлебал наваристой ухи, приправленной пшеном.

— Я отдохну немного, хорошо? — спросил для проформы и завалился на лежанку. Через минуту уже сладко спал. Снилось мне Ленка Смирнова и мои настоящие родители.

Проснулся и с грустью уставился на закопченный потолок. Сон сбил настрой на живание в сельскую жизнь бесправного крестьянина. Стало тоскливо и захотелось обратно. Спасла от минорных мыслей Машка, загремевшая посудой за печкой. Чего разнюнился?! У меня задача спасти двух несмышленьшей, а еще есть источник! Ну-ка иди сюда! Протягиваю ручеек энергии в руку и концентрирую на кончике пальца. Он аж слегка засветился. Интересно, разглядываю, выставленный пипи фак, если попробовать ее передать кому то другому, он сможет излечиться?

— Машка! Иди сюда, бегом! — ору, как ненормальный. В результате, через пару секунд передо мной возникла испуганная моська с двумя синими площадками на лице.

— Чего орешь! — увидела, что со мной все в порядке и рассердилась.

— Покажи руки! — беру за кисти и смотрю на бедные пальчики, замученные крестьянской работой. Мозоли, ссадины и заусенцы. Накрываю ладошку обеими руками и сгоняю в них всю доступную энергию.

— Ай! Горячо! — пытается выдернуть руку, но я не пускаю. Через минуту чувствую, что концентрация энергии упала, и она вернулась в свое гнездо. Раскрываю ладони и люблюсь чистой ручкой с идеальной кожей. Машутка открыла ротик и распахнула глаза.

— Это как это?! — смотрит то на руку, то не меня.

— Видишь. У меня не только новые слова в голове появились. Может, это божья благодать нам явилась во спасение, — на ходу придумываю, хоть какое то объяснение. — Только ты не вздумай никому говорить, особенно попу на исповеди! Пропадем тогда. Поняла?!

— Хорошо. А может это матушка тебя благословила перед смертью, — из синих глазок полились слезы, и сестренка принялась мочить мою грудь. Васятка тоже не выдержал и смахнул набежавшую слезу.

— Может и так. Я тебя потом еще полечу, когда сила восполнится. Как вы тут без меня?

Никто не обижал?

— Нет. Рыбу я разнесла, нам в ответ соседи отдарились. Хочешь молочка?

— Нет. Я в усадьбе сегодня пил. Оставь для Алешки, ему нужнее. Долго я спал?

— Уже к вечеру склоняется.

— Тогда пошли на рыбалку. Надо еще ловушку починить.

Лешка услышал про рыбалку и огласил двор радостным кличем. Сестренка тоже радовалась возможностью прогуляться и мы, дружной семьей пошли к реке. Детство оно такое. Минуту назад ты грустил, а сейчас уже все забыто, и ты наслаждаешься жизнью бездумно как щенок.

Сегодня был теплый денек, и вода не была такой холодной как вчера. А может это мой организм адаптируется, благодаря воздействию источника. Поэтому с удовольствием поплавал под восторженные крики Алешки и причитания сестренки, испугавшейся моего заплыва на глубину.

Установил ловушку, пообещал Лешке, когда потеплеет, научить его и Машку плавать, и пошли домой. Солнце было уже на горизонте, и комары роем вылетели на свою охоту. Я взял братишку на шею, и мы с криками припустились бегом.

Ужинали при лучине, той же ухой, но с краюхой хлеба от соседей за утреннюю рыбу. Еще нам досталось четыре яичка и плоска гороха. Спать совершенно не хотелось, и я с тоской поглядел на тусклую, коптящую лучину. И что прикажете при таком свете делать?! Только глаза портить! Именно поэтому крестьяне работают, как говорится, от темна до темна. Ладно! Значит, устроим вечер сказок.

Собрал всех в кучу на печной полке и, укрывшись шкурой, стал травить детские сказки, про колобка, курочку рябу, про дедку и репку. На репке младшие уснули, а я стал тренировать свой источник, прикладывая ладони с двух сторон на хрупкое тельце братишки и прогоняя через них энергию. Будет малыш здоровей и крепче! Выжимаю из себя все до последней капли. Уф! Аж, голова закружилась! Удовлетворенный, уплываю в сон.

Просыпаюсь, как по будильнику. В избе еще темно. Быстро лечу вторую ручку у сестры и, надев одни только штаны, не забыв на этот раз корзину для улова, бегу к реке.

Рыбы в плетеной ловушке, было не меньше, чем вчера. Даже неплохая стерлядка залетела. Вываливаю добычу на траву, быстро режу на куски молодь и устанавливаю вершу на место. Закидываю улов на голую спину и, сгибаясь как лоза на ветру, бодро перебираю ногами. Дома ставлю на козлы широкую плаху и орудую ножом, разбрасывая во все стороны серебристую чешую. Кишки отдельно, рыба отдельно. Нужна соль! С сожалением смотрю на большую часть улова, которую мы просто не съедим. Может попробовать сменить ее на соль?

Быстро споласкиваюсь, накидываю рубаху и бегу с корзиной рыбы к старосте.

— Утро доброе, Порфирий Афиногенович! Не побрезгуйте рыбкой. Вот, бог послал!

— Знатная рыба! — Сверху улова лежала серебристая стерлядь. — Уважил! Как там, у барина, прошел день?

— По вашей протекции все хорошо сладилось. Вожу барышню на прогулки, да сказки ей рассказываю.

— Сказки! Ай, молодец! Не ошибся я в тебе! Может надо чо. Огород то пустой истще.

— Нам бы соли. Совсем кончилась.

Староста ушел в избу и вынес мешочек с крупной солью.

— Пока на, потом купцы соль привезут, еще дам.

Поклонился, поблагодарил и бегом обратно. Успею еще позавтракать, чтобы не выглядеть попрошайкой в усадьбе. Жарю на остатках жира рыбу, на запах которой высунулись младшие и были отправлены умываться.

Хрустим румяной корочкой, тающей во рту полезной еды. У Лешки на щеках прорезался румянец и выглядел он совершенно счастливым. Надо и Машку подлечить вечером.

— Я в усадьбу, захотите есть — ешьте, меня не ждите. Рыбу не жалеть, завтра новая будет. Машка! Поняла?!

— Хорошо, — на лице улыбка, а в глазах загадка. Вот ведь бабы! Сопля, а туда же!

Новую одежду и лапти в узелок, и несусь как птиц, рассекая утренний воздух. Забегаю в усадьбу и сворачиваю к пруду. Там скидываю потную одежду и вешаю в зарослях шиповника, просохнет и проветрится заодно. Тихонько залезаю в воду и моюсь, чтобы выглядеть поприличней. Потратил еще время на сушку, и вот я чистенький, готов к труду и обороне. Иду к служебному входу. Парадная мне и слугам не по чину. Прошу первую попавшуюся Дуньку доложить обо мне барышне и жду. Почти сразу же меня кличут и проводят в дом, где в одной из зал меня ждала Ольга, готовая к выезду и с корзинкой на коленях.

— Утро доброе, госпожа, — склоняюсь в поклоне.

— Мой паж! — протягивает ручку с ладошкой, искривленной вбок. — Целуй!

Беру тонкую кисть и с жалостью разглядываю следы роковой болезни. Держу двумя руками и выплескиваю энергию источника бурным потоком.

— Ай! — ладошка вырвалась из моих рук, и Ольга стала дуть на нее, ища ожог. — Что это было?! — Смотрит в недоумении.

— Дайте посмотрю, — ловлю ладошку и, преодолев попытку вырваться, нарочито медленно осматриваю. — Ничего нет! Можно целовать! — прикладываюсь губами к тыльной стороне и возвращаю конечность. Барышня посмотрела с удивлением на ручку, сжала пару раз пальчики и оставила свои мысли при себе.

— Поехали! Вперед, мой Санчо Панса! — О! Сервантес уже известен. Я к стыду не помню его даты рождения.

— Тогда вы Дульсинея! — и тут же прикусываю свой болтливый язык. Ой, дурак!

— Что?! — глаза зазеленели, утратив свои серые тона.

— А?! — делаю дурачка.

— Как ты меня назвал?

— Не знаю! Вырвалось, какое то слово.

Сердитое пыхтение было мне ответом и, кипящая эмоциями, девочка просто вытянула вперед руку с указующим перстом.

Вперед, так вперед. Качу кресло по парку, пока девчужке не надоела молчание, и она опять села на своего любимого конька.

— У вас большая семья?

— Не очень.

— Сколько у тебя братьев и сестер?

— Одна сестра и брат, сестра младше на два года, а брат на восемь.

— Я думала больше!

— Еще четверо умерло в младенчестве от разных болезней.

— Ой! Прости, прости! Я такая глупая! Вечно со своими вопросами. Давай ты опять расскажешь, что ни будь веселое, — заглядывает мне в глаза с виноватым видом.

А что? Мне не сложно. Хоббита я знаю наизусть, потом можно на Гарри Поттера переключиться. Катаемся, я рассказываю. Оленька живо реагирует и сыпет вопросами по сюжету. Потом сидим под деревом и завтракаем. Сегодня барышня кушает с большим аппетитом, чем вчера. Иногда поглядывает на свою кисть и сгибает ее туда-сюда. Неужто, есть какой то эффект! Затем опять приключения Хоббита. Так и время подошло к обеду. Оленьке надо было идти на занятия, поэтому везу ее в усадьбу и сдаю высокой худой гувернантке в пенсне.

Обратный путь прошел без происшествий, бег так же доставлял удовольствие и, казалось, что мог бы пробежать еще и обратно с такой же легкостью. Может стать знаменитым бегуном? Ха-ха! Не успел от сохи оторваться! А туда же! Не спешим, не подставляем. Тут же вспомнил целительскую вспышку на руках Оленьки и обреченно понял, что рано или поздно аутодафе мне обеспечено. А и, ладно! Может, ее судьба не безразлична мирозданию, и я здесь оказался с определенной целью. Запереться как улитка в скорлупе? И что дальше? А то! Соха да лопата!

Разрешил свои сомнения, в веселом настроении ворвался во двор и, умывшись, стал кормить брата и сестру. Оказывается, в эти времена крестьяне не обедали. Скучный завтрак и плотный ужин, таким был их график еды. Это, каким же здоровьем надо обладать, чтобы работать по шестнадцать часов в сутки! Но нам надо набирать массу, поэтому будем делать свой режим. Еще и полдники организую. Ха-ха! После еды развесил сушится, ранее засоленную рыбу и стал плотничать, приспособившись к инструменту и набивая руку. Вон сколько работы! А еще дрова нужны на зиму. Узнаю, когда коняшка освободится и поедем в лес, может к тому времени уже будут ягоды или грибы.

Трудился до вечера. Первым делом стал делать отдельную лежанку для сна. Машке одиннадцать и скоро начнет превращаться в девушку. Не стоит нам спать в одном месте. Еле собрал каркас, досок все равно нет. Ничего! Все постепенно будет!

Ужин, богатый фосфором, потом сказка и лечение заснувшей сестренки. Засыпаю в полном удовлетворении от хорошо выполненной работы.

Тем же вечером.

— Папенька! Смотри!

— Что? Мой цветочек?

— Видишь руку. Она теперь не кривая!

— Как! — берет ладошку и смотрит с удивлением на прямую кисть.

— И сгибается, — поворачивает в разные стороны.

— Как такое может быть?! Это чудо! — целует маленькие пальчики и обнимает дочку. — Господь услышал наши молитвы, дай бог пойдешь на поправку.

— Я дала своему папу руку для поцелуя и после этого она разогнулась.

— Да, конечно! — улыбнулся в усы. — Придется ему теперь и ножки твои целовать.

— Папа! *Ce n'est pas drôle!* (Это не смешно!)

— Давай я тоже поцелую твои ручки, чтобы они выздоровели. А если понадобится, я буду целовать и ножки, лишь бы ты смогла ходить.

Утро, физкультура, плавание в речке. Завтрак, легкий расслабон с младшим.

И вот я сижу рядом с барской дочкой и оттягиваю момент окончания своего перекуса. Ручки мы вылечили, а вот дальше! А дальше ступни и выше. В эти времена, обнаженные щиколотки считались верхом неприличия, а мне придется их лапать, а если дальше, то и все остальное. О-хо-хо! Из размышлений меня вывела моя подопечная.

— Вася! О чем задумался?

— Думаю, как мне тебя дальше лечить. Ведь, для этого, мне придется трогать твои ножки. И остальное...

— Ты что?! Думаешь, мне приятно в этом исковерканном теле?! — она вскинулась, раздувая ноздри в гневе.

— Если надо, я разденусь перед тобой догола! Я сделаю все для выздоровления! Ты понял?! Все!! — последние слова она прокричала, одержимая желанием покончить со своей увечностью.

— Ты знаешь! Еще совсем недавно я задумывалась утопиться в этом пруду. А потом появился ты и подарил надежду. Поэтому делай что нужно, моя жизнь и тело в твоих руках.

— Хорошо. Извини, но я должен был убедиться, что не нанесу тебе душевной травмы.

— Ха-ха-ха! — девушка неожиданно засмеялась, и я с удивлением воззрился на нее.

— Извини. Просто вчера мой папенька назвал тебя обычным крестьянином. Услышал бы он твои слова сейчас!

— Может, тогда, не стоит ему больше говорить о моем участии в твоей судьбе. Пусть все останется на своих местах. Ты барышня — я крестьянин.

Оленька промолчала, но видно, что не смирилась с таким положением.

— Давай ножку, начнем с правой. Какая маленькая! А пальчики такие милые! Сейчас мы прогоним эту проклятую болезнь, и наша ножка выпрямится, и будет бегать, как новенькая.

Сразу выпрямить, естественно, не удалось. Не спеша влил всю энергию, потом немного помассировал конечность и поигрался смешными пальчиками. Оленька прикрыла глаза и глубоко дышала, покрывшись румянцем до самой груди. Похоже, женские гормоны уже перестраивают юное тело, и я вызвал их нешуточную активность своими действиями. Одеваю обратно носочек и белую туфельку.

— На сегодня все, — иду к воде и мою руки, а затем и лицо. Чего-то вспотел от вида маленькой ножки. Ха-ха! Васятка то возбудился!

Сижу у воды, жду, когда пациентка придет в себя.

— Вася! А что там дальше с гномами?

Ага! Очнулась, вид нормальный, но глаза прячет. Продолжаю повествование о приключениях малорослика и его товарищей. Завтра можно переходить к другой истории. Так как основной сюжет про Хоббита себя уже исчерпал.

Вторая половина прошла по накатанной. Мы опять сходили в лес, где я разделал вторую сосну. Затем вернулись домой и я поехал обратно на подводе, взятую у старосты. Наша лошадка оказалась неказистой кобылой пегого цвета. Сколько ей лет я не помнил, но была она еще довольно крепкой на вид. Без особого труда тащила телегу с наваленными бревнами и крупными сучьями. Закончил уже в сумерках. Отогнал лошадку обратно и, подумав, сбегал

и установил обе верши, накидав в них больших перловиц, разбив их предварительно камнем. Проверим каков улов будет, подкормим соседей, заодно и нам что-нибудь перепадет. А в субботу поставлю ловушки с утра, чтобы на ярмарку везти как можно больше.

Усталый быстро поужинал. Машка еще не спала, но глазки уже закрывались. Как только я лег рядом, взялась за мою руку и тут же засопела, погрузившись в сон. Быстро скидываю накопившуюся энергию на подпитку сестренки и иду вслед за ней в царство Морфея.

Утром сбегал на речку, от души поплавал, совместив зарядку и удовольствие в одном флаконе. Проверил ловушки и, удовлетворенный увиденным, отпустил большую часть улова. Спрятал обе верши и, взвалив на плечи полную корзину, поторопился домой. По пути отдыхал всего один раз. Крепчаю, однако! Почистив несколько штук на жареху, оставил остальное для соседей. Завтрак по расписанию, затем время для Алешки.

С точностью до минуты подхожу к крыльцу усадьбы и, склонив колена, целую ручку улыбающейся Ольги.

— Давай, вези меня мой паж. Если будешь хорошо служить, посвящу тебя в рыцари!

— Слушаюсь, моя госпожа! — спускаюсь с крылечка и не торопясь удаляюсь от дома. Когда мы повернули на боковую аллею, резко прибавил хода и, под залиvistый крик барышни, помчал инвалидное кресло.

— Ох! У меня чуть шляпка не улетела! Как, здорово! Хотелось бы и мне так бегать! — небольшая тучка набежала на чело, но затем быстро сменилось озорным ожиданием чудесного массажа.

— Еще побежите! Чувствуете улучшение в ноге?

— Да! Уже почти не болит, и выпрямилась немного!

— Тогда сначала дело, потом завтрак.

Снимаю туфельку и носок. Маленькие пальчики зашевелились требуя внимания. В озорстве провожу по подошве пальцем и любуюсь взвизгнувшей от щекотки девочкой. Подождал, пока успокоится и начал лечение. Так как старался подавать энергию малыми порциями, процесс шел безболезненно, но дольше. Сегодня барышня не так нервно реагировала на мои манипуляции, но глазки смотрели с лукавым любопытством, а яркие губки вспухали, когда жемчужные зубки прикусывали ее нижнюю половинку. Разогретый сустав в лодыжке обрел почти нужную подвижность, и я с удовольствием покрутил изящной стопой вокруг него.

— К утру, надеюсь, будет как новый. Давай посмотрю на другую ножку.

С жалостью смотрю на повернутую вбок ступню и просто массирую ее в своих руках. Вроде хуже не будет, может даже и польза есть. Не зря же китайцы и тайцы целую науку подвели под массаж стоп. По крайней мере, удовольствие от моих действий девушка получала и покраснелась не на шутку. Как бы оргазм не словила! Испугался и быстро закруглил возбуждающий обе стороны процесс. Интересно, ей маменька уже объяснила отношения между мальчиками и девочками и от чего дети появляются. А то, не дай бог, привлекут меня к ответственности, когда она полезет к ней с вопросами и расскажет о своих ощущениях в процессе лечения. Мне-то понятно, что проснувшаяся чувственность, может среагировать на любые раздражители невинного тела. А я как раз этим и занимаюсь, и чем дальше, тем ближе будут эрогенные зоны.

— Оленька, — говорю, дожевывая последний бутерброд. — Я очень рассчитываю на ваше благоразумие. Если не хотите для меня страшной участи быть запоротым на конюшне, вы не должны рассказывать о процессе вашего лечения. Никому, ни маменьке, ни папеньке.

Гляжу серьезно. Вроде поняла.

— Хорошо мой паж. Тогда ты должен стать моим рыцарем и посвятить свою жизнь служению мне.

— Не обижайся Оленька! Но я не могу стать твоим рыцарем. У меня на руках двое маленьких брат и сестра. Я должен позаботиться о них в первую очередь, ведь наши родители померли этой зимой и мы теперь совсем одни.

Распахнутые глаза наполнились сочувствием и, откинув шутливость, барышня перешла на серьезный тон.

— Хорошо, Васенька. Я буду молчать. Как же вы живете?! Неужели у вас нет родственников?

— Все родственники остались в других местах, да и не помню я их. Пока живем, до зимы далеко еще. Дрова запасаем, припасы. Авось, выживем!

— Бедненькие! Могу ли я, что ни будь для вас сделать? Может попросить батюшку забрать вас в усадьбу? Будете жить в тепле, сыты и обуты?

— Давай отложим этот разговор до осени. Если увижу, что мы не справляемся, тогда и решим. Хорошо?

— Хорошо. Но очень жаль. У меня нет подружек, а с тобой весело и интересно. Что ты мне сегодня будешь рассказывать?

Сегодня решил начать Гарри Поттера, но для начала надо выяснить какой сейчас год и есть ли уже паровозы.

— А можешь рассказать мне кое-что о жизни в России, а то в нашей глуши мы кроме коров, да старосты ни про кого не знаем. Кто, например, у нас император и какой сейчас год.

— Да ты, похоже, и вправду крестьянин! — заливается смехом. — Сейчас тысяча восемьсот первый год. Императором был Павел первый, преставился недавно, теперь на троне Александр первый.

Ага! Немного прояснилось! Паровозы не появились еще, огнестрельное оружие уже есть, и война с Наполеоном будет через одиннадцать лет. Мне сразу расхотелось оставаться крестьянином, и я решил подумать об этом попозже.

— Спасибо! Научишь меня читать? — придется учиться, чтобы ссылаться в будущем на прочитанные книги. Иначе никак не оправдать свои промашки в словах и познаниях.

— Конечно! С радостью!

— Тогда начнем учиться завтра, а сейчас история про волшебников, — загружаю адаптированную историю, меняя паровозы на дилижансы, а по русски — конки.

Расстались мы довольные друг другом. Оленька даже напевала песенку и была полна оптимизма. Мне тем более, некогда грустить, дел куча. Сначала покормить семью, потом разборка дров и пляски вокруг бревен. Моя попытка с ходу начать делать из них доски с треском провалилась. Чуть влажная древесина, ни за что не хотела колоться вдоль ствола, с удовольствием плотая деревянные клинья в своем теле. Черт! Выругался и принялся пилить упрямое бревно на чурбаки. Будет знать! Остальные сложил на просушку, поднимая их от земли на толстые сучья. Сложное это дело — из бревна доски делать. Не зря же полы в избе собраны только из половинок толстых стволов. И мебели в хате почти совсем нет. Купить, соответственно будет дорого, денег пока нет и неизвестно, когда будут. Может сделать долбленку? Вспомнил фильм про робинзона Крузо, как он долбил дерево, и с сомнением отмел эту мысль. Съезжу на ярмарку, посмотрю, что почем. Там видно будет!

Потерпев фиаско на изготовлении досок, хотел заняться ужином, но Машка прогнала меня, отчитывая за желание заняться бабским делом.

Ну что ж! Взял с собой Алешку, бобину ниток и пошел к сурочьим норам. Сидя у норы, сплел в четыре нитки метровый шнур и, вбив по обеим сторонам выхода из домика деревянные колышки, насторожил петлю.

— Видишь Алешка. Сурок выгянет из норы, сунет сюда голову, — показываю на петлю. — Шнурок затянется и поймает нам зверя.

— Мы его будем есть?

— Да. Еще у него очень полезный жир. Если заболеешь, то нужно им намазаться и тогда выздоровеешь быстрее.

— А он вкусный?

— Очень вкусный!

— Тогда давай еще поймаем!

— Нет, два сразу мы не съедим, а еще если мы быстро всех переловим, то останемся совсем без мяса. Пойдем, у речки посидим!

Вечер окрасил воду и противоположный берег в розовые тона, а в воздухе повисли комарики и красивые стрекозки.

— Вася! А мамка с папкой сейчас на небе? — на ресничках братишки повисла прозрачная слезинка.

— Да, мой хороший! — обнимаю его и глажу по маленькой головке. — Им сейчас хорошо и они смотрят на нас. Не будем их огорчать! Вырастем здоровыми и сильными, а для этого надо хорошо есть и делать зарядку. Пошли домой! Машуня нас ждет небось.

Наутро побежал к реке, разглядывая издалека нору с ловушкой. Ага! Толстый зверек почти уполз под землю и задушил сам себя. На широкой морде выдавались вперед крупные желтые резцы. С трудом вытащил сурка из норы и порадовался его весу. Килограмма три, не меньше! Вот и долгожданное мясо! В реке установил обе ловушки по проверенному способу с наживкой из речных ракушек и побежал, держа в руке жирного грызуна.

Подвесил мохнатый мешок с жиром за задние ноги в сарае и совершил кровавое жертвоприношение с матюгами и проклятиями, покромсав шкуру в лоскуты. Своего все-таки добился, и добыл мясо из этого зверя. Срезал с тушки жир и сложил отдельно вместе с нутряным салом. Машка, увидев меня, выходящего из сарая с руками по локоть в крови, хотела уже завизжать, но я быстро ее успокоил и показал на виновника этого безобразия.

— Вот. Это мясо будет у нас на обед! Жир надо растопить и залить в крынку.

— Это кто? Бобер?

— Ага! Сухопутный! Сурок это, почти как заяц, только без ушей!

— Здорово! Я уже и забыла, когда мы мясо ели.

Завтракаем, занимаюсь утренний ритуалом с братишкой и в путь. В усадьбу прибежал даже раньше обычного. Переоделся и с сомнением посмотрел на выданную одежду. А что?! Сдам после randevу прачкам в стирку, пусть стирают казенное имущество. У крыльца никого не оказалось. Подожду.

Минут через десять Глашка вывезла Оленьку в новом нарядном платье с пышными оборочками. Девочка выглядела радостной и сразу замахала мне ручкой.

— Вася! Уже ждешь?! Поехали быстрее! — кинула косой взгляд на девку, и та понятливо свалила в дом. Подхватываю кресло и везу принарядившуюся барышню по отработанному маршруту.

— Завтра воскресенье, мы идем в церковь. А ты придешь?

— Приду, — а сам думаю. Конечно, не приду. Кому я там нужен. Крестьянских детей не таскали в церковь, где и взрослым то поместиться негде.

Мы остановились у пруда и Ольга, с радостной улыбкой во все лицо, достала из корзинки копилку в виде глиняного поросенка.

— Вот! Это вам на пропитание! — и с размаху бьет о крепкий поручень своего кресла. Копилка треснула и разделилась на несколько частей, засветив серебром в появившихся прорехах. — Попробуй хоть слово сказать! — увидела на моем лице решение возразить. — Если не возьмешь — выкину в пруд! — Стала считать монеты, складывая их в платочек.

— Раз, два, три, четыре рубля. Полтины шесть, пятнадцать по десять копеек и восемь по пять. Почти девять рублей! — сияя, протягивает двумя руками узелок с деньгами. Огромные деньги по нынешним временам. Я еще пока не знаю, что здесь и почему, но из своих скудных познаний помню, что корова, когда то стоила три рубля, а крестьяне платили подать один рубль в год. Еще про ведро водки, которое стоило копейки и все.

Для помещика деньги смешные, поэтому бару деньги и привязываю на пояс под рубаху. Сразу замелькали мысли о нужных покупках, но отмел их в сторону на потом.

— Спасибо! Теперь мы точно зиму переживем! Давай лечиться!

Оленька радостно кивает и вытягивает левую ножку. То ли она была не сильно поражена, то ли у меня сил прибавилось, но к концу сеанса ступня чуть хрустнула в моих

руках и встала в нормальное положение. Оленька охнула и засветилась от счастья.

— Я теперь встать смогу?!

— У тебя очень слабые мышцы и связки. Еще надо полечить коленные и бедренные суставы, а самое трудное это кривой позвоночник. Давай я подержу тебя, а ты почувствуешь, что тебе еще рано ходить.

— Тогда сними вторую туфельку, хочу почувствовать землю босыми ногами. Всю жизнь об этом мечтаю.

Разоблачаю вторую ножку с розовыми пальчиками и за талию легко ставлю девочку на ноги. Оленька радостно пошевелила пальчиками, радуясь щекотке от травы и попыталась шагнуть. Ловлю ее в охапку и осторожно сажаю обратно. По ее щекам покатались слезы радости.

— Не смотри на меня! Я сейчас не красивая. И платка нет. — Схватила мой рукав и стала сушить слезы. Потом я завтракал, а Оленька сидела с босыми ножками и делала зарядку для пальчиков, периодически заливаясь беспричинным смехом. Затем прогулка под Гарри Поттера. В конце нашего времени в небе закружились белые облака, постепенно закрывая собою небесную лазурь. Уже на половине пути до своей деревни, надо мной грохнуло и полило как из душа. Хорошо, что отдал господское платье в стирку! Разгоряченное тело только обрадовалось теплым струям и я, сняв рубашку, мчал, разбрызгивая появившиеся лужи. Хорошо! Огород поливать не придется!

Дома меня ждало жаркое из мяса и картошки, распространяя умопомрачительный запах на всю избу. Мясо!! Чуть не закричал, как Дуремар из Золотого Ключика. Наелись от пуза и завалились втроем за печку, слушать под шум дождя очередную сказку. К вечеру дождь закончился, и умытая зелень засияла свежестью, отдавая пряные ароматы в свежий воздух. Мы посидели на лавке перед домом, слушая, как в деревню возвращалась домашняя скотина. Пастух шелкал кнутом и весело перекликался с молодками. Когда стемнело, молодежь, в преддверии выходного, устроила гуляния, с песнями пройдясь по улице и уйдя к реке жечь костер. Мои сверстники тоже крутились вокруг старших, но, как я понял, меня для них как бы не было. И хорошо! Не представляю себя как с ними общаться. И девки мне пока не нужны. Хе-хе. К тому же, кроме обжиманцев, парням в деревне до женитьбы абсолютно ничего не светит. Такое сейчас время! Спать легли вовремя, предварительно пройдя процедуру оздоровления от старшего брата.

Утро началось, как обычно с беготни. Ловушки почти за сутки забились рыбой и раками. Бегал аж три раза до дома и обратно, перенося добытое. Только успел распределить то, что везу на ярмарку в две большие корзины, как у дома остановился Староста в телеге, запряженной гнедым меринном.

— Эко, ты наловил! И не скажешь, что в нашей речке столько рыбы! Давай, подсоблю.

Вдвоем поднимаем тридцатикилограммовые корзины с еще дышащей рыбой. Накрываю их сверху крапивой и запрыгиваю сам. Машу оставшимся младшим и устраиваюсь поудобней. После дождя дорога не размокла, так как почти вся была покрыта невысокой травой и подорожником. Ездить то тут почти некому!

— Порфирий Афиногенович! А сколько за рыбу выручить получится?

— Тебе? — пауза. — Больше рубля за все не дадут, да и то постоять придется. — Опять помолчал.

— Если хочешь, могу у тебя забрать за целковый. Я, конечно, вдвое выручу, зато тебе не надо будет торговать, и я заработаю.

— Благодарствую, дядька Порфирий, буду рад, если поможете. — Я с собой взял еще один рубль мелкими монетами. Так что хватит прикупить припасов на первое время.

— А что сейчас дешевле, что лучше покупать осенью?

— Сейчас дешевле соль, поделки, осенью мясо, птица, зерно и мука. Зерно осенью вообще копейки будет стоить. Пуд три — пять копеек, вот увидишь.

Мысли сразу начали подсчет, необходимых ресурсов. Денег хватит с лихвой и еще останутся. Еще мы заработаем на рыбе. В радужном настроении въехал в село. Народу с окрестных деревень понаехало много. Сначала все собрались в церкви и вокруг. Батюшка вышел и, почитав общий молебен, скрылся внутри принимать причастие и вершить другие церковные ритуалы. Народ сместился к площади, заставленной телегами, мешками и корзинами. На редких лотках расположились местные торговцы и перекупщики, остальные торговали прямо с телег или стоя у кучи товара. Единственная лавка местного купца сияла начищенными самоварами и другим сельскохозяйственным инвентарем.

Я, получив от старосты два полтинника, пошел по рядам, прицениваясь к товару. Двадцать копеек стоила курица, утка живая — 30 копеек, 100 яиц — 40 копеек, красная рубаша — 3 рубля... За 1 рубль можно было купить мешок муки. Корова стоила порядка 18 рублей, мешок соли чуть больше рубля. В лавке купца продавался даже сахар по 40 копеек за килограмм. Составил в уме нужные товары. В первую очередь по пол мешка соли и муки. Это половина моих денег. Еще обязательно яиц и творог для укрепления косточек. Пожалуй, куплю курицу на суп. Распределив, таким образом, деньги, стал просто смотреть на людей и ассортимент торговли. Досок не увидел, только поделки в виде сундуков, полок и детских люлек. Люди кругом были бородаты и румяны. Бородаты мужики, румяны молодежь и девки. Все надели свои лучшие наряды и красовались в цветастых платьях и рубашках с вышивкой. Похоже, местный помещик людей не щемил и давал крестьянам жить. Взамен получал здоровое население и повышенную производительность труда. Поставил ему плюсик и порадовался за Ольгу. Споткнулся взглядом о кузнечные товары и залип на большие кованые крючки для ловли рыбы. Стоили они как две курицы. Один крючок сорок копеек. Скрепя сердцем купил один и завернул в тряпицу. Была у меня мысль о поимке крупной рыбы. Ведь в эти времена во всех реках подмосковья должны были водиться осетры. А на рынке я их не увидел, так же как и икры. Надеюсь, покупка окупится.

Купил за полущку два пирога с капустой и умял их за милую душу. Затем, отыскав нашу телегу, купил по половине мешка соли и муки. В освободившуюся корзину положил три десятка яиц и творог, в другую кудахтающую курицу со связанными ногами. В заключении купил таки грамм триста колотого сахара и два петушка на палочке. На этом деньги кончились, и я разлегся в опустевшей телеге, разглядывая редкие облака. Вскоре вернулся староста, с довольным видом поглаживая карман, в котором позвякивали монетки. Покупать он почти ничего не стал. Зачем ему, если все то же самое есть дома или в деревне. Исключением был только мешок соли закинутый двумя мужиками.

— Что?! Васятка! Хорошо ли сторговался?

— Благодарствую, не плохо! Соли и муки прикупил, жить можно!

— Хозяйственный ты смотрю отрок! Заходи в гости, познакомлю с дочками. Ха-ха-ха! — весело смеется, показывая крепкие зубы. — У меня их целых пять! — И опять залился смехом, вытирая слезы.

— Рано мне еще!

— Да, шуткую я! А подрастешь, может и понравится какая?!

Так со смешками и подколками и выехали в свое сельцо.

И-и-и! — визгом радости встретили меня и сахарные петушки мои родные. Припасы подвесил от грызунов, а курицу пока заперли в сарае, чтобы не убежала. На радостях делаю мороженную запеканку, добавив щепотку сахара. Запеканка на яйцах и молоке получилась пышная и пошла на ура в молодые организмы. Оставшийся день посвятили отдыху на берегу речки, во время которого я оплетал трехметровый кусок тонкой проволоки грубой суровой ниткой. Первая плетенка в этом мире за двести лет до ее реального появления. Скоро между мной и крупной рыбой не будет преград, и я выйду на ее добычу. Любовно протягиваю уже готовую часть шнура между пальцами и представляю огромного осетра, бьющегося на его конце. Нужен багор! Понимание этого, пришло в процессе виртуальной борьбы с речным великаном. Пруток железа я запомнил, когда разбирал скудные запасы материалов и инструмент. Прибежали Алешка и сестренка, игравшие недалеко со сверстниками, и мы пошли под вечерним солнцем домой. Хороший день!

Усадьба помещика.

— Папенька! У меня к тебе серьезный вопрос!

— Oui, ma chérie.

— Что ты готов сделать, чтобы я выздоровела?!

— О чем ты говоришь?! Ты же знаешь! Я готов отдать все свое состояние для этого!

— Всего состояния не потребуется. Но обещай! Когда я попрошу, ты исполнишь мою просьбу!

— Я сделаю все, что в моих силах! Клянусь Господом Богом нашим! — широко крестится.

Понедельник! День тяжелый! Для меня нет. Сознание адаптировалось с действительностью, и я постепенно стал получать удовольствие от жизни. Любимые брат и сестра, милая Оленька, вкусная и здоровая пища. Люди проще и милосерднее. Есть, конечно, перекосы. Но нас, слава богу, не касаются и в этом веке низких скоростей и долгих решений, надеюсь, не коснутся. Ну, и мы не будем теряться и постараемся потверже закрепится в этом мире, чтобы нас просто так обидеть стало трудно. Для этого надо слегка подрасти и перейти из крестьян в другой статус, для начала в мещане. Тут очень кстати ситуация с барышней вырисовывается. Но не будем загадывать. Тфу — тьфу, плюю через левое плечо.

Начал день, как обычно с зарядки и купания в речке. Чувствую себя стройным легкоатлетом, способным пробежать марафон под сорок километров. В усадьбе даже не стал полоскаться в пруду. Легкая испарина уже улетучилась с тела, и я иду к прачке за своей казенной одеждой.

— А, жених! — Румяная прачка игриво попыталась меня приобнять, колыхнув большими грудями. Успеваю уклониться.

— Утречка доброго! Тебе Варвара муженька бы покрепче, чтобы к детям не приставала.

— Ха-ха-ха! Все кто покрепче уже под подолом, оставшаяся немочь никуда не годится! Забирай свои портки!

Благодарю и, укрывшись за сараем, переодеваюсь. Теперь можно и на работу.

На крыльце уже ждет Оленька и стройная женщина, в сарафане под грудь с приличным декольте. Похоже маман.

— Мама! Это мой паж, Василий! Папенька отдал его мне в услужение.

Малахитовые глаза внимательно стали разглядывать меня. Мамаша была чудо как хороша, и я невольно залюбовался ею, пока не наткнулся на ее удивленно-насмешливый взгляд.

— *Très mignon garçon! Tu as de la chance, chérie.* (Очень симпатичный мальчик! Тебе повезло, милая)

Запоздало склоняюсь в поклоне.

— Идите, погуляйте детки. — Я подхватил кресло за спинку и покатил, провожаемый внимательным взглядом барыни. Интересно, что Оленька ей рассказала.

— Мы вчера в церкви молились. Мама с папой поставили свечки за мое выздоровление, а я поблагодарила господу за то, что он послал мне тебя, — бесхитростно щебетала девочка по пути к месту нашей стоянки.

— Твоя мама. Ты ничего ей не рассказывала? — Лицо девочки залил густой румянец.

— Нет. Я только спросила, как она познакомилась с папой.

— Тогда продолжим лечение, если ты не возражаешь.

От лица девочки уже можно было прикуривать. Она судорожно вздохнула и быстро кивнула.

— Извини, — говорю, когда коснулся ее худой ножки под длинным платьем. Так. Это что у нас? Штанишки с завязочками ниже колена. Развязываю тесемку и сдвигаю ткань выше колена. Потихоньку концентрируюсь, одновременно, закрыв глаза, пытаюсь увидеть сам процесс. Все колено отображалось во внутреннем взоре, как какой-то агломерат темных и красных пятен. Моя изумрудная энергия атаковала его, окружая и проникая во внутрь,

потихоньку растворяя всю эту гадость. Оленька задержалась, но стоически терпела боль. Моих сил, почти хватило уничтожить всю черноту, и осталась только небольшая часть красных пятен.

— Ну, вот! Неплохо! Завтра долечим.

— А массаж! — Оленька просительно улыбается. Вот, чертовка! Осторожно массирую коленку, разгоняя кровь и другие жидкости. Довольная барышня прикрыла глазки и прислушивалась к своим ощущениям. Не почувствовав боли, хитро взглянула из-под опущенных ресниц и потребовала помассировать ей пальчики на ногах для закрепления результата. Ну и хитруля! Пришлось подчиняться. Девочка — девушка ожидаемо получила свой кайф, а я очередную головную боль, от проснувшейся у барышни нимфомании. Может она не знает, что с ней происходит, и просто как маленький ребенок наслаждается новым для себя удовольствием, не находя в нем ничего предосудительного. А и пусть! Если девочка созрела, что я могу поделаться. Сейчас крестьянских девушек отдают замуж в четырнадцать, пятнадцать лет. Как у дворян я не знаю, но обручиться, слышал, могут с младенчества.

Решил поесть, пока девушка отойдет от своего возбуждения. Разглядываю умиротворенное личико, разгладившееся в милой разрядке и на выступившие капельки пота над верхней губкой. Вырастет, будет кому-то очень страстной женошкой. Жаль не моей. Быстро отворачиваюсь, уловив трепетание ресниц.

— Что-то я сомлела. Наверное, солнышко припекло. — Так себе оправдание, но сойдет.

Молча жую, радуясь отсутствию полового влечения. Если уж в двадцать первом веке мне не удалось его удовлетворить, то тут и подавно. Разве что к Варьке подкатить, вспомнил ее шары под влажным сарафаном. Доедаю, надеваю маленькие туфельки и носочки на прелестные ножки и погружаю девочку в мир учеников магической школы, неспешно катя ее в кресле по тенистой аллее.

Закончил барскую отработку и вот я уже дома. Еда, сиеста, и в поле, то есть в лес на заготовку дров. А что? Коровы у нас нет, косить не надо, в лесу пока собирать нечего, вот и осталось — дрова. Младших оставил дома, по той же причине — отсутствия полезных даров в весеннем лесу.

Поработал и хватит. Дома Машка сварила курицу и закинула в бульон приготовленную из муки лапшу. Вкусно-о! Запах просто сбивал с ног. Это тебе не бройлер, вырастающий за месяц до взрослого размера и пахнущий рыбой. Таких курочек я еще не едал! С трудом осилил для младших одну сказку и заснул вместе с финалом.

Разбудила меня мышка, шебуршащая в углу в поисках еды. Вот и мышки появились. Еду почуяли! Посмотрел на сопящую сестренку и пошел выполнять утренний моцион.

Утро в семье прошло как обычно. Не менее обычной получилась пробежка в усадьбу. И вот я уже с барышней у нашего прудика.

Сегодня в программе второе колено, и немного долечить первое.

— Барышня! А когда мы учиться начнем? — снимаю привычно туфельки и готовлю поле для лечения.

— Когда? Извини, как то позабыла. Ты так интересно рассказываешь. Давай завтра начнем! Я букварь с собой возьму.

— Хорошо. Завтра, так завтра.

Произвожу со вторым коленом манипуляции, аналогичные вчерашним. Возвращаюсь к первому и наблюдаю картину почти здорового сустава. Само догналось! Общее здоровье, благодаря ежедневному лечению увеличилось, и организм стал помогать в процессе

лечения. Завтра самое сложное. Тазовая часть. После такого, как поговориться у нас, обязан буду жениться. Ха-ха!

Попытался отказаться от массажа ступней, но был не понят и изнасилован жалобным взором с жестокой обидой на лице. Пришлось сдаваться и, стараясь не обращать внимание на получающую удовольствие девочку, проделать соответствующую работу. А что?! Нам платят — мы работаем! Ха-ха! Шучу, конечно. Дальше развлекаемся сказочкой и домой.

Дома все спокойно. Младшие, где то на своей детской тусовке. Обвожу хозяйским взглядом двор, несуществующий забор. Даже столбов для ворот нет! Собачку опять же не мешало бы, ну и кошку от мышей. Попинал балду и, ничего не придумав, пошел на лесозаготовки.

Сегодня топор уже не отскакивал от ствола, а сыто вгрызался наискосок, выбивая желтую древесину крупными клиньями. Руки обрели силу и, подбадриваемые источником, уверенно держали топориче. Тюк, тюк, уноси готовенького... поберегись! Тюк, тюк, кто на новенького?! Обратно шел походкой бывалого лесоруба, с топором на плече и гордо поднятой головой. Плечи приятно гудели, а ладоней я почти не чувствовал.

— Привыкли руки, к топорам! Ха-ха! — усмехаюсь и, отбросив топор, ловлю кинувшегося в ноги Алешку.

— Что, пострел?! Как дела? — подкидываю, залившегося смехом братишку. — Постричь тебя, что ли? — гляжу на лохматую копешку на голове.

— Ага! В глаза лезут, — братец развел ручками волосы на лбу и глянул небесно голубыми глазками.

— Сейчас, что-нибудь придумаем.

Наточил, как следует маленький ножик, и методом «чик-чик», обкорнал соломенные волосы.

— Теперь, хоть на пацана похож!

С грустью провел рукой по своей шевелюре, но трогать не решился. Потом, еще чуть отрастут и попрошу Машку постричь. Сразу пошли мысли о моющем средстве, которое в деревне заменял щелок, а в лучшем случае мягкое мыло, представляющее из себя тот же щелок смешанный с жиром. Все-таки надо было купить мыло на торгу, но когда его увидел, денег уже не оставалось. Куплю в следующее воскресенье.

Машка позвала ужинать, и мы с удовольствием доели куриную лапшу, заедая жареной рыбкой.

— Вот твоя веревка, — сестренка выдала мне законченную плетенку, которую я начал плести в воскресенье.

— Ты у меня золото! — целую в макушку довольную сестру и с предвкушением прикладываю к ней кованый крючок. Гибкость хорошая, прочность, надеюсь, тоже. Держись рыба!

Удержал себя от желания сейчас же забросить снасть. Темно уже, да и спешить некуда. Поэтому обнимаю малышей в теплом гнезде и задвигаю им очередную сказочку. Скоро я исчерпаю свой репертуар простых детских сказок. Не знаю, как буду выкручиваться. Хотя, если покопаться в памяти, то можно еще вспомнить немало мультиков. Про Нилься, Маугли. О! Волшебник Изумрудного города! Эту можно даже Оленьке рассказать. Кстати, вырисовывается возможный вариант заработка на издании этих сказок. Пушкин еще под стол пешком ходит, а кроме него сказок в эти времена никто не писал. Наверное. Кстати, чем он писал? Пером! В голове закрутился бизнес проект по созданию перьевой ручки. Я

уже почти въехал в свой дворец, когда сон стер такую прекрасную картину из моих видений.

Утро было прекрасным, воздух свеж. Юное тело работало как часы и, казалось, с разбегу можно было оторваться от земли и полететь. Я прямо чувствовал, как внутри идет перестройка организма, и я на глазах прибавляю в росте. Неужто, мой источник спровоцировал и решил нагнать, упущенное в период недоедания?! Оттянул штаны и глянул для проверки, но изменений не заметил. Ну и хорошо! Спокойней будет! Мне еще Оленьку не один день лечить. Сегодня нужно забросить снасть на крупную рыбу. Привязываю мощный крючок с хищным жалом и бегом к излучине с глубокой ямой. Как раз на выходе росли большие ивы, склонившие толстые ветви над самой водой. Сначала быстро выудил из воды несколько больших ракушек, потом привязал выше крючка тяжелый камешек. Насадил мясо перловицы и, выбрав крайнее дерево ниже по течению, залезаю на его ветку. Отлично! Вода из ямы поднимается наверх и обычно в этом месте поджидает добычу крупная рыба. Привязываю свободный конец шнура к толстой ветке и опускаю крючок с грузилом в воду. Теперь не забыть бы багор сделать, и посмотрим, кто здесь водится. Бегу домой.

Проглотил на завтрак яйцо всмятку со свежей лепешечкой и поскакал в усадьбу. Настраиваюсь на лечение интимной зоны подростка, а в голову лезут всякие нехорошие картинки из земного интернета. Чего-чего, а этого там даже искать не приходилось, само все сыпалось. Еще раз поблагодарил обстоятельства за свой несозревший аппарат и с привычным поклоном предстал перед, улыбающейся от уха до уха, девчонкой.

— Вот! Букварь взяла! А мои родители в город уехали. Так, что я тут осталась за хозяйку. Вернутся не скоро, дела у них. В прошлое лето я чуть от тоски не повесилась. Зато сейчас даже рада. Мы чуть-чуть погуляем, а потом можем вернуться в мою комнату, — глаза девочки затуманились и на лице застыло мечтательное выражение.

— Нет, нет, Оленька! Нельзя барышне уединяться с лицом противоположного пола. Неужели ваш батюшка или маменька вам об этом не говорили?

— С кавалером уединяться нельзя, а со слугой можно! Тем более с мальчиком.

Ага! А мальчику в душе восемнадцать лет и он еще ни разу не видел голую девушку живую. А если бы я был извращенцем и заставил тебя делать нехорошие вещи?! Эх, чистая душа! Повезло тебе! Так что, к лечению мы приступили в светелке у барышни.

— Ты можешь снять панталончики? — в смущении гляжу на лежащую на кровати девочку, ожидающую лечения. Та сильно покраснела, безропотно полезла под сарафан и стала стаскивать белые штанишки, доходившие до икр. В процессе случайно обнажилось тонкое бедро, и я быстро отвернулся, чтобы не смущать и без того напряженную девушку.

Осторожно просовываю под маленькую булочку левую руку, а правой накрываю бедро сверху. Наши лица пылают, а пальцы слегка дрожат на тонкой коже. Ох и густо здесь замарано чернотой. Осторожно окутываю болезненное место своей энергией и потихоньку, понемногу уничтожаю болезненную черноту. Постепенно оба слегка успокоились, и я поймал любопытный взгляд из-под густых ресниц. Почти закончил и решил посмотреть, как дела на другом бедренном суставе. Аккуратно переместил свою руку, по дороге скользнув по впалому животу, и вызвал невольный смех у девочки, видимо боящейся щекотки. Тут ситуация была попроще, но тоже очень плохая.

— Ну и как? — Оленька лежала на высокой кровати и получала удовольствие от моего смущенного вида.

— Что как?

— Какие ощущения? Ты уже думаешь о девушках? — ее взгляд устремился на мои штаны.

— А чего о них думать! Я вон свою сестренку почти каждый день голышом вижу! — пытаюсь соскочить с темы.

— Нет, не так! О девушке, которую ты мог бы полюбить!

— Мал я еще. Не до девок мне. А в деревне за меня никого замуж не отдадут, пока на ноги не встану и хозяйство крепкое не заведу.

— Какой ты не романтичный! А помечтать?! Хочешь, я тебя поцелую?!

— Нет!

— А придется! Ты слуга, вот и слушайся! Сейчас я тебя награжу! Садись поближе и закрой глаза.

Со вздохом обреченности выполняю приказание и жду. Моих губ неумело касаются

нежные губки и барышня, хихикая, откидывается на подушки.

— А теперь массаж!

О боже! Вздымаю глаза к небу и проклиная себя и свою недалёковидность. Если бы знал, к чему приведет невинный массаж ног, никогда бы не сделал его.

На кровати девочка расслабилась по полной и позволила себе восторженно охнуть, когда ее, насыщенное гормонами, тело спело арию от простого массажа ступней.

— Ты пока посмотри картинки в букваре, я пока полежу. Что-то мне нехорошо, — говорит девочка с закрытыми глазами.

Нехорошо!! Ха-ха! Знаем, мы это нехорошо! Послушно листаю минут пятнадцать ненужный мне букварь, пока, наконец, девочка не пришла в себя и принялась читать, водя изящным пальчиком.

— Аз, Буки, Веди... — Делаю вид, что мне безумно интересно и повторяю все за ней. Примерно через час меня похвалили и велели продолжить историю про мальчика со шрамом на лбу.

Когда вернулся домой, пообедал и решил смастерить багор. Долго точил до приемлемой остроты один конец толстого прута. В принципе вся работа на этом и закончилась. С перерывами на общение с братиком и сестренкой закончил только к вечеру. Уж очень точильный камень отличался от его братьев из двадцать первого века. Зато дальше было легко. Загнул два сантиметра противоположного конца и вставил в подготовленное отверстие на шесте, примерно в двадцати сантиметрах от его конца. Обвязал вокруг палки проволокой и согнул прут в виде крючка. Готово! Солнце уже повисло над горизонтом, и я решил все-таки сбегать и проверить снасть.

Шнур был на месте, осторожно берусь и тяну на себя. Что то есть! Тяжеловато идет! Бабах! Ударил по воде хвост сома. Есть! Не очень крупный, правда, килограмм на пять примерно. Усатый открыл большую пасть, повиснув головой над речкой. Крючок уверенно пробил нижнюю челюсть, и я потащил его на шнуре к берегу, пятясь задом по ветке ивы. Сомятина! Из чистой речки! Должен быть вкусным. Перезакидываю снасть и несую добычу зацепив за багор и закинув на плечо.

— Ух, ты! Это кто?! — Алешка прыгал возле сома и с удивлением разглядывал рыбину, больше его ростом.

— Это сом. Видишь, какой живот, наверно, рыбку съел. Сейчас мы разрежем и проверим.

Пока чистил, в голову пришла идея попробовать закоптить часть сома. Сразу несколько плюсов, если получится. Во первых хранится дольше, во вторых вкусно, а в третьих продать можно дороже. В голове уже возник проект коптильни из земляной печки и деревянной бочки. Делаем выход дыма подальше и ставим бочку с подвешенной рыбой. Ничего сложного! Режу на куски речного хищника и солю в кадучке. Голову и хвост завтра в ухе используем, остальное закопчу. На улице тем временем совсем стемнело, и мы сели ужинать при свете лучины.

— Возьми меня на рыбалку! — Лешка с энтузиазмом воспринимал все, что связано с добычей.

— Возьму. Вечером только. Утром слишком рано для тебя.

— А на ярмарку в воскресенье возьмешь нас, — это уже сестренка.

— И на ярмарку возьму. Штаны только для Лешки сшей из чего ни будь.

— Ура!! Ярмарка! — Братишка вспомнил петушка и возбудился не на шутку. Чуть было

не уговорил сестрицу начать шить штаны немедленно, но я своим авторитетом заставил отложить все дела до завтра. Ложимся спать в хорошем настроении. Сказка про соломенного бычка и баю-бай.

Утро принесло пустой крючок на моей супер снасти. Не огорчаюсь, знаю, что рыбалка это, почти как лотерея. Сегодня густо, а завтра пусто. Снарядил крючок целой гроздью ракушечного мяса, поплевал и обратно. Дома достал из сарая рассохшуюся бочку и стал прикидывать, где устроить коптилку. На краю огорода увидел небольшой холмик, поросший молодой крапивой. Сразу вспомнил щи из крапивы и потихоньку стал расчищать место под будущую печку. Разметил дымоход и, нарвав зеленых верхушек с молодой поросли, отправился на завтрак. Эх, лопаты нет! Есть только какое то деревянное недоразумение, которым местные откидывают землю. Позавтракали, я дал инструкцию по варке щей из крапивы и убыл по дороге в усадьбу.

По традиции смываю пот в прудике и, чуть обтеревшись рубашкой, сохну под утренним солнышком.

— Хи-хи! — раздалось из кустов. Отворачиваю свой фасад и спешно одеваюсь.

— И как ты сюда забралась, — с трудом выковыриваю из кустов кресло с барышней.

— Я хотела тебя встретить. А потом решила сюрприз тебе сделать, — зеленые глаза лучились смехом. — А твоя штучка между ног, такая маленькая! Хи-хи! Ох! Прости! Не могу сдержаться. Зато тело у тебя красивое, все мышцы видны как на картинке!

— Барышня! К тебе скоро свататься начнут, а ты, вон чем занимаешься!

— Свататься! В мою сторону даже смотреть бояться, не то, что свататься! — на ее лицо легла тень, и я поспешил отогнать плохие мысли.

— Зато, теперь! Скоро ты пойдешь своими ножками. Фигурка у тебя неплохая, чуток отъешься и на первом же балу сразишь всех наповал.

— Правда! А тебе я нравлюсь?

— Конечно! Ты добрая, красивая, грамоте меня учишь.

— Красивая?! А что именно у меня красивое?

— У тебя хорошие волосы, красивые глаза, маленький носик.

Оленька кивала в такт моим словам и жмурилась от удовольствия. Потом я завтракал вареными яйцами и крендельком со сметаной. Потребив пару тысяч, калорий повез Оленьку на променад, периодически по просьбе барышни срываясь на бег, под звонкие колокольчики смеха. Погуляли, и я по приказу начальницы покатыл кресло в дом. В девичьей комнате солнце било прямо в окошко, освещая пол ярким пятном. Барышня с предвкушением вытягивается на кровати и шуршит юбкой, стягивая панталоны. Краем глаза вижу молочно белые ножки и острые коленки. Э-хе-хе! Сажусь на край кровати, отворачиваю лицо и лезу под одежду обеими руками. Одежда от этого поднимается, обнажая худые ножки. Сегодня градус наших лиц, был почти нормальным, а Оленька совершенно не обращала внимания на задранный почти до основания подол. Мне даже показалось, что она ручкой незаметно подпернула его повыше, чтобы показать свой слегка выпуклый лобок с редкими волосиками. Вот ведь! Зараза, малолетняя! Спокойно делаю свое дело. С левым бедром закончил и немного пролечил правое. Скользнул взглядом по смешной щелочке и опустил подол сарафана. Все это время, Оленька наблюдала за мной из под опущенных ресниц, и нет-нет, да и вспыхивала румянцем.

— Все идет хорошо! Кушай побольше. Делай зарядку в кровати. Смотри! Вот так, прямые ножки поднимаешь по очереди. Сколько сможешь. Потом отдыхаешь и опять

поднимаешь. Понемногу начинай. Сначала по три раза, потом будешь прибавлять. Когда с бедром закончу, будешь потихоньку учиться ходить.

— Спасибо тебе. Давай тебя награжу. — Протягивает ко мне свои ручки.

Э-э! Нет! Знаю чем это чревато и вскакиваю с кровати.

— Не за награды стараюсь, — и гляжу с показной решимостью.

— Тогда массаж!

— И массаж отменяется. Тебе после него плохо становится!

Девочка опешила, хотела что то сказать, но промолчала и отвернулась к стене.

Молчание продлилось не долго. Молодая натура взяла свое, настроение поменялось, и мы опять были готовы к проказам. Хитро улыбнувшись, Оленька попросила посадить ее в кресло, и в процессе повисла на мне, ухватившись таки за шею. С трудом расцепил руки и, глядя на довольную девицу, открыл букварь. Урок прошел под смех и попытки захватить мои руки для лучшего усвоения материала. Когда наше время закончилось, почти с облегчением покинул усадьбу с барышней. Ничего! Пусть развлекается! Зато выздоровеет и упорхнет во взрослую жизнь.

Добежал до дома, по дороге искупался в речке и уже не спеша пошел домой. Эх! Хороша жизнь, молодая! Обнял, подвернувшуюся Машку, потискал под довольные повизгивания.

— Где младший?

— Гуляет с другими карапузами.

— Там хоть приглядывает кто?

— Есть пастушки. Мы меняемся для пригляда.

— Что на обед?

— Суп гороховый.

— Отлично! Горох хоть разварился?

— Так я его с вечера замочила!

— Все! Замуж тебя никому не отдам! Самому, нужна.

Гляжу в недоуменные озера глаз и спешу остановить назревающее наводнение.

— Я пошутил! Ты что? Шуток не понимаешь! Пошли кушать и Лешку зови, давай.

После обеда отдохнули чуток, и принялся сооружать коптильню. Лешка старательно помогал, возясь в куче рыхлой земли и строя земляные домики. Прокопал отделение для топки, от нее неширокую канавку на верх холмика и сверху водрузил щелястую бочку. Затем развел глину с соломой и стал закрывать свою копанку ветками. Закрывал небольшими участками, обмазывая крышу с двух сторон получившимся раствором.

Куски сома распластал на широкие полосы и повесил внутри бочки. Сходил к яблоне дичке, которая росла по дороге к лесу, и нарвал целую охапку веток с листьями. Запаливаю костерок и, дождавшись, когда он разгорится, закидываю его зелеными ветками. Белый дым сразу повалил из всех щелей бочки, показав, что все сделал правильно. Так и сидели с братишкой. От нечего делать лепили глиняную посуду, периодически подкидывая то дров то яблоневых веток. Последнюю партию закинул уже в темноте, прикрыв печку глиняной заслонкой, сотворенной из веток и нашей посуды, обретшей свою конечную форму.

В свете лучины поели, и я закинул чуть не уснувшего за столом братишку в его гнездо на печке.

— А что ты в усадьбе делаешь? — спросила сестренка зевая и устраиваясь поудобней на подушке.

— Помогаю по хозяйству и барышню развлекаю, — обнял хрупкие плечи и прижал к себе как котенка.

— Сказки рассказываешь? — спросила маленькая сонным голосом.

— И сказки тоже, — вздыхаю, вспоминая острые ключицы Оленьки и трогательные бугорки грудок.

Утром я с предвкушением понюхал бочку, уловив непередаваемый запах копченой рыбки. Положил набок пузатую бочку и залюбовался золотистыми кусками сомятины. Отломил кусочек и, закрыв глаза от удовольствия, просмаковал вкусняшку. За такую рыбу, можно хорошие деньги получить! Только хлопотно это и долго. Ладно! Там видно будет. Но как запас и еда, очень хороша!

На реке добрый день подарил мне большую стерлядь, попавшуюся на мою неказистую снасть. Багор опять пригодился только в качестве коромысла для добычи. Таких стерлядок в наше время давно уже не водится. Метровая серебристая торпеда весила больше пяти

килограмм! Будет нам еда за несколько тысяч рублей за кило. В моем времени не всякий буржуй может позволить себе. А здесь я, с единственными штанами в заплатках, могу есть ее от пуза. Лешка встретил меня и добычу с недовольным видом. Ведь я обещал сводить его на рыбалку, но вчера из-за копчения у нас не получилось.

— Не куксись! Обещаю, вечером пойдем вместе проверять.

Повеселевший братишка совсем забыл свою обиду, когда на завтрак получил копченую сомятину. Мы все трое с удовольствием насладились нежным мясом, и я побежал отрабатывать барщину. Ха-ха!

Сегодня была непростая отработка. Смотрю на мнущуюся фигурку в свободном сарафане и не знаю как приступить к делу.

— Как твои ножки? — спрашиваю, чтобы занять паузу.

— Я уже встаю и потихоньку хожу. Не болят совсем, только слабые очень.

— Так и должно быть. Кушаешь хорошо?

Вижу заминку.

— Если не будешь хорошо кушать, то косточки не окрепнут. И мышцам неоткуда будет взяться. Ты ходить хочешь?!

— Я буду есть! Обещаю!

— Ладно! Ты, это... Мне придется твой позвоночник лечить...

Оленька, не долго думая, развязала тесемку на шее и скинула свой сарафан на пояс, оголив торс с выступающими ребрышками и небольшие выпуклости на груди.

Черт! Теперь, как джентльмен, мне точно придется на ней жениться! Потер ладошки, чтобы они не были такими холодными и прошелся вдоль торса сверху вниз, проверяя наиболее больные места.

— Больная! Дышите, не дышите, — пошутил я. Критичных мест оказалось всего два. В районе двух зародышей женской груди и на шее. Уже уверенно прошелся в обоих местах, убирая около трети болезненной черноты.

— У меня есть две новости! И обе хорошие. Ха-ха-ха! Извини, не удержался. И, кстати, может, уже наденешь сарафан.

Маленькая натурщица фыркнула и, задрав носик и взмахнув рукавами, прикрыла свой чересчур худощавый торс.

— Что? Худая, да? И грудь маленькая...

— Ха! Да у тебя самая большая грудь из всех, что я видел в своей жизни!

— Опять шутишь! — глаза барышни опасно зазеленели.

— Мамой клянусь! Правда я видел титочки только у тебя и у своей сестренки, а ей одиннадцать лет.

Уворачиваюсь от самой маленькой подушки из пирамиды на кровати.

— Гад! Выздоровею, оборву тебе уши!

— Вот и я говорю. Надо больше кушать, глядишь и титки вырастут.

В меня полетели остальные подушки. Пока их собирал, барышня успокоилась.

— Надеюсь, ты никому не будешь говорить об этом? — спрашивает Оленька и кивает на свою грудь.

— Я не самоубийца. Лучше постарайся сама не проболтаться перед маменькой и папенькой. А не то я быстро окажусь самым молодым солдатом в империи. К тому же мне дорога кожа на моей спине и попе.

Договорившись, о соблюдении тайны, продолжили изучение букваря и рассказы про

Гарри Поттера. Слава богу, про массаж мне ничего не сказали, хотя я и видел пару вздохов и взглядов на свои розовые пальчики на ногах. Пусть играет сама в эти игры! Целее буду.

Вернувшись домой, был отправлен нашей хозяйшкой за водой. На удивление легко справился с заданием, вспоминая еще недавно неподъемные для моего тела пудовые ведра. Расту! И сил прибавилось! Надо сходить в лес и заготовить побольше бревен. Баньку к зиме достроить и дрова заодно запасу. После обеда так и поступил.

Реликтовый лес, живущий тысячи лет по своим законам, каждый раз восхищал меня своим величием. В памяти Васька всплыли картины огромного количества грибов и ягод родившиеся в этой природной кладовой. Те же тетерева постоянно попадались мне на глаза и вызывали охотничий инстинкт своей доступностью. Ведь иногда они сидели на дереве прямо над головой и с любопытством, склонив голову набок, разглядывали забредшего к ним чужака. При желании можно было бы подстрелить их даже из рогатки.

Выбрав очередное дерево к которому можно было подъехать на телеге, стал пробираться к основанию в переплетении вывороченных корней.

— Мя-я! — кошачий писк раздался из самой гущи поваленного дерева.

Неужели котенок! Лезу на звук, с трудом продираясь через переплетения корявых корней.

— И кто это у нас?! Почему одна? — беру маленький пестрый комочек, дрожащий и жалобно попискивающий в моих руках. Темные мутные глаза, похоже, только открылись, но для новорожденного он был все же немного крупноват.

— Где твоя мамка? Кушать хочешь? Худой какой! Ну, пошли, будем тебя спасать. Мамка если надо найдет по запаху.

Сую несмышленьша за пазуху и несу в хату, оставив дрова на потом. Тут животинку пристроить надо! Дома, при виде пушистой милашки, началась паника по скорейшему спасению от голода и холода. Как ему молока впихнуть и гнездо теплое устроить. Подсказал намочить тряпочку и дать малышу пососать. Вроде, пошло кормление. Оставил младших развлекаться и вернулся к оставленному дереву. До вечера разделал два ствола.

Вернувшись, наблюдаю три уставших котенка сопящих на бараньих шкурах. Вот и сходили на рыбалку. Подумал и решил тоже не ходить. Утром проверю. Поужинал, подвинул лавку к сундуку и, накрыв его матрасом набитым сеном, залег на ночевку.

А котенок, скорей всего, от лесной кошки. Раскраска характерная и кисточки небольшие на ушах. На этих мыслях и уснул.

Утром никуда не стал спешить. Сначала накормил проснувшегося котенка, потом организовал ему туалет, пользуясь земными знаниями, которые говорили, что маленькие котята не могут сами пописать, для этого их должна простимулировать мамаша своим языком. Я, честно говоря, был в шоке, когда узнал об этом. Поэтому потер в нужном месте мокрой тряпкой и, получив результат, положил малыша в корзинку с тряпьем.

Теперь другой котенок.

— Леша! Ле-е-ша! Просыпайся! Ты хотел на рыбалку. Если не проснешься, пойду без тебя, — на этих словах голубые глазки открылись.

— Я с тобой, я быстро! — и братишка поспешил в туалет.

— А для чего нам палка с крючком? — Мы идем по лугу и Лешка, зевая, задает вопросы.

— Это, если большая рыба попадется, чтобы вытащить ее из воды, а то сорвется с крючка и убежит.

— А большая, это какая?

— Примерно, с меня ростом.

— Ух ты! А она нас не съест?

— Не съест! А вот мы ее да!

— Держи багор. Если скажу, подашь мне.

Лезу на ветку и нахожу глазами шнур, уходящий в воду. Нитки, оплетавшие собой проволоку покрылись бурыми пятнами ржавчины. Охо-хо! Конец моей рыбалке приходит. Железо то в эти времена совсем без добавок. Ржавеет моментом! А рыбка есть!

— Багор давай! Леха!

По воде пошли буруны и показался кончик острого хвоста. Рыбина ни за что не хотела подниматься на поверхность. С ветки было неудобно тянуть и держать при этом багор. С трудом подтянул добычу на поверхность и уставился на акулий нос.

— Осетр, Лешка!

С трудом удерживая одной рукой, пытаюсь второй зацепить багром под жабры. Попытки с третьей мне это удается, и я с величайшей осторожностью стал пятиться назад, прижимаясь грудью к дереву. Наконец, ноги касаются земли, и я подтягиваю огромную башку к берегу. Лешка восторженно пищит и скачет вокруг меня. Сначала отцепил крючок из круглого трубочкой рта и с большим трудом вытянул извивающуюся рыбину на траву. Вот это да! Толстый осетр вяло шевелил хвостом и разевал костяные жабры.

— Сколько же в нем весу? Придется здесь разделявать. Посторожи, я сбегаю за топором и ножом.

Дома хватаю топор, нож, бегу обратно, тут же возвращаюсь за корзинкой, вдруг икра будет. Несусь на берег. Лешка радостно орет, что хотела убежать, но он ей не дал. Не стал огорчать его сомнением, и глушанул топором по широкой черепушке.

Первым делом взрезал брюхо и уставился на серую икру, занявшую всю брюшную полость. Ого! Почти ведро икры! Устелил корзину лопухами и стал сгружать в нее деликатес. С трудом, но поместилась. Подумать только! Осетровая икра!

Глава 10

В общем, в поместье я опоздал. Пока порубил топором осетра, потом бегал таскал его части и икру домой. Там еще разделать, часть посолил, одну корзину мяса и часть икры отнес в дом старосты. В итоге времени прошло много и вот я стою перед очами Оленьки, не смея поднять глаз.

— Ты знаешь. Я вдруг так испугалась, что ты не придешь... — поднимаю взгляд и вижу мокрые дорожки слез на милых щечках. — Ты не придешь, а я останусь с кривой спиной, — тут она всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Прости меня! — не знаю, как поступить. — Я не хотел задерживаться, но так получилось...

Подхожу и глажу, как сестренку, по голове.

— Давай, я тебя сразу полечу, и ты успокоишься. Останется совсем немного. Как ты? Уже ходишь?

Оленька успокаивается и, улыбнувшись, отвечает:

— Да! Уже хорошо получается. Папа и мама будут очень рады, когда увидят.

— Поехали в твою комнату, — разворачиваю коляску от ворот усадьбы, где меня ждала юная барышня, и почти бегом везу ее к дому.

Быстро не получилось. Но к воскресенью основную работу закончил. Позвоночник выпрямился, чернота и краснота прошла. Осталось чуть желтизны, но организм уже сам справится с этим. Я в последний раз насладился видом, подросших как на дрожжах, Оленькиных титечек, и помог ей поправить верх сарафана, поднимая его на плечи.

— Теперь делай зарядку и хорошо кушай.

— Ты же не бросишь меня? — зеленые глаза по котячьи смотрели с жалобной просьбой.

— Конечно, нет! Мне еще надо научиться читать, а книжки кроме как у вас брать то и нигде.

— Только книжки? Тебе со мной не интересно... — вижу, что ее глаза опять заполняет влага.

— Не плачь. Вот ведь плакса на мою голову! — приобнимаю, сидя рядом на кровати. Ее ручки тут же воспользовались моментом и обхватили меня за талию, а голова уткнулась в грудь.

— Я бы хотела, чтобы ты оказался сказочным принцем, прячущимся в глухой деревне от плохих родственников. Но так ведь не бывает?

— Не бывает. Зато бывает, что крестьянин и барышня вырастут. У них появятся новые знакомые, интересные кавалеры, балы. Золушка выйдет замуж и будет счастлива.

В ответ на такие слова, мою тушку сжали новые объятия и рубашку замочили хлынувшие слезы.

— А-а! Я не могу! И-и! Я не знаю, что со мной! Я сейчас умру, — барышня стала задыхаться, и я поспешил налить ей воды из графина.

— Ну, что ты! На, вышей, успокойся! Обещаю, что не оставлю тебя, пока не надоем. Ну вот! Улыбаешься ты очень красиво. Все? Не будешь больше умирать? Пойдем, я тебя покатаю и ты успокоишься.

Вот, что теперь делать?! Вылечил, за титьки лапал — теперь женись! Ха-ха! У девочки

на этой почве первая влюбленность, а кавалер еще не созрел, да и по статусу совсем не подходящ. Ничего, не она первая, не она и последняя! Пройдет со временем. Расстались мы на позитиве и меня попросили больше не опаздывать.

Та-та-та! Мы едем, едем, едем! Настроение требовало песни. Мои молодшие тоже вовсю улыбаются, в предвкушении воскресной ярмарки. Я еще с вечера забрал у старосты нашу коняшку с телегой и вот наше семейство, за исключением котенка, едет по утренней дороге. Сзади и далеко впереди неспешно движутся на своем транспорте односельчане. С собой у меня копченая осетрина, кувшин икры и две корзины еще дышащей рыбы. На всякий случай, взял еще пару рубликов, которые из Оленькиной копилки. Прикупим одежду младшим и еды быстро портящейся на неделю.

Ярмарка уже вовсю гудела. Дал Машке пятак и отправил их веселиться. Сам снял корзины с рыбой, откинул с них крапиву и оглянулся по сторонам. Покупателей хватало, всем надо было, что то продать и что то купить. Помня о примерных ценах, не знаю как приступить к процессу. Весов у меня нет и вариант был один — продавать по несколько штук, назначая за них цену в пять копеек. Но тут ко мне подскочил ушлый мужичек и с ходу предложил за всю рыбу рубль. Я, недолго думая, заломил два. Сошлись на рубле и сорока копейках. На сорок копеек больше, чем в прошлый раз. Теперь можно и деликатесы доставать. В воздухе поплыл аромат копченой осетрины и народ, поведя носом, стал кучковаться вокруг меня. Зарядил по пятьдесят копеек за кусок и два рубля за кувшин икры. Через десять минут пересчитывал монеты за вмиг разобранный товар. Итого пять рублей за осетрину, два за икру и рубль сорок за свежую рыбу. Восемь рублей сорок копеек. Эх! Жаль моя проволока проржавела! Такой навар с осетра! Пойду, поищу ей замену. Вроде волосяные веревки раньше делали из конских хвостов. Минут через десять наткнулся на сестру с братишкой. У обоих по сахарному петушку в одной руке и половинкой пирога в другой. Прикупил себе пожевать и, взявшись за руки, пошли по шумящему базару, глаза по сторонам. В итоге потратил все деньги, за исключением двух резервных рублей. Купили Машке новый сарафан, платок, Лешке рубаху и штаны, пару куриц, гуся, корзину яиц, творог, сливочное масло, молоко. Нашел тонкую волосяную веревку и, скрепя сердцем, отдал за нее целый рубль.

Усталые, но довольные ехали с ярмарки. Погуляли, прикупились. Гусь смешно гоготал, вертя своей головой на длинной шее.

— Как, Лешка! Интересно было?

— Ага! А людей то сколько! И пироги вкусные!

— Ничего. Научим Машку, будет нам делать пироги не хуже.

— Я и так умею! Только не из чего было, да пироги обычно только по праздникам делают или на продажу.

— Это хорошо! Грибы пойдут, лук, капуста созреет. Будут у нас пироги!

— Ура! — Лешка радовался жизни и я вместе с ним. Машка тоже улыбалась своим девичьим мыслям. Дома нас встретил Мяв, как только открылась дверь. Котенок скатился с крыльца и блаженно присел, растопырив ноги.

— Вот, Лешка! Учись! Маленький, а чистоту и порядок блюдет.

Этим же утром в усадьбе.

— *Où es-tu, ma mignonne? Nous sommes arrivés!* (Где ты, моя душечка? Мы приехали!)

Александр Никитич и Елизавета Матвеевна вошли в залу, только сойдя с экипажа. Дверь в одну из комнат открылась и в проеме показалась стройная фигура девушки в

длинном платье. Супруги повернулись навстречу, не узнавая дочь на фоне света из комнаты, затеняющего лицо.

— Рара, maman! Avec l'arrivée! (Папа, мама! С приходом!)

— Ах! — маменька сомлела и упала папеньке на руки.

— Оленька! — Александр Никитич не знал, что делать. То ли жену спасти, то ли к дочке кидаться.

— Как же так?! Ты ходишь?!

Оленька подхватила графин с водой и поспешила папеньке на помощь. Не долго думая, набрала в рот воды и дунула ею в лицо маменьке.

— Ох, моя милая! — открыла зеленые глаза маман. — Как такое возможно. Ты совсем не похожа на нашу дочку.

— Да, уж! — нервно хохотнул папенька. — Теперь у нас появилась целая барышня, вместо маленькой девочки. Признавайся негодная! Куда тебя паж целовал!

Оленька тут же покрылась густой краской.

— Что вы такое говорите, папенька! Это все милостью Божьей! — Все дружно крестятся.

— Едем немедленно в церковь! Поставлю рублевую свечку, и молебен во славу Господу закажем!

Воскресенье пролетело, мы отдыхали от трудов праведных, как, в общем-то, и вся деревня. Люди отдыхали в запас, зная о предстоящей страде сбора урожая и запаса лесных даров. Там не до выходных уже будет.

Счастливая Оленька ждала его на крыльце, стоя на своих стройных ножках. Ее тело выпрямилось и стало выше, а платье облегло ее тонкий стан, отчего девушка казалась еще более высокой. Только подойдя к барышне, я понял, что все-таки она ниже меня.

Оленька одарила улыбкой и молча пошла по нашей дорожке. Пошел за ней, пристраиваясь рядом. Дошли до беседки и присели отдохнуть.

— Ух! Ножки быстро устают. Видел бы ты моих тата и рара. Маменька прямо в обморок упала. Так что, ты награду заслужил. — Целует меня в щеку. Сама розовеет и не знает, куда деть руки. Вот и спасай девиц! Теперь даже не пообщаешься нормально. Первая любовь-с!

— Может про Гарри рассказ продолжить?

— Ты знаешь?! Ну его! — серо-зеленые глаза блеснули и возрились на меня с ожиданием. Да не принц я! Не принц! Хотел закричать, но сдержался. Мне, искушенному интернетом, ничего не стоило утешить юную девушку, но как то это выглядело нехорошо. Ее душевный и телесный жар требовали того, чего я не мог ей дать. А чуйка, прямо вопила, что моя жопа в опасности. Этот комнатный цветочек совсем оторван от жизни и по незнанию утянет меня в могилу. Девушка вздохнула и робко положила свою ручку на мою.

— Оленька! — беру ее ладошку, не зная как начать.

— Чего ты хочешь?

— Я... Я думала... Может мы сможем ... Дружить?

— Тебе надо дружить с ровней из своего сословия. Для меня такая дружба может закончиться только одним. В солдатах или на каторге!

Девушка задумалась.

— Хорошо. А если вдруг ты выбьешься в люди, будешь моим кавалером?

— Ты же хотела дружить?!

— Это я не совсем точно выразилась. Я чувствую тут, — она приложила руку к своей груди, — когда вижу тебя чистую радость. И грущу, когда тебя нет. Ты же понимаешь, что это значит?

— Хорошо. Обещаю с тобой дружить, пока или я не выбьюсь в люди, или ты не захочешь дружить с кем-нибудь другим.

Как говориться, за это время или ишак сдохнет или падишах. Оленька согласно кивнула и доверчиво прислонилась к моему плечу. Так и сидели, я просто так, а девушка улетела в свои мечты, где мне отведена главная роль. Нашла в кого влюбиться! Хотя я для нее на данный момент, просто воплощение бога. Прости меня Господи за кощунство! И к тому же рядом достойных кандидатов не наблюдается. Наберемся терпения и подождем.

Лето вступило в свои права и мы, засучив рукава, принялись делать запасы на зиму. Сушили ягоды, грибы, рыбу. Параллельно заготавливал дрова и продавал копченую рыбу. Волосяная веревка показала себя с лучшей стороны и мои успехи в ловле больших рыб стали известны во всех окрестных деревнях. Из-за нашей щедрости, нас полюбили все соседи в деревне, а староста готов был на руках носить. Теперь недавние хулиганы не гнушались позвать меня на совместные гуляния или на мальчишечьи мероприятия типа ночевки на летнем выпасе деревенского скота. Я старался соответствовать, но часто отказывался, ссылаясь на заботу о малолетних родственниках. За что вызывал еще большее уважение от старших.

Оленька немного успокоилась в своих чувствах, но все так же млела от робких прикосновений во время совместных прогулок. Она уже хорошо окрепла, набрала вес и стала совсем барышней. Свои посещения я сократил, под тем же предлогом заботы о младших и необходимости подготовиться к зиме. Неплохие перспективы на удачную зимовку вырисовывались все яснее, но общая ситуация меня немного напрягала. Крестьянство висело на моей шее тяжелым камнем. Я уже начал жалеть, что не позволил Оленьке рассказать своему отцу о моем участии в ее выздоровлении.

Где то в середине лета.

— Douce. Tu as déjà tout de la jeune fille. Il est temps que tu viennes en ville avec Nous. (Милая. Ты уже совсем девушка. Пришло время, ехать тебе с нами в Город.)

— Le pape! Tu te souviens que tu m'avais promis de tout faire pour que je me rétablisse? (Папа! Помнишь, ты мне обещал, что сделаешь все, для того чтобы я выздоровела?) Я хочу, чтобы ты дал вольную Васе, и взял его с братом и сестрой в Город.

— Все-таки, Вася... Понимаешь, ma bonne, это не так просто... — Помещик задумался. — Вольную дать я могу, но где он будет жить в городе? На какие средства?

— Папенька, ты у меня такой умный и добрый! Придумай, что ни будь! Ладно?! — похорошевшая Оленька обняла отца и просительно заглянула в глаза. Отцовская любовь к дочери вспыхнула в сердце Александра Никитича и глаза его увлажнились. Он стал строить в уме планы по обеспечению крестьянских детишек. Можно было, купить какую ни будь халупу на краю города, и записать их в мещане. Дать сколько-то денег на первое время и посмотреть, как дальше жизнь повернется. Но глядя на дочку, понимал, что это не самое верное решение. Вот если отдать Васятку в кадетский корпус, а младших поселить у себя, то на выходе будем иметь потенциального офицера, подружку для дочери, и малыша для удовлетворения материнского инстинкта у жены. У него, аж руки зачесались, привести свой план в скорейшее выполнение.

— Есть один вариант, — отец сделал вид, что задумался.

— Через неделю вернусь из Города и все решим. Пока не обещаю, но постараюсь сделать из твоего пажа настоящего офицера.

— Папа! — Оленька повисла на папиной шее и стала целовать от охватившей ее радости.

Сажу у окна и смотрю на проплывающие мимо поля. Где сажу? В вагоне? Нет, не в вагоне, а в дилижансе, не знаю как сказать по русски, наверно конка, кибитка, карета или еще как. Все произошло неожиданно и быстротечно. Примерно недели полторы назад, меня вызвали через старосту к помещику, и у нас с бариним состоялся разговор.

— А ты подрост, малец! — разглядывает меня, как породистого щенка. — Моя дочь просила за тебя, и я решил принять участие в твоей судьбе. У меня есть оказия, устроить тебя в кадетскую школу в Санкт-Петербурге. Если проявишь себя, года через три-четыре выпустишься офицером. Сестру твою и брата возьму жить к себе в Город. Сестра будет учиться с Оленькой, а малой в семье поживет. Что скажешь?

— Что тут говорить! — кланяюсь в пояс. — Благодарствуйте, доверие оправдаю, не подведу. От помещика вышел на деревянных ногах. и только выйдя из ворот усадьбы, меня охватило чувство абсолютно щенячьей радости от крутого поворота судьбы.

Затем были хлопоты по раздаче своего хозяйства по соседям, нехитрые сборы небольшого имущества. Мяв, как член семьи, конечно, поехал с нами. Потом переезд в Город, кутерьма с обеспечением меня нормальной одеждой, и вот я в сопровождении немолодого приказчика, с письмом директору кадетского училища и тремя рублями в кармане, трясусь вдоль русским полей на дороге в Питер. Радовало, что сестренка и братишка будут жить в большом помещичьем доме. Немножко подпортила настроение Оленька, которую лихорадило и бросало в настроении от радости к отчаянию. В радость, от того, что я смогу стать офицером и в перспективе можно рассчитывать на дальнейшее развитие отношений. В отчаяние, от того, что я уеду далеко и надолго. Если бы не понимание, что будут каникулы, на которых я приеду на побывку, то было бы совсем плохо. Попрощаться со мной наедине ей не удалось и она, не скрывая слез, махала платком вместе со всеми провожающими, вслед увозящего меня извозчика. Александр Никитич сделал для меня документы на солдатского сироту. Теперь я Василий Иванович Пахомов. Пахомом звали моего деда, а так фамилии у нас никогда не было, как и у большинства крестьян в эти времена.

Карета наша, в виде большого деревянного ящика, неспешно везет шестерых пассажиров в столицу Российской Империи. Два офицера с густыми усами, весело проводящие время на остановках и в пути, один купец очень плотный в яркой одежде, сухой дядька в сером сюртуке и я с сопровождающим меня Прохором. Прошка служил у Александра Никитича кем-то вроде помощника на все руки. Делец и проныра, по моему мнению. В любых обстоятельствах он не терялся и находил свою выгоду. Так и сейчас он легко нашел общие темы с веселыми военными и, подогретый едой и горячительным, рассказывал гусарам о своих веселых похождениях. Багажа у меня не было, только у Прошки был баул с вещами для путешествия и кое какие продукты, на всякий случай. Там, сказал барин, дадут казенную одежду и все что нужно для обихода. Так что, еду налегке. Тряская дорога на жестких сиденьях это, скажу я вам, еще то испытание! В отчаянии, я задействовал свой источник для облегчения своих страданий и, к удивлению, добился неплохих результатов. Моя пятая точка стала твердой как орех и довольно неплохо стала чувствовать себя, всего лишь на второй день путешествия. Порадовался и, уже от нечего делать, стал укреплять свои руки. Для

определения результата сжимал рукой запястье второй конечности и сравнивал болевые ощущения от предыдущего опыта. В конце дороги добился опухания места сжатия и быстро набирающей синь гематомы. На этом эксперименты закончил и стал готовиться к появлению городских окраин. Но в этот день мы не доехали. Ночевали на последней станции перед городом, в которой оказалось сразу несколько почтовых карет. Мест всем не хватало, и я, поужинав, заночевал на широком сиденье в карете. Стараниями источника, я теперь смогу и на полу выспаться.

С раннего утра тронулись и часа через три въехали в пригород, почти не отличавшийся от деревни. Но вот пошли каменные дома и чем дальше, тем выше. На конечной станции пересели на извозчика и быстро доехали до кованых ворот с будкой постового. Дежурство нес юноша с ружьем, все как положено в воинской части. Прошка быстро выспросил, куда нам направляться и мы пошли через мощный двор в самое большое здание из нескольких имеющихся на территории. Внутри парадной дежурил дневальный, который направил нас на третий этаж в кабинет генерал директора. На массивной двери висела золотая табличка с надписью:

Директор Первого Кадетского корпуса Генерал-майор Федор Иванович Клингер

Прошка взял у меня рекомендательное письмо, постучался и, услышав разрешение, просочился внутрь. Минут через десять, он открыл дверь и махнул заходить. Я, печатая шаг, подошел на несколько шагов и, щелкнув каблуками, вытянулся во фронт. Директор, породистый немец с шикарными бакенбардами и усами воззрился с удовольствием, а Прошка с немалым удивлением.

— Лихой отрок! Сразу видна солдатская кость. Жаль, что по возрасту ты великоват. Но, если покажешь достойные знания, сможешь учиться на своем курсе. Что скажешь? Какими науками обучен?

— Господин генерал-майор! Обучен стрельбе из ружья, строевому шагу, знаю письмо, математику, географию, историю мира и Российской империи. Желая послужить Рассеи матушке и Государю Императору!

— Ха-ха! Вот, бравый молодец! Хоть сейчас, выпускай! Посмотрим, как покажешь себя. Не наврал, ли. Через месяц и зачислим, если окажешься так же хорош, как представляешься.

Генерал написал записку и отправил с ней на заселение к интенданту. Я попрощался с Прохором, попросил передать всем от меня привет, и со вздохом пошел искать нужное помещение в другом здании. Это оказалась казарма, где жили воспитанники. Так как сейчас были каникулы, то одинаково одетые подростки в небольшом количестве встречались на улице и в казарме. Они то и подсказали, в какую дверь стучаться. За ней оказалась комната с прилавком, как в магазине. Я покашлял, а затем позвал.

— Господин каптенармус! — Из двери за прилавком вышел невысокий, лысоватый мужичек и воззрился на меня.

— Вот! — отдаю ему записку директора. Тот молча достал гроссбух и занес мою фамилию в список. Напротив нее стал в столбик писать выданное имущество, которого пока не было. Затем скрылся за дверь и минут через пять вывалил на прилавок целую кучу вещей. Потом сходил еще раз и положил стопку постельного белья, тонкое одеяло и подушку.

Обмакнул перо в чернильницу и протянул мне.

— Крестик поставь.

Я не глядя рисую размашистую подпись. Каптерщик удовлетворенно хмыкает и кладет сверху кусок мыла.

— В третьей казарме занимай свободную кровать. Расписание распорядка на двери. Все вопросы к дежурному. Понятно?

— Так точно, господин каптенармус! Разрешите представится, по случаю знакомства. — Кладу рубль на деревянную стойку. Тот опять хмыкает, меняет мои ботинки

на другие и добавляет запасную пару чулок и несколько носовых платков.

— Если чего надо, заходи, не стесняйся. Вот тебе мешок. Переоденешься, сложишь сюда и приноси мне.

Я поблагодарил и в две ходки занес выданное в свою казарму под номером три. В ней стояло десятка четыре одноярусных деревянных кроватей, больше похожих на нары, но со спинкой. Возле каждой тумбочка и больше ничего. Большинство были заправлены, на нескольких валялись кадеты. Кто спал, один читал другие сидели кружком и о чем то общались. На мое появление все, кроме спящих, отреагировали с интересом, но пока только смотрели. Я не спеша переоделся, лишнее сложил в тумбочку, остальное в мешок и отнес в каптерку. Прошелся перед зеркалом, полюбовался, как сидит форма. Хоть и не служил в прежней жизни, но с тонкостями по рассказам старших был знаком. Поэтому, подошел к сидящей троице и представился:

— Василий Пахомов. Знакомиться будем?

Ребята не стали чваниться и представились со своей стороны. Николай, Александр и Петр.

— Тут у вас чайку организовать можно? — достаю второй рубль, взятый именно на этот случай. Третий был про запас.

— Это мы мигом! — Петька схватил деньги и, подхватив картуз, выскочил из помещения.

— Что-то ты к нам не по времени попал. Новеньких у нас уже год как не было, — Александр плотненький с темной шевелюрой паренек, сказал начинающимся ломаться голосом.

— Так получилось. Батя не ко времени помер, родни нет, вот и определили сюда по протекции.

— Из солдатских, будешь? — это уже Николай.

— Да, отец, царство ему небесное, в Преображенском служил.

— Наш, человек! То-то знаешь, как службу начинать. К нам подошли еще парни, представились, но я не стал запоминать, успею еще. Тут вернулся Петруха с кулками пряников, баранок и немного конфет. Ребята принесли заваренный чай и кипяток в большом чайнике. У каждого была своя кружка и все принялись за угощение. Пошли расспросы про деревню, семью, затем меня просветили про местные порядки, из которых самым неприятным, кроме строгости преподавателей, оказалось отношение дворянского класса, в смысле учеников дворянского происхождения, учащихся в отдельном классе, к простым ученикам. Поставил себе пометку, чтобы не подставиться. Оказалось, что в казарме сейчас живут те, у кого нет родственников и им некуда ехать на каникулы. Еще можно ходить по воскресеньям в увольнение, конечно тем, у кого нет залетов. В общем, жить можно, если осторожно. За каждым классом закреплен надзиратель, который днюет и ночует в училище, став для кадетов и папой и мамой в одном лице. Сейчас наш куратор подпрапорщик Семен Трофимович Кузнецов в отпуске по причине каникул. В это время в училище почти не бывает старших офицеров, поэтому то, что мы встретились сегодня с директором, не иначе как чудом не назовешь. О чем мне и сообщили первым делом. Наставника нашего характеризовали строгим, но справедливым служакой, который был прямой как шпала и не любил лизоблюдов.

Попили чайку и шустрый Петька вызвался показать мне училище. В нашей казарме располагалось четыре взвода примерно человек по тридцать. Мы были в третьем по

старшинству взводов, в котором учились отроки тринадцати, четырнадцати лет. В соседнем здании жили благородные количеством поменьше и всего три взвода. Отдельно стояло здание с младшими учениками и еще одно с девицами. Чему обучали слабый пол, я представлял очень слабо, только и были мысли о вышивании и танцах. Столовая находилась в главном корпусе, как и небольшой спортивный зал. Основные занятия по физподготовке проходили на открытой площадке, невзирая на сезон и погоду. Тут имелись широкая беговая дорожка по кругу, яма с песком, брусья и турники. Для этого времени, весьма неплохо! Везде порядок и чистота. Тут же на территории располагалась лавка, в которой закупились Петька. Товары в основном были ширпотребного характера, но можно было заказать отсутствующее, сделав предоплату. Так как денег у меня в перспективе не будет, то об этом можно и не думать. Идея сделать с кем-либо совместный бизнес по производству металлических перьев откладывается на неопределенное время. Самое главное на текущий момент я выяснил. Здесь есть библиотека, но читать можно только там, без выноса книг. До начала экзамена моих знаний мне необходимо подтянуть себя по истории, вдруг мои неполные сведения расходятся с существующими, а также надо загрузиться необходимыми знаниями по вероисповеданию. Что, пожалуй, еще трудней, чем история.

Подошло время обеда, и мы дружной группой пошли на кормежку. Уселись за большим столом с деревянными лавками с двух сторон. Спустя минуту, с раздачи дежурный принес две кастрюли с первым и вторым, поднос с нарезанным хлебом и чайник с компотом. Сидящий с краю, вихрастый пацан, шустро наполнил супом, стоящие стопкой жестяные тарелки. Ничего, есть можно! Попробовал местную стряпню. Главное сытно! На второе была густая каша с волокнами мяса. Отсутствием аппетита никто не страдал, и нехитрая пища залетела в растущие тела без всякой задержки. Теперь можно не спеша попить компот и немного изучить сидящих парней. Как я уже говорил, наш взвод состоял из подростков тринадцати и четырнадцати лет. Разница между двумя учениками могла составлять почти два года. В этом возрасте это очень много, поэтому некоторые выглядели уже не как подростки, а как рослые юноши, только с детскими лицами и неокрепшими телами. Я успел поинтересоваться у Петрухи о негласных лидерах, и узнал, что тех пока в училище нет, а на данный момент остались самые бедные и неимущие. Оценил их физические кондиции и понял, что я не сильно отстал от них. Даже больше того! Среди одноклассников, я был самый рослый и крепкий на вид. За прошедшие месяцы я неплохо отъелся и подрос. А, вот с силой, надо что то делать. Боюсь, даже среди старших классов не найдется соперников, если я подключу свой источник. Я, сдуру, так раскачал качество своих мышц, что легко могу причинить травму, просто сжав чужую руку сильнее, чем нужно.

Все первое время я старался приспособиться к новой ситуации и вжиться в роль деревенского паренька. Когда надо поддерживал разговор, в нужных местах смеялся. Если нужно было, выдумывал смешные истории из якобы жизни в деревне, на самом деле почти все брал из анекдотов, подстраивая их к современности. Так как я их знал прилично, опять-таки благодаря интернету, то вскоре прослыл компанейским парнем, умеющим поддержать беседу.

В первый же день посетил библиотеку и оказался обескуражен малым количеством книг. Зато порадовала библиотекарша, симпатичная дама за тридцать, со светлыми завитушками волос из-под шляпки и достойным бюстом в открытом вырезе платья. Местная мода у знати радовала глаза, открывая взору поднятые корсетом достоинства противоположного пола. Простые служащие не гнушались прибегать к тому же оружию,

чтобы показать себя в выгодном свете. Именно по этой причине, почти все кадеты, посещавшие в каникулы сосредоточие знаний, приходили сюда полюбоваться чудным видением нежных выпуклостей нашей библиотекарши. Я тоже в достаточной мере уделял им внимание, но при этом не забывал усердно штудировать Новейшую Историю и Закон Божий. Попутно корректировал названия стран и городов в географии. Просмотрел также учебники математики, геометрии, русского языка. Пришлось попытаться, чтобы новые понятия не конфликтовали со старыми знаниями. Память Васятки, незамутненная посторонними знаниями, впитывала в себя информацию как пылесос, легко запоминая даты и имена. К концу третьей недели я был готов по основным предметам к экзамену на звание кадета и заслужил внимание библиотекарши, дарившей в виде поощрения прелестную улыбку. Кажется, я даже почувствовал небольшое томление в груди. Может мои яички проснулись?! Ха-ха! К слову, они таки проснулись, только позже примерно на месяц.

Вот и конец августа. Казармы стали наполняться кадетами, вернулись преподаватели и наш куратор. У него в казарме был выделен закуток, где он спал или вел беседы с воспитанниками тет а тет. В первый же день своего появления, я был удостоен такой беседы, где меня выслушали, взвесили и вставили в ряд солдатиков по своему весу и ранжиру. Я, естественно, не умничал и отвечал только по делу. Затем Сергей Трофимович перечислил наказания, которых я буду удостоен за нарушение дисциплины и за отсутствие усердия в учебе. Получил обещание от меня не доставлять проблем и счел свой долг первого причастия выполненным.

Пока на меня не обращали особого внимания. Вновь прибывшие были полны благодушия, шумно общались между собой, делясь событиями и новостями. Иерархия в коллективе во все времена складывается по одинаковому принципу. Сильные нагибают слабых, умные управляют сильными. Если не хочешь гнуться под таких, то нужно или заработать авторитет сильного или стать своим в какой-нибудь из группировок. Самая сильная группировка была из солдатских сирот, самая хитрая из купцов и мещан, самая беспринципная ходила под Харей происхождения, которого было неизвестно. Но его поведение и вид однозначно относили его к бандитскому сословию. Его подручные, два крепких парнишки с дебильными рожами, сразу же испытали меня на слабо, зажав в туалете. Ничего не стал придумывать, а просто взял да и стукнул их бошками друг об друга. Повезло шестеркам, что полы в большом нужнике поддерживались в чистоте, иначе изгваздались бы. Переступил через бесчувственные тушки и спокойно помыл руки, под испуганные взгляды двух младших кадетов. После этого наступила пауза, и меня никто не трогал, дав мне возможность самому выбрать компанию. Но Харя явно затаил злобу, и я ловил на себе его взгляды, обещавшие проблемы в ближайшем будущем. Ничего! Убивать меня не будут, а отпор я сумею дать.

Экзамены на подтверждение знаний сдал легко, в меру путаясь в датах и пропуская слова, пересказывая ветхий завет своими словами. Математик поставил мне отлично, остальные удовлетворительно. Так что задачу влиться в коллектив, я выполнил на пять с плюсом. С трудом, но все же смог скрыть свои физические возможности, когда вовремя опомнившись, соскочил с турника на двадцать пятом подтягивании, заслужив внимательный взгляд куратора, видевшего, что я мог бы продолжать упражнение.

В один из дней получил письмо от Оленьки и с умилением читал ровные строчки:

«Не знаю, когда ты получишь письмо днем или вечером, поэтому просто, Здравствуй! Пишу втайне от батюшки и маменьки. Просто мои чувства не находят слов и я боюсь

расплакаться. Извини, конечно же, ты в первую очередь, беспокоишься о сестре и братике. У них все хорошо. Маша ходит со мной, мы крепко подружились и я учу ее читать. Лешка очень полюбился маменьке, и она с ним нянчится как со своим. Так что можешь не волноваться.

Меня определили в гимназию, и я ошеломлена толпами сверстников и их вниманием, ведь раньше у меня кроме тебя никого не было. Но ты не бойся! Таких, как ты тут нет. Я не в смысле твоих способностей, а в моем отношении к тебе. Прошло немного времени, но мне кажется, что уже целая вечность. Ты можешь подумать, что я испорченная, но хочу сказать, что ты живешь в моем сердце, а я живу только для тебя. Знай, что если ты найдешь себе зазнобу, я не переживу этого. Расти быстрее и приезжай, хочу тебя обнять и поцеловать. Еще раз прости, что я тебя обязываю, но ничего не могу поделать с собой.

Твоя Оленька»

Оленька! Хорошая девочка! В груди потеплело и перед глазами ненадолго появилось милое лицо.

Учеба пошла своим чередом, и я постепенно втянулся. В библиотеку продолжал ходить, читая все подряд и любясь Софьей Андреевной, пока не словил первый стояк в своей новой жизни. После этого сделал паузу, но поняв, что регулировать этот процесс не способен, перестал обращать на него внимание. К солдатской группировке меня причислили автоматически, хотя держался я немного особняком, и на попытки мной покомандовать не поддавался, просто не реагируя на детские подкаты. С появлением в организме гормонов, мое тело устремилось ввысь и вширь, используя без остатка все, что мы закидывали в себя в столовой. Вскоре я стоял на построении в первой шеренге и поглядывал свысока, даже на куратора. Получив такое подспорье, я вовсе перестал обращать внимание на одноклассников, пока в один из декабрьских дней, когда у нас образовались рождественские каникулы и кураторы отсутствовали, в нашу казарму пожаловали благородные численностью около десяти человек и стали глумиться над кадетами.

— А-ну! Гольдмба! Быстро построились! — отработывая командирский голос, кричали они, предвкушая забаву. Время было вечернее, и я уже лежал в койке, рассчитывая возможность попасть на новый год в свой Город. Мои совзводные, видимо восприняв происходящее как неизбежное зло, вяло выстроились перед кроватями.

— А это там кто такой наглый?! Ну, ка Фимка помоги подняться этому холопу!

Веселый малый подбежал к моей койке и махнул ногой в ботинке, собираясь столкнуть меня с кровати. Ловлю левой рукой за щиколотку и останавливаю лихой замах. Парень замер на одной ноге и попытался вырвать конечность.

— Ты, что?! Пусти! Пусти, кому сказал! Ай! О-о-о! — заскрежетал он зубами, когда я сжал его косточки.

— Как звать?

— У-у! Ефим, а-а!

— Будь другом Ефим, позови старшего, — слегка еще помассировал конечность. — Позовешь?

— Отпусти, позову. Ох! — заковылял, прихрамывая к своему вожаку. Затем стал шептать ему, что то на ухо. Оставив веселящихся товарищей, ко мне подошел высокий молодой человек с породистым лицом и начинающимися пробиваться усиками.

— Ты кто такой?! А ну встать, когда с тобой разговаривают старшие!

Я неспешно встал и положил руку на его плечо. Пальцами сжал плечевой сустав и, глядя

на его скривившееся лицо, представился:

— Василий Пахомов. С кем имею честь?

— Я Олег Добровичинский, мой папа генерал-интендант!

— Олег! Ты же не хочешь, чтобы твоя рука отсохла? Можешь просто кивнуть. Молодец!

А лицо терять тоже не захочешь? Вот и я не хочу! Значить, договорились. Вы повоспитываете моих товарищей, только без излишеств, а я сделаю вид, что вас нет. Договорились? Вот и молодец! А рука будет в порядке, сейчас пройдет.

Ложусь обратно и жду развития ситуации. Олег оказался не дурак, и как ни в чем не бывало, отшутился перед товарищами какой-то скабрзностью, и вернулся к третигованию простолюдинов. Впрочем, достаточно безобидно. Кого-то заставили читать стихи, кого-то маршировать, затем все пели рождественскую песенку. Потешив свое самолюбие, распустили кадетов и пошли к соседям.

После этого вечера мой авторитет взлетел на недосягаемую высоту, а ребята быстро нашли объяснение тому, что меня оставили в покое. Оказалось, что я просто представился своим настоящим именем! Нет, вы поняли?! Я теперь бастард, какого то известного дворянина. Ха-ха!

На зимние каникулы за мной никто не приехал, что я просчитал заранее, хоть и надеялся. Впрочем, к родственникам ушли только те, у кого они жили в столице. Таких, оказалось всего трое, так что мне было не обидно. Я переписываюсь с Оленькой, и сегодня получил очередное письмо. Она стала частой гостьей в моих снах и порядком расстраивала, когда приходилось тайком отстирывать нижнее белье. Ничего не поделаешь! Организм работает как часы, бубенчики исправно вырабатывают продукт, вот и образуются излишки. Хе-хе.

От скуки стал в свободное время играть в шахматы с головастым парнишкой по имени Илья. Телосложением он был довольно хлипким, но башка варила хорошо. Так как я в прежней жизни не играл в шахматы от слова совсем, то мне было интересно учиться и не зазорно проигрывать. Зато время проходило незаметно и мозги не закисали.

Учеба меня не напрягала абсолютно. Все, что я услышал или прочитал, накрепко застревало в моей голове. Основная проблема была не показывать своих знаний, а также сдерживать свою силу при разучивании приемов борьбы на занятиях по физподготовке. Наш куратор уже давно махнул на меня рукой, видя мое нежелание высовываться. Назначил меня командиром отделения и отстал. Зато всегда мог рассчитывать на мою поддержку по соблюдению порядка в казарме. Но вот как-то в феврале зазвал меня в свой закуток.

— Василий! Я хочу тебе предложить выступить на соревнованиях по греко-римской борьбе этой весной.

?? –

— Получишь приз и мое благоволение.

? -

— И я буду дальше делать вид, что ты самый обычный кадет в моем взводе.

— Хорошо! Когда выступать, какие условия, — знал, что все равно соглашусь, просто хотел узнать весь расклад.

— Соревнования пройдут в апреле. Сначала отборочное в училище, а затем между представителями всех подобных заведений в нашей империи. Там будут три группы: Младшая до четырнадцати лет, средняя до шестнадцати и старшая. Будешь выступать в средней группе. Я бы тебя в старшую определил, но тебе только недавно четырнадцать исполнилось. Если бы ты не вырос на моих глазах, сам бы не поверил. Так что, у тебя неплохие шансы на призовые места. Будешь теперь тренироваться вместо физкультуры и еще дополнительно вместе со всеми участниками.

Греко-римская борьба. Что о ней сказать? Мне не нравится. За одежду не хватать (за какую одежду, если голый торс!), подножки ставить нельзя, бить, само собой, тоже. Скукота, необыкновенная! Не знаю, что бы я делал, если бы не мои цепкие руки. Видел я, когда то соревнования по телеку. Весь бой идет борьба за захват. Кто ухватился — тот и выиграл. Ухватился, подсел, затащил на себя и бросай. Вот и вся тактика. Еще можно тупо навалиться, обхватить тулово соперника и завалить его под себя. Для этого нужна масса и,

конечно, сила. Сила у меня была, а вот массы пока не хватает и рост мешает. Противники все, как на подбор, мелкие и плотные. В конце концов, с бросками у меня стало получаться, а вот дальше было сложнее. Противника надо было удержать три секунды на лопатках, а верткие крепыши не давали мне этого сделать. На болевой брать нельзя, душить тоже. Ничего! Когда не буду справляться, применю секретное оружие. Можно же так бросить, что соперник, упав на плотный песок (да, да, песок! О матах можно только помечтать), слегка потеряет сознание и тогда его можно легко прижать на лопатки. К началу соревнований, я выяснил, что соперников у меня, в общем-то, и нет. Естественно, на тренировках я всячески это скрывал, и даже проигрывал, хе-хе, но реально мог завалить любого. Что ж, осталось победить красиво, из последних сил, чтобы все думали, что мне повезло.

Не знаю насчет красиво, но последнего соперника я взял просто измором. Он под мной крутился как вентилятор, но я его выпускал только по своему желанию, чтобы зрителей повеселить и очков себе добавить. Заслуженную победу мой взвод встретил громкими криками, ну и других болельщиков накопилось порядком за время соревнований. Благородные были сильно недовольны поражением своего борца, но утерлись и радовались победе в старшей группе. Получил из рук директора блестящий кубок и пять рублей серебром. На половину призовых денег праздновали всем взводом, остальное оставил на гостинцы для младших. Не за горами лето и каникулы, а там и Оленька... Стоп! Куда, паразит! Мой своенравный друг моментально среагировал на упоминание особи противоположного пола. И что прикажете делать?! Идти в дом терпимости? Что-то не хочется. Хоть сейчас СПИДА и нет, но других болезней хватает. Так что потерплю! Но весна и гормоны иногда срывали крышу, и я кидал в библиотеке такие взгляды на Софью Андреевну, что даже она, привыкшая к этому, нет-нет, да и покрывалась румянцем. А что?! Мое тело обогнало возраст на пару лет, и я стал довольно высоким стройным юношей с тонкой талией и широкими плечами. А уж мой блондинистый чуб и голубые глаза делали меня просто неотразимым. Не кривлю душой, так как понятие в этом вопросе из двадцать первого века имею.

Наш куратор, после моей победы впал в благодушное настроение и выдал увольнительную для меня и пары друзей Петьке и Кольке.

Снег в городе уже сошел, было необычно солнечно, но еще прохладно. Мы гуляли по Сенатской площади, Набережной и заглядывались на девиц. Мне было все интересно! Прохожие, кареты, здания. Я до сих пор не отождествлял себя с окружающим миром. Все вокруг казалось постановкой очередного исторического фильма, и разум ждал смены декораций за очередным перекрестком.

Подустав, зашли в трактир перекусить. Повесили шинели и картузы на вешалку и сели за стол. Посетителей было немного, несколько приказчиков, пара работяг и мы.

— Вот смотрю я на тебя Васька и диву даюсь. Как такое возможно. Пришел пацан, пацаном, а сейчас тебе меньше шестнадцати и не дашь, — Петька за зиму почти не вырос и завидовал мне не по-детски.

— Не бойсь, Петруха! Девки только поначалу на рост внимание обращают, а потом им совсем другое нужно, — смотрю на румяную деваху подавальщицу, идущую к нашему столу. Дружок опять напрягся, вызывая легкое неудобство.

— И что же им надо?

— А давай у нее спросим! Милая, тебя как зовут?

Девка, от такого обращения опешила и засмушалась.

— Марфа!

— Вот скажи, Марфа, что главное у мужика в семье.

— Главное в семье, чтобы достаток был. Тогда и детки будут сыты и здоровы и жинка будет довольна.

— Вот видишь, Петька. Не рост и не размер. Достаток!

— Размер чего, — Марфа распахнула свои глазки.

— Сисек, конечно! — мы втроем грохнули от смеха, а подавальщица убежала в подсобку пылая щеками.

— Пойду, извинюсь и приведу, — а то останемся без обеда.

Прошел коридорчиком в полутемную комнату на звук девичьих всхлипываний.

— Эй, хватит сырость разводить. Извини, если обидел. Давай глазки вытру. А ты симпатичная. Вот! И улыбаешься красиво! Покормишь нас?

— Ладно! Не оставлять же вас голодными! Ты иди, я сейчас, быстро!

Вернулся к друзьям, под смешки и приколы, что слишком долго утешал обидчивую девушку. Я отшучивался, что не сразу нашел, а девушка не так уж и обиделась. И правда, Марфа несла поднос с легкой улыбкой на лице. Мы с удовольствием поели щей, закусили пирогами и пошли дальше любоваться городом.

В хорошем настроении догуляли до вечера и поспешили на ужин. Платить еще раз за еду совсем не хотелось.

Моя учеба, проходила в постоянной борьбе со скукой и в контроле за своим языком. Мало того, что во мне сидели знания прежней жизни, так я еще умудрился запихать в свою голову половину кадетской библиотеки. Мог бы и больше, если бы не отвлекался на Софью Андреевну. Молодой организм все настойчивей напоминал о себе, и я уже смотрел на библиотекаряшу не как на недоступный мифический предмет, а как на привлекательную женщину с земными хотелками. Если бы не постоянное присутствие посторонних, наверняка проявил бы инициативу, как говорится: попытка — не пытка. Но подумав на трезвую голову, понял, что даже если мне ответят взаимностью, то это будет большой ошибкой. На девяносто девять процентов это приведет к моему исключению. Так что, никаких Софий Андреевны! Только Марфы, если подвернутся. А тут еще Оленька на горизонте! С опасением думал о предстоящих каникулах и свидании с влюбленной барышней. Не хочется ее огорчать своим мнимым равнодушием, но боюсь эта горячая девица пойдет на штурм моего окрепшего тела. А ведь мне еще учиться и учиться! Не думаю, что папенька посмотрит сквозь пальцы на такое внимание своей дочери к моей персоне, да и я обещал. Придется зажать волю и своевольного малыша в кулак и страдать целых два месяца, любуясь на все готовую девушку. Ничего! Отучусь, поженимся и тогда уже... Ух! Постучал по голове выгоняя из нее соблазнительные картинки.

Как там сестренка с братишкой! Мысли переключились на родных. Мям, наверное, вырос. Скорей всего уже пользуется домашних кошечек! Опять не туда мысль заскользила! Тфу!

Наступил конец мая и в наше училище съехались участники имперских соревнований по борьбе. Вечером Сергей Трофимович позвал к себе. Налил чайку и поставил розетку с колотым сахаром.

— Василий! Завтра ты скорей всего выиграешь. Но! Представь себе... Будет присутствовать сам император! Многие знатные фамилии заинтересованы показать себя. Так что будь готов к неожиданностям.

— Могут оспорить мой возраст? — делюсь очевидной догадкой и осторожно отхлебываю из кружки.

— В корень зришь! И не только. Причины могут быть самыми надуманными. Поэтому, если что, не расстраивайся. У тебя еще все впереди.

— Понял, Сергей Тимофеевич. Дергаться не буду, мне надо на офицера выучиться.

— Молодец! — хлопнул меня по плечу куратор. — Если не останоят, далеко пойдешь!

Перед сном прокручивал в голове возможные развития ситуации. Надо прежде всего постараться победить. Что там дальше случится, можно только гадать. Поэтому, успокаиваемся и отдаемся на волю случая. А еще завтра я увижу самого Императора Российской Империи! И это невероятно!

С утра, как положено, завтрак и все училище стало готовится к приезду высоких гостей.

Вокруг наших беговых дорожек были спешно сделаны деревянные площадки со ступенчатыми помостами, как на стадионе. Народу была уйма, для учеников осталось совсем мало места, и они все теснились с левого края тренировочного поля. От каждого училища выступало девять участников, по три в каждой категории. Система была самая простая. Возрастные группы делили пополам, затем обе команды боролись между собой по жребию. Проигравший выбывал, оставшиеся, опять делились на двое и снова по одной схватке. В конце останется примерно десять человек, которые будут бороться между собой. Так определялся победитель. Вторых и третьих мест не предусмотрено.

Участники выстроились со своими преподавателями перед трибунами и нам задвинул приветственную речь какой-то генерал со множеством орденов. Торжественная часть быстро закончилась и мы разошлись по площадкам отведенных для каждой категории борцов. Я, конечно волновался, но к началу своего поединка сумел успокоиться.

Первые два круга прошел легко, больше глаза на центральную трибуну и гадая, кто есть кто в окружении императора. От множества мундиров и пышных юбок рябило в глазах. В финале нужно выиграть три схватки. Из нашего училища были два дворянчика, которых я уже побеждал и еще семь участников. Первым мне достался самый неудобный. Невысокий плотный и сильный. Если бы не моя чиртерская энергия — быть мне проигравшим. Взял его только за счет выносливости и крепкого захвата, который ему так и не удалось разорвать. Второй и финальный бои вышли попроще. В финале я победил представителя из Москвы, не дав тому ни единого шанса. После определения троих победителей, вокруг судей началось непонятное оживление и споры с окружившими их преподавателями училищ. В конце концов, императору это надоело, и он вызвал всех спорщиков в свою ложу. Там они пообщались и вызвали меня. Так и знал!

С огромным любопытством разглядываю статного самодержца. Я и Император всея Руси! Полный его титул не все могли перечислить с ходу. Примерно десятка два титула, но точно, что князь Литовский, Курляндский, Эстляндский, Лифляндский, царь Сибирский, Астраханский, Херсонеса Таврического и прочее, прочее.

— По указу Его Императорского Величества, кадет Василий Пахомов, явился! — отдал честь наклоном головы и гляжу поверх головы монаршей особы, хорошо, что рубаху с ремнем успел надеть.

— Хорош! А вот Волконский говорит, что малому больше шестнадцати лет. Что скажете, Федор Иванович?

Директор побагровел и, справившись волнением, произнес:

— Помилуйте Ваше Величество. Я Генерал! И лгать не приучен! Я лично почти год

назад принимал этого отрока на учебу, и поверьте мне, это был еще совсем незрелый мальчик.

— Успокойтесь, господин Генерал-майор. Никто не сомневается в вашей честности, но вырасти из мальчика в юношу всего за год?! Это очень необычно!

— Позвольте обратиться, Ваше величество! — мое сознание почти мгновенно предложило решение вопроса.

— Слушаю тебя кадет.

— Готов сразиться с победителем старшей группы, чтобы не оставлять поводов для сомнений!

— Каков, а?! Если победишь, будет тебе отдельная награда!

Все дамы заахали от мудрости его величества и создали целый ветер своими веерами.

Когда на ристалище вышел мой соперник, я чуть не пожалел о сделанном. Парень был выше меня и тяжелее чуть ли не вдвое. Что ж! Взаялся за гуж, не говори, что не дюж! Не успел детина протянуть ко мне свою граблю, как я схватил ее и дернул на себя, одновременно приседая и подхватывая на плечи этого борова. Тот смешно замахал ногами, а я, пройдя по кругу, сбросил соперника спиной на песок. Массивное тело рухнуло с глухим звуком, и парень остался лежать, вода ошалелыми глазами и разевая рот. Туше!

Женщины и девушки кругом захлопали, затем нехотя после императора захлопали и остальные.

В конце состоялось награждение. Победителям выдали по кубку, грамоту за первое место подписанную императором, пятьдесят рублей деньгами, а мне от государя еще досталось звание ефрейтора. Когда сам император пожал мою руку, я как кисейная барышня испытал чувство эйфории. Хоть руку не мой после этого! Подумать только! Человек самой большой империи в мире и с самой сильной армией, раз Наполеона побил то есть побьет в будущем, пожал руку простому крестьянскому сыну, пусть даже солдатскому, как все считают.

Как и предыдущий раз накупил еды на весь взвод, и мы отпраздновали мою победу. Даже злобный Харя, перестал смотреть на меня, как на врага народа, смиряясь с неизбежным мной. В первую же увольнительную, я отправился в знакомый трактир, где на мешках с крупой утешил довольную Марфушу, не помню сколько раз. Вышел из трактира, слегка пошатываясь и с пустотой в голове и в яичках. Маша, тьфу, Марфа тоже получила удовольствие и серебряный рубль. Мне все больше нравилась моя новая жизнь. Прости меня Оленька, но терпеть уже нету мочи! Будем считать это тренировкой, а то теория это хорошо, но без практики можно и облажаться! Зато теперь я уверен в своих силах и испытал возможности. Хе-хе! Можно даже с недельку в библиотеку походить, без опасения сорваться и не оприходовать бурно вздыхающую и краснеющую библиотекаршу во время передачи книг.

После весенних экзаменов нас повезли в летний лагерь, где мы на практике отрабатывали возведение редутов и стреляли из тяжелых мушкетов. Походная жизнь тянулась две недели и вот, наконец, закончилась. Собрали палатки, загрузили в телеги вместе с остальным имуществом и, выстроившись в походную колонну, с песнями двинулись в город. Настроение, лучше не бывает! Впереди почти два месяца каникул.

Р.С. Дорогой читатель! Я рад, что ты дочитал до этих строк! Если тебе понравилось, подпишись! Я таким образом узнаю ваше мнение и у меня будет смысл дальше радовать вас новыми сюжетами. Заранее спасибо!

Дорога домой пролетела быстро. Я уже отписал, когда примерно меня ждать, и что доберусь самостоятельно. Почтовая карета высадила меня на станции, и я со столичными гостинцами решил взять извозчика. Ехать пришлось в кадетской форме, так как в свою одежду я уже не влезал, а покупать новую не имело смысла. Не успел я соскочить с пролетки, как из дома выскочила сестренка и повисла на моей шее.

— Васька! Какой ты вырос! А-а-а! — я закружил младшую кровиночку, радуясь вместе с ней. Тут и остальные подросли. Братишка само собой кинулся первым, а Оленька с мамой ждали своей очереди. Подкинул счастливого Алешку и, поцеловав в румяные щеки, поставил на землю. Подошел к стоящим барышням и отсалютовал им по кадетски.

— Ефрейтор кадетского военно-сиротского дома прибыл для поведения каникул.

Барыня улыбнулась и к удивлению обняла меня по-родственному, поцеловав троекратно. Ого! Подумал я, когда за ней принялась лобызать меня Оленька. Как то меня принимают, неправильно. К чему бы это?! Глаза Оленьки горели, как маленькие зеленые фонарики, а об щечки можно было обжечься, настолько они покраснелись. В доме мне отвели свою комнату и, выдав простую одежду, отправили в ожидающую меня баню. Там я помылся, переделся и пошел дарить подарки. Сестре гребешок и бусики, брату солдатский ремень, Оленьке изящный веер, а маменьке заколку для волос. Для Александра Никитича, я купил трубку и душистый табак. Еще привез целую коробку столичных сладостей к чаю.

— Какой ты стал взрослый! — высказала Елизавета Матвеевна общее мнение. — Так быстро! Всего за год! Прямо, кавалер!

Оленьку от этих слов, опять бросило в жар, и она поспешила в ванную комнату охладиться. К слову сказать, моя бывшая пациентка тоже не теряла время, и из худого цыпленка превратилась в стройную зеленоглазую барышню с весьма аппетитными булочками, что сверху, что снизу.

— Откушай Васенька с дороги! Казенные харчи, небось надоели?! — шустрая подавальщица начала метать на стол еду, установив посередине большую супницу. Вернулась Оленька и я отдал должное домашним щам в прикуску с пышным домашним хлебом. Затем курочка, осетрина с гречкой, салатика, а дальше уже не лезет. Извинился, пообещал рассказать об учебе вечером и пошел отдыхать. Все-таки умотала меня дорога!

Проснулся к вечеру, Александр Никитич уже был дома. Встретил меня в общем зале и, как и все до него, восхитился моим ростом. Презентовал ему подарок, который он незамедлительно использовал, пыхнув облачком ароматного дыма.

— Знатный табачок! Уважил! Вижу, совсем обтесали тебя. Смотреть любо-дорого!

Немного погодя собралась вся семья, и я рассказал весь свой год учебы, подробней задержавшись на быте и порядках в училище. Закончил описанием соревнований по борьбе и предъявил грамоту за первое место подписанную императором.

— Неужто, сам император твою руку жал?! — не могла поверить сестренка. Две пары зеленых глаз засветились непонятым довольством, когда мама с дочкой переглянулись между собой. Это ж-ж-ж, неспроста!

— Да пожал и еще пожаловал за победу чин ефрейтора.

— Так ты теперь офицер! — обрадовался Алешка.

— Нет, пока. Это звание старшего солдата. Могу теперь командовать рядовыми, в отсутствии старшего по званию.

— Здорово! Я тоже, когда вырасту офицером стану!

Все засмеялись. Потом я рассказал про летний лагерь, чем опять возбудил братишку, мечтавшего пострелять из ружья. Засиделись допоздна, выпытывая у меня все новые подробности. Мама интересовалась, как были одеты дамы вокруг императора и очень огорчилась, когда я не смог внятно объяснить. Папу интересовали военные, а Оленька почти не встревала в разговор, обжигая меня влюбленными глазами.

На следующий день гуляли по Городу. На каждой руке у меня было по девичьей ладошке. С одной стороны Оленька, с другой Машенька. Обе одеты в длинные платья с пышными юбками. Милые щебетали и радовались жизни. Прошлись по центру, показали себя, потом посидели в кондитерской, дальше городской парк. На мою кадетскую форму обращали внимание все без исключения. Особенно, конечно, девушки. На что мои красавицы гордо задирали носики и висли на руках, задорно веселясь такому вниманию.

— Вася! А девушки в училище есть? — Оленьку очень интересуют возможные соперницы.

— Да. У нас есть отдельный корпус. Там учатся девочки, но мы с ними не пересекаемся. У них даже столовая отдельная.

— А они тоже стрелять учатся?

— Нет! Что, ты! Из них готовят образованных барышень и еще они изучают медицину, чтобы на случай войны могли оказать первую помощь раненым.

— Жалко, что меня туда не возьмут! Может, Машку туда отдадим?!

— Во-первых, это не так и просто. Во вторых, там гораздо тяжелее, чем кажется, в третьих ты лишишься подруги. А еще есть в четвертых и пятых, так что нет.

— Лучше скажи, как твои суставы?

Оленька заулыбалась и, лукаво стрельнув глазками, сказала:

— А это у тебя надо спросить. Посмотришь?

— Хорошо, вечером... — комок появился в горле, и меня бросило в жар.

Оленька тоже зарделась, а Машка, ничего не понимая, беззаботно вертела головой.

Вернулись к обеду, я плотно нагрузил желудок барскими деликатесами и был приглашен Александром Никитичем в кабинет.

— Вася! Я вижу, ты парень разумный, поэтому обойдусь без экивоков. Я подал Императору прошение на усыновление Алешки, который получит мою фамилию и станет моим наследником. Елизавета Матвеевна, к несчастью, родить уже не сможет, поэтому мое ходатайство, скорей всего, удовлетворят. Что скажешь?

— Я рад. Лучшей судьбы для него и придумать нельзя! — искренне обрадовался я неожиданному известию.

— В этом свете и ты, и Маша становитесь нам не совсем чужими, особенно Оленьке, — тут он хитро улыбнулся в усы. — Очень надеюсь, что ты не злоупотребишь нашим доверием?!

— Не извольте беспокоиться, Александр Никитич. Свою честь и честь вашей семьи обязуюсь блюсти перед ликом Господа нашего, — крещусь на образ и целую крестик на шее.

— А я в свою очередь, не стану чинить препятствий, когда вы подрастаете и ты получишь чин офицера. Вот тебе мое слово!

Получив, таким образом, благословение от батюшки, стал прокручивать в уме, как

удержаться подалее от распаленной первой любовью барышни и не поддаться искушению. Ничего не придумал и пошел пообщаться с братишкой. Тот безумно обрадовался и мы где-то с час говорили обо всем. Я о своей службе, он о выросшем Мяве и доброй Елизавете Матвеевне. Оставшееся время до вечера, решил просто поваляться и почитать книжку. Каникулы у меня или нет! Не успел вникнуть в начало средневекового романа, как в мою комнату после стука вошла Оленька и прикрыла за собой дверь. Ее платье на модный манер приоткрывало приподнятые грудки, которые беспокойными близняшками, трепетно вздымались в своем гнездышке. Сайз два плюс, плюс! Ох! В штанах сразу сделалось тесно.

— Извини! До вечера ждать выше моих сил! Можно я у тебя посижу? — и глазками хлоп, хлоп. Румянец опустился на шейку, а руки нервно затеребили платочек.

Вскакиваю с кровати и предлагаю присесть. Диванов в комнате нема, так что садимся на краешек кровати. Я с интересом рассматриваю повзрослевшую Оленьку, та постепенно стала терять над собой контроль. Ее дыхание еще более участилось, а румянец с шеи пополз на милые грудки. Чувствую, что еще немного и девушке станет плохо от волнения. Беру ее голову за виски и тихонечко подаю свою энергию, выравнивая внутреннее давление и успокаивая ушедшее в разнос сердце.

— Вот, так лучше! Чего ты так разволновалась?! Это я, Васятка! Твой верный Паж!

— Ты стал такой... Извини... — опускает голову и шепчет, — Красивый... А я глупая. И маменьке все рассказала, как ты меня лечил. Прости! — закрывает лицо ладонями.

— Оленька! Ну, ка! Подними глазки. Такие красивые! Вся в маму! То, что Елизавете Матвеевне рассказала, не страшно. Я тоже очень волнуюсь, поэтому, давай договоримся. Ты ко мне больше не приходишь одна, а я в последний раз обследую тебя и оставим эти игры на будущее, тем более что твой батюшка обещал не чинить препятствий, если я выучусь на офицера.

— Правда! — Оленька засияла как изумруд и шустро скинула с плеч чуть свободное платье, предьявляя моему взору свой торс с сисечками идеальной формы.

Делаю жест рука лицо, в очередной раз, удивляясь женской логике.

— Я, конечно, очень рад, что у тебя такие красивые грудки. Но пойми! Я повзрослел. Теперь нам надо держать себя в руках, а это очень для меня тяжело. Давай оставим это на будущее, — с неохотой поднимаю платье на свое место, не удержавшись от прикосновения к упругим титечкам. С великим трудом сдержался от соблазна и даже отошел, пытаюсь унять свой взбесившийся организм.

— Теперь я могу проверить твой позвоночник через платье. Вот так! У тебя все в исключительном порядке! И ножки, и ручки. Как ты, милая? Успокоилась? Ну, вот и хорошо! Хочешь сказку? Ладно, ладно! Про любовь, так про любовь. Расскажу тебе о первой любви, про Ромео и Джульетту.

Еще через час, пришлось утешать рыдающую Оленьку, принявшую слишком близко к сердцу печальную историю о юных влюбленных. Вопреки своей установке, вынужден был подержать рыдающую девушку в своих объятиях и осушить милые глазки легкими поцелуями.

На этом, наш Romantik закончился, к разочарованию Оленьки, явно рассчитывавшей на большее. Ничего не мог поделать. Теоретический опыт из прошлого точно говорил, что стоит чуть дать слабину и вскоре могут появиться детки. Никакой контрацепции в настоящее время не существует. В каждой семье в России в среднем десять детей, в том числе и у дворян. Если бы не большая смертность у детей, то было бы больше. Поэтому, все

время отпуска проходило в борьбе с собой и в отражении атак от Оленьки. Максимум, что я мог себе позволить это легкие поцелуи под раскидистой ивой в тиши городского парка. После этого Оленька летала на крыльях примерно часа два, затем начинала новые атаки на мою невинность. Ха-ха!

Примерно через месяц все семейство, вместе с нашей троицей, отправилось в деревенское поместье, где я и куча дворян из соседних поместий приняли участие в охоте. Верхом на лошади ездить я пока не научился, поэтому ехал в телеге с загонщиками. Мне выдали тяжелое кремневое ружье и определили направление, в котором надо будет ждать зверя. Заряжен этот допотопный огнестрел был круглой свинцовой пулей грамм, наверное, двадцать. Стрелки расположились в линию между двумя лесными массивами. Из которых, предполагалось выгонять зверье под наши выстрелы. Дамы и дети устроили пикник далеко позади и не мешали охотникам.

Вскоре из лесу послышались крики и лай собак. Я насыпал на полку ружья черный порох и взвел курок. Сердце в азарте ускорило бег, и я стал всматриваться в гущу стволов с редким подлеском. Постепенно загонщики приближались. Вот побежали самые шустрые обитатели леса зайцы, лисы, послышались первые выстрелы. Мои соседи разрядили ружья в стайку волков и принялись спешно перезаряжаться. Вот пронеслись косули, а за ними пара сохатых. Я не особо стремился кого-нибудь подстрелить, и просто наблюдал, изумляясь параду зверья населявшего обычный лес. Это как же надо было постараться, чтобы загубить такое изобилие! А когда из леса хлынули кабаны, стаями по три десятка, я все-таки не выдержал и выстрелил в крупного секача. Не попасть с десяти метров в высокий щетинистый бок было в принципе невозможно. Быстро перезаряжаю свой мультак, наблюдая за соседним стрелком, который выцеливал движущуюся гору с клыками. Ого! Да, эту свинку можно называть вепрем! Когда в огромную тушу прилетела тяжелая пуля, то он только слегка вздрогнул и, наклонив голову, пронесся на обидчика. Тот в растерянности зачем то попытался зарядить ружье и через несколько секунд уже летел в небеса, как из катапульты. Кабан пробежал еще с десятков метров и стал искать обидчика, крутясь на месте. Летун, вместо того чтобы не шевелиться, в шоке стал возиться в траве, не понимая что произошло. Вебрь определил цель и, взвизгнув от ярости, понесся добивать. Мои руки уже забили последний пыж в ствол, и я, почти не целясь, выстрелил в несущийся танк. Охотнику на земле в последнюю секунду удалось откатиться немного в сторону, как по этому месту пропахала клыками падающая туша весом в пару центнеров, а то и больше. Все это зафиксировалось в мозгу, как картинки из калейдоскопа, несмотря на мешающий дым от сгоревшего пороха. Но вот, картинки сдвинулись и появились звуки. Пospешил к раненному стрелку, оказавшимся одним из соседних помещиков, у которого обнаружился перелом ноги, и распоротая рука. Быстро перетянул руку выше раны ремнем, и перебинтовал, как мог куском от своей рубахи. Помещик кряхтел, но вроде пострадал не так сильно как мог. Рукавами от той же рубашки примотал с двух сторон от перелома пару веток.

— Простите, не знаю, как вас величать. Я сейчас сбегая за помощью, а вы старайтесь не сильно двигаться.

— Обухов Юрий Степанович. Я ваш должник, — проговорил помещик, в ужасе взирая на возвышающийся рядом бок царя хрюшек.

Тут подошел еще один участник охоты, видевший нашу баталию со своего номера, а я побежал за телегой и помощниками. Через пол часа десятков мужиков с трудом погрузили лесного великана, а помещика забрала причитающая дама на легкой двуколке с возничим. В

итоге героем охоты стал раненый помещик и ваш покорный слуга. Жена пострадавшего помещика, приятная пышечка непрестанно благодарила меня за спасения супруга и звала непременно посетить их поместье. Александр Никитич, крутя ус, ответил за нас двоих согласием. Что сказать! Охота удалась, как по добыче, так по драматизму событий. Зверья добыли немало, и добыча отправилась с караваном телег и загонщиков по поместьям. Все были довольны, возбуждены и веселы. Мужчины приняли водочки, а дамы ликеру. К особому неудовольствию Оленьки, местный бомонд тщательно оценил меня взглядами на предмет годности в качестве зятя для своих многочисленных дочек, которых собралось порядком. Особо шустрые девицы, умудрились подойти и представиться, пользуясь суматохой и стреляя глазками, что в обычной обстановке было бы непозволительно. Оленька вынужденно улыбалась в лицо и шипела как гадюка в спину, не отходя от меня ни на шаг.

С охоты возвращались чуть ли не с песнями, так как Александр Никитич и Елизавета Матвеевна изрядно подняли настроение во время пикника. За нами приехала удлиненная бричка, и мы вчетвером тряслись на ней под гусарские шутки барина и смех барыни, на которые Оленька весьма болезненно реагировала, так как батюшка непрестанно прикалывался на какой из дочек соседней надо меня женить. В поместье нас встретили Лешка с Машкой и выросший Мяс. Этот кот-переросток успел построить местных аборигенов и чувствовал себя хозяином, наведя шороху в мышиную популяцию.

Братишка и сестренка за прошедший год тоже решили наверстать упущенное, и изрядно подросли. Лешка наел щеки и превратился из худенького мальчонки, в крепкого парнишку на десять сантиметров выше себя прежнего. А Машка уже сейчас могла заставить умереть от зависти всех помещичьих дочек своей красотой и намечающейся фигурой. Придется отбиваться от женихов и караулить с ружьем, чтобы не украли. Хе-хе!

Пошли посмотреть на кабана, которого я свалил, спасая соседа-помещика. Огромная голова была уже отделена, и братишка с восторгом трогал острые клыки, похожие на костяные кинжалы. Машка охала и закатывала глаза, когда я рассказывал, как все случилось. Мяс, утробно рыча, попытался откусить мохнатое ухо, что вызвало наш общий дружный смех. Вечером мы ели тушеную кабанятину и Александр Никитич смаковал все перипетии прошедшей охоты.

К соседям мы все-таки съездили, и Оленька осталась довольна, ввиду малого возраста потенциальных невест. Родители уехали в Город, оставив нас, детишек, набираться деревенского здоровья про запас. Я решил наверстать упущение в отсутствии умения верховой езды и каждый день в сопровождении упрямой Оленьки, которая естественно тут же решила, что ей это тоже очень нужно, набивал свою тренированную пятую точку об жесткое седло. К концу месяца мы уже довольно сносно держались в седле, несмотря на то, что Оленьке приходилось скакать на женский манер боком, принятым в это время. Иногда мы брали с собой Машку и Лешку, которые пристраивались в качестве дополнительного седока. Я вез на манер пассажирки более крупную сестренку, а Лешка ехал с барышней. Еще я всех прикрасил к плаванию, долго обучая держаться на воде девушек в балахонистых рубашках. Пришлось терпеть Оленькины невинные объятия, по поводу и без повода хватавшую за мою шею. Хорошо еще, что прохладная вода не давала моему естеству проявить себя во всей красе. Поэтому не без удовольствия, поддерживал за упругий животик и косил глазом на горошины сосков, выпирающие на мокрой ткани.

Так и прошло лето, вполне невинно, благодаря скорей неискренности Оленьки, которая не могла понять, чего ей нужно и как этого добиваться. Ну, и, слава богу! Нам

проблемы не нужны! Скоро поеду в столицу, а там, глядишь, и найду, как спустить напряжение. Поэтому уезжал из дома одновременно с грустью от расставания, но и с облегчением.

Р.С. Друзья! Сегодня получил от читателя свой первый в жизни подарок 99 рублей! Если бы он был в натуре, я бы его вставил в рамочку! Спасибо ему!

Питер встретил меня хмурым небом и противным мелким дождем. Казарма с привычным запахом, ребята, искренне обрадовавшиеся мне и домашнему салу. По дороге прикупил дополнительно хлеба и немного конфет.

— Ты Васька еще, что ли вырос?! — Петруха на правах друга обнял, заглядывая на мою макушку.

— Конечно, нет! Это ты отвык, просто!

— Ага, и форма тебе мала стала, потому что села. Да?!

— Так, как не поправиться?! Деревенская еда, она ведь должна быть сытной и питательной, иначе у сохи и приляжешь. — Смеемся от души, и я расслабляюсь, не смотря на казенщину и некоторых недругов, типа Хари. Подлянки он уже давно перестал делать, но недолюбливал меня по прежнему за то, что я не давал ему изгаляться над слабыми. Прошел к своей кровати и стал выкладывать в тумбочку домашние гостинцы. Вечером, как полагается отметили мое возвращение чаем и сборной солянкой всего съестного нескольких вновь прибывших кадетов. Разговор понятно быстро перешел на известную тему, и отроки стали хвалиться своими подвигами над деревенскими девами. Я смеялся со всеми над бесхитростными рассказами, явно выдуманнными на ходу.

Осталось несколько дней до начала учебы, и я поспешил в трактир, надеясь на свидание с Марфой. Мой организм по утрам недвусмысленно намекал на необходимость тесного общения с кем-нибудь теплым и мягким. Небось, такое раннее созревание обусловлено наличием источника непонятной энергии, но я был этому несказанно рад, несмотря на некоторые неудобства от повышенного либидо, проявлявшееся часто в самый неподходящий момент. Но именно источник помог мне и Машке с Лешкой в трудную минуту. И именно благодаря ему я смог изменить нашу судьбу и вытащить из крестьянского ярма.

— А где Марфа? — растерянно спросил незнакомую подавальщицу.

— В деревне она! Пузо работе мешать стало. Ха-ха-ха! Говорила я ей, да не уберегла. Очень уж ей понравилось рублики ни за что получать.

Обломившись в своих надеждах, без аппетита поел и пошел слоняться по городу, раздумывая о жизненных коллизиях. Надеюсь не я стал виновником ее положения. Рано мне еще становиться папашей! Тем временем город жил своей жизнью и я задумался что делать. Просто так подойти к незнакомой девушке, как в моем времени, здесь невозможно, будь она из самых простых мещан. Не стал заморачиваться и задвинул проблему подальше, тем более, не зная ее решения. Проблему сброса балласта из моих шариков, если кто не понял. Погулял по столице, впитывая ее колорит, заглядываясь на симпатичных барышень и постепенно отождествляя себя с миром девятнадцатого века. До сих пор ловлю себя на мысли, что смотрю на действительность глазами залетного туриста. Пора уже менять взгляды. Врастать душой и телом в эти улицы, быть одним из этих спешащих граждан большой империи, стать ее винтиком, а потом, даст бог, колесиком и двинуть мою новую-старую родину чуть по иному пути.

Наш курс в этом году предвыпускной, и нам добавили новые предметы для обучения. Один из них французский язык, второй танцы, третий этикет, а четвертый фехтование. Ведь получив звание младших офицеров, мы автоматически причислялись к дворянскому сословию, так называемое личное дворянство без права передачи по наследству. Но вот

жениться, например на Оленьке, можно было уже без проблем, если, конечно, родители не против. Не прошло и двух недель, как пришло письмо от невесты, в котором она очень сумбурно и искренне описывала свои чувства ко мне, как это часто бывает у барышень. Мое сердце поневоле ответило учатившимся пульсом и в груди поселилось маленькое солнышко, согревая мысли и тело своим теплом. Наверное, это любовь!

Учеба потянулась своим чередом. Заняв первое место в соревнованиях по борьбе и поручкавшись с самим Императором, я забил на стратегию страуса и позволил себе и своему телу показать все, на что способен. Французский и другие предметы не составили для моей феноменальной памяти трудностей, а укрепленное тело и дополнительная энергия делали из меня недостижимого соперника. Я не давал ни единого повода усомниться в моем превосходстве, как на своем, так и на старшем курсах. Библиотеку посещал только по необходимости, чтобы не расстраивать себя и Софью Андреевну. Чин ефрейтора, пожалованный по указу императора, вознес меня на вершину кадетской иерархии среди учащихся, если не брать в расчет дворянские заморочки. Поэтому я пер, как бульдозер, убирая со своего пути любые препятствия, пользуясь личной силой и авторитетом у преподавательского состава. К сожалению, второй Марфуши мне так и не подвернулось, и я исправно бегал в прачечную стирать нижнее белье.

Наступило рождество и в училище организовали бал, на котором два старших курса и воспитанницы женского корпуса должны были отработать полученные знания в танцах и этикете. Нам выдали новую форму с белыми рейтузами и высокими сапогами. Кадеты как по мановению волшебной палочки стали похожи на военных и более взрослых. Барышни же, даже самые маленькие, ходили с прямыми спинами и задранными носиками. Преподаватели с умилением дирижировали процессом и проводили отработанный утренник. Подход, отход, запись на танец, проводить на место, поцеловать ручку. Мои однокашники всю пыжились, участвуя в этой игре, я же просто веселился и разглядывал милые лица серьезных барышень. Но были и оторвы, стреляющие глазками и пожимавшие твою руку чуть сильнее положенного. Я не велся, так как, ну его... Мне нужно выйти в люди, остальное пусть дворянские отпрыски потребляют. Никаких амуров! Вечером вьюноши в казарме, изрядно подняв настроение на балу, долго не могли успокоиться. Разбившись на кучки по интересам весело и с красками обсуждали прошедшее мероприятие и спорили какая из учениц заслуживает звания королевы бала. Я, по обычаю, не сильно вмешивался, но веселье поддержал, рассказав пару анекдотов из походов поручика Ржевского.

Через два дня, неожиданно, меня вместе с четырьмя старшекурсниками командировали на бал, устраиваемый императором для всех учебных заведений. Во дворце, где все происходило, я был поражен роскошью интерьера и пышными платьями преподавателей и участниц. Еще больше поразили открытые плечи и обнаженные груди в глубоких декольте. Мой дружок в тесных штанах неприлично возбуждился, и я долго прятался за колонной, пока одна шустрая девица не вызвала меня на танец, наплевав на приличия. Еще бы! Высокий голубоглазый юноша, с вьющимся светлым чубом и без присмотра! Я быстро спрятался за пышную юбку партнерши и старался от нее не отставать. Потратив пару миллионов нервных клеток, с трудом удалось совладать со своенравным органом до начала танца, иначе можно было стать всеобщим посмешищем.

— Вы всегда такой скромный? — бойкая девица начала плести свою сеть.

— Нет, но, признаюсь, слегка растерялся от такого обилия красоты.

— Что?! И от моей? — лукавые глазки насмешливо разглядывали мое лицо, только

начавшее отходить от борьбы с производителем тестостерона. Разглядываю доставшуюся мне партнершу и убеждаюсь, что она действительно красива. Большие карие глаза, стрелчатые брови, аккуратный носик, яркие губки, длинная изящная шейка, белая, гладкая кожа и чудесные грудки в окружении белых кружев.

— Конечно, нет! От вашей красоты можно только ослепнуть! — Девушка вспыхнула от удовольствия и ее яркие губки приоткрыли белый жемчуг зубов.

— Елизавета Курсжинская старший курс Института Благородных Девиц.

— Кадет Василий Пахомов, из солдатских детей, выпускаюсь на следующий год, — решил сразу расставить акценты в своем статусе.

— По вам не скажешь! Я думала, что вы выпускаетесь в этом году, — слегка разочаровалась девица, явно намекая на происхождение. Не удивлюсь, если я тут один не дворянского рода.

— Жалко, что вам еще учиться. А то бы записала вас в *mon soupirant* (мой воздыхатель). Подруги точно бы позеленели от зависти!

Танец, слава богам, закончился, и я проводил свою партнершу к группе девиц расстрелявших меня взглядами на подходе.

— Знакомьтесь, будущий офицер Василий Пахомов, — представила меня подругам Лиза.

Баронесса, боярышни и графиня. Имена вошли в одно ухо, из другого вышли. Я тут человек случайный, так что нечего примазывать. В итоге меня использовали как фактурного партнера, не давая передыху ни на один танец, пока я не извинился в необходимости посещения туалета. Оттуда я на бал не вернулся, а просто сбежал, посчитав свою миссию выполненной. Все равно одно расстройство, хотя любоваться симпатичными барышнями мне понравилось, да и они были ко мне достаточно благосклонны. Но, надо думать, просто оттачивали на мне, как на красивом манекене свои коварные штучки по охмурению потенциальных мужей. Ну, и ладно!

Новогодние праздники закончились, морозы встали трескучие. Я тянул ляжку отличника боевой и политической подготовки, а именно стоял на карауле у входа на территорию корпуса. Так как было холодно, то ворота были закрыты, а сам я грелся внутри будки у небольшой буржуйки. Перечитываю последнее письмо Оленьки и дописанное собственной рукой младшей сестренки. Обе писали, что меня любят, вкладывая каждая свой смысл, и ждут не дождутся, когда я приеду. Алешка теперь у нас боярский сын, с чем меня обе поздравляли. Еще одна важная вешка на пути к становлению моей семьи в этом мире. Теперь уже Машка осталась в подвешенном состоянии, хотя для меня все эти сословия являлись чем-то вторичным, но необходимым для комфортного проживания. Отдам за нормального парня замуж и достаточно. Пока подрастет, надеюсь подзаработать денюжек для приданного.

Мои мечты прервал стук в кованные ворота.

— Чего изволите? — разглядываю бородатого мужика и подвезший его крытый возок.

— Мне бы записку передать, — сказал посетитель, выдохнув облачко пара.

— Кому?

— Василию Пахомову.

— В наряде он! — А что? Точно ведь в наряде! — Можете мне отдать, я передам.

— Только хотелось бы... Как бы это сказать...

— Не переживай! Конфиденциальность гарантирую!

— О, как! Да, это самое и хотел, — протягивает белый конвертик. Вздохнув, покопался в кармане и сунул в мою руку серебряный полтинник. Посчитав свою миссию выполненной "почтальон" нырнул в кибитку и возок заскрипел полозьями, по жесткому снегу. Я с любопытством посмотрел на пахнущее духами послание. Очень интересно! Зашел в свою будку и развернул послание.

"Vaillant Cadet d'une gentille dame.

Si vous voulez vous manifester et recevoir ma faveur, je vous attends dimanche prochain à douze heures du midi à cette adresse»

«Доблестному кадету от милой дамы.

Если вы желаете проявить себя и получить мою благосклонность, то жду вас в ближайшее воскресенье в двенадцать часов по полудню по такому то адресу»

Еще раз нюхаю письмо и сердце радостно забилось в предвкушении. Как поступить?! Разумней было бы не идти, но иногда нужно делать рискованные шаги, иначе ничего в жизни не добьешься. Это я знал точно! К тому же в письме имелся неприкрытый намек на возможный интим, а эта проблема меня уже достала.

В нетерпении провел три дня в ожидании воскресенья. В означенный день сбежал из училища пораньше и слонялся по городу, убивая время. Заранее нашел нужный мне дом и еще целый час гулял, распаляя свое воображение. Без пяти двенадцать, стараясь унять волнение, стучусь в парадную дверь многоквартирного дома. Закутанная консьержка не дала раскрыть мне рот, направив на третий этаж со словами, что меня ждут. Поднялся по широкой лестнице и затормозил в холле с двумя квартирами. Не успел растеряться при выборе вариантов, как высокая дубовая дверь справа от меня приоткрылась и оттуда выглянула крепкая девица в чепчике.

— Чего стоишь? Проходи! Давай одежду. Сапоги сымай и топай в ванную.

— Э-э... — попытался прояснить ситуацию.

— Чего мычишь, аль помыться не желаешь?!

Иду под конвоем румяной девахи по темному коридору, отдаваясь течению обстоятельств. В ванной парила водой большая деревянная кадушка и горели свечи. Решительная девица помогла мне разоблачаться и критически осмотрела мою тушку сзади и спереди. Я не закрывался, подчиняясь неведомой игрунье, видимо желающей предварительно удостовериться в отсутствии скрытых изъянов.

— Красавчик! — получил чувствительный шлепок по филейной части и полез поддерживаемый твердой рукой в теплую воду. Меня помыли везде, еще раз похвалили воодушевившегося от нескромного обращения бойца, которого при помывке тщательно осмотрели.

— Теперь слушай сюда, красавчик. Пойдешь в спальню и сделаешь свое дело. Вопросов не задавать, света не зажигать. И это... барышня невинна, так что ты там поосторожней действуй.

На меня, оторопевшего от такой информации, накинули теплый халат и, проведя по коридору, втолкнули в темную комнату.

Примерно через час мое расслабленное тело, пьяное от избытка чувств, выставила за дверь служанка, попутно сунув что то в карман сюртука.

— В следующее воскресенье приходи, красавчик!

Счастливым до звона в голове поймал извозчика и только потом стал смотреть, что же мне сунули в карман. Черный кисет звякнул металлом и на ладони заблестели пять золотых

империалов. Пятьдесят рублей золотом! Это кого же я трахнул?! Все дело в том, что события нашего randevу происходили в полной темноте и молчании партнерши, за исключением конечно кое каких охов и вздохов. Как бы мне голову не снесли! Хотя, если разобраться, то кроме как через незнакомку ко мне не подобраться, а уж она, я думаю, будет молчать. Тем более раз невинна, значить не замужем и адюльтером тут не пахнет.

Всю следующую неделю находился в благодушном настроении, легко прощая зарвавшийся молодняк и не реагируя на придирки преподавателей. Мысли периодически возвращались к прошедшим событиям, смакуя отдельные эпизоды и вспоминая свои ощущения. Еще больше, меня воодушевляло предстоящее свидание, и я не мог позволить какой-нибудь случайности нарушить мои планы. Харя, хорек эдакий! Словно почувал своим гнилым нутром мою слабость и по мелкому доставал, удивляясь моему миролюбию. Ничего, придет время, я ему припомню!

Но вот, все прекрасно обошлось, мне выписали увольнение, и я покинул корпус как только открыли ворота. Минут за тридцать до полудня я уже мерз у парадного, считая секунды. Замерз как цуцик и, не дождавшись десяти минут, пройдя через парадную и взлетев по лестнице, стучусь в заветную дверь.

— Невтерпеж, поди! — служанка с ворчанием впустила мое озябшее тело. — Эко тебя трясет! Пойдем быстрее, я тебя погрею. Ха-ха!

Оживший после теплой воды и получив благословение, шлепком по булке, с бьющимся сердцем иду в темноте мелкими шагами по направлению к будуару. Моя незнакомка оказалась на месте и со смешком приняла мои объятия. Все опять произошло по предыдущему сценарию, подарив мне и партнерше два часа непрерывного полета к небесам.

Когда я уже стоял у выхода моя мойщица одобрительно похлопала мне по плечу и сунула в руки шапку.

— Прощевай, красавчик! Может ужо не увидимся.

Уже в холле вздрогнул от стука закрывшейся двери и хотел надеть головной убор, когда обратил внимание на конверт и кисет с деньгами, лежавших на его дне. В кисете оказались очередные пять золотых червонцев, и я принялся за письмо, как только оказался внутри возка, который удачно подвернулся под руку.

«Мой милый! Если бы ты знал, из какой бездны отчаяния ты меня спас! Меня отдают замуж за пожилого человека, все достоинства которого в богатстве и знатном происхождении. Я хотела наложить на себя руки, но известная тебе подруга предложила другой выход. Тогда на балу она не случайно подошла к тебе. Ты, как никто другой подходил для нашего плана, и я благодарю судьбу, что все получилось. Если мы больше не встретимся, значить у меня будет маленький Вася, и я смогу с этим жить, видя его и вспоминая тебя.

Целую тебя миллион раз, твоя Молчунья»

Вот, девки пляшут! Какие бы времена ни были, вертят мужиками, как хотят! Хорошо бы она не залетела, тогда есть шанс увидеться опять! Понюхал письмо и блаженно откинулся на сиденье.

Прошла неделя, потом вторая. Я поздравил себя с ранним отцовством и постепенно успокоился, пожелав мысленно счастья молодой маме. На ум пришел анекдот про извозчика, который на вопрос друга, как он относится к тому, что его барин спит с его женой. Отвечает тому:

— Он то, делает мне холопов, а я-то делаю ему графьев! Ха-ха-ха!

Как ни странно, но после изнурительного любовного свидания, мой организм

успокоился, будто выполнив свое предназначение, перестал фонтанировать гормонами и его производными. Зато появилась растительность на лице и мне пришлось многократно лечить себе порезы от опасной бритвы, до тех пор, пока не освоил бритье без кровопусканий. Опять, вроде рановато, но видимо тело живет по своему графику, опережая возраст на пару лет.

Зацвели сады, прошли выпускные экзамены. Наш курс стал старшим, и мы под звуки оркестра попрощались с выпускниками. Они прошли ровной коробочкой перед преподавательским составом и кинули вверх свои кивера, сопровождая криком ура. В этом году у нас расширенная летняя программа и всего чуть больше трех недель отпуска. Учитывая двенадцать дней на дорогу, то получается совсем немного. Через два дня мы погрузили походные шатры, постельные принадлежности и отправились в летние лагеря всем училищем.

Первый месяц стояли отдельным лагерем и на практике изучали все, что может понадобиться молодому офицеру. Хотя и солдатскую премудрость штыковой атаки тоже пришлось повторить, отрабатывая до седьмого пота. И это правильно! Не будешь знать, как ходить строем, не сможешь командовать другими. Затем переключились на конное обучение. Атака с копьем, владение пашкой и тонкости сражения в конном строю. Все было очень насыщено и сжато, заставляя нас выкладываться по полной. Мне, конечно, было легче всех, но я просто давал себе двойную нагрузку, выматываясь наравне со всеми. Виртуозом еще не стал, но кое-что уже могу, за счет силы и реакции. Впервые пришлось стрелять из пистолетов. Как из него убили Пушкина?! С этим стволом и круглой пулей надо стрелять с двух метров, чтобы куда-то попасть. Зато понравилось бабахать из орудий, с восторгом следя за полетом шуршащих ядер. Я увлекся новым для меня делом и с тщанием изучал все возможности нынешних пушек. Достал вопросами преподавателя и прикомандированных пушкарей, которые за мое подношение постарались рассказать все известные им примудрости. Понял, что наукой в этом деле и не пахнет. При всей важности артиллерии в нынешних войнах, все делалось на глазок и по жесткой инструкции. Делай так и так, а почему не знаю. Так положено! Мысли об улучшении допотопных пушек закрались в мою голову, но к моему большому сожалению уперлись в полное профанство в этом вопросе. Дал сам себе задание разобраться с этим при первой же возможности и, подкупив артиллеристов, расстрелял весь оставшийся запас пороха.

На всю практику ушло полтора месяца. Последние две недели нас разбросали по полкам в строевые части для лучшего понимания службы. Я попал в первый гренадерский батальон Преображенского полка, у которых были смешные высокие головные уборы, очень сильно мешающие при любом движении. Я со своим ростом почти не выделялся на фоне высоких солдат.

— Кадет Пахомов. — внушительный майор с пышными усами читал мое направление на практику. — Имеет отличные оценки по всем предметам. Лучший на курсе, чемпион по греко-римской борьбе среди училищ. Удостоен от императора звания ефрейтора. Похвально, похвально! Что ж. Пойдешь командиром отделения в первую роту. Поешь солдатской каши из общего котелка, а там посмотрим, из какого теста тебя слепили родители. Ермоха! Отведи ефрейтора в первую роту к ротмистру. Скажи, чтоб поставил командиром отделения. И оденет пусть как положено. Ступайте!

Козырнул и пошел за солдатом вдоль стройных рядов больших бело-серых палаток.

— Скажи Ермоха, а много ли солдат в полку?

— Вообще то я Ермолай, но все зовут Ермохой. В полку четыре батальона, в каждом по сто пятьдесят человек. На роту два старших офицера и четыре унтера. Еще есть куча

причисленных к полку дворян, но службу не несут, только форс имеют.

— А ты сколько служишь?

— Я то, почитай девять годков, еще шостнадцать осталось.

— А ты женат?

— Когда бы! Не успел, слава богу! А так бы маялась супружница двадцать пять лет, без мужа, да еще могла бы с дитем. Так что хожу вольным солдатом.

— А как с женщинами у вас?

— Этого хватает! Как только выдадут денежное довольствие, сразу набегут. Раз, и денег уже нема! Если надо, могу адресок дать.

— Не! Пока не надо. Мне и служить то у вас всего две недели.

Уже подходя к своему расположению, увидел высокого офицера, одетого с иголки с щегольскими тоненькими усиками. Его рыбы глаза зацепились за мою кадетскую форму, и злобная улыбка ощерила его хищное лицо.

— Солдат! Ко мне!

Как положено, сначала бегом, потом строевым, подхожу на два шага и докладываю, приложив руку к козырьку.

— Кадет Пахомов по вашему приказанию прибыл!

— Почему не по форме одет?! — Поручик сложил руки за спиной и качнулся с пяток на носки.

— В виду недавнего прибытия, не имел возможности получить надлежащее обмундирование.

— Молчать! Объявляю вам взыскание. Доложишь командиру. Почему молчим? Ты скотина меня игнорируешь!? — Хрясь, в мою скулу прилетел удар. Ха! Как девочка бьет. Стою по стойке смирно, глазами в небо.

— Ты издеваешься?! — Хрясь, хрясь. — Два наряда!

— Есть, два наряда!

Я получил напоследок еще удар, разбивший губу, и поручик удовлетворенный хотя бы таким результатом, махнул рукой, отпуская восвояси. Козыряю и двигаюсь в сторону, отдалившегося Ермохи.

— Лопухин, скотина! Какого черта его принесло. Обычно заявляется только за деньгами. Ты старайся не попадаться ему на глаза, но о взыскании лучше доложи.

В палатке командира роты я, после разрешения войти, доложил по форме и с интересом оглядел походное убранство. Две низкие деревянные койки, стол, три стула, шкаф. За столом сидел бравый военный в бриджах и в белой рубашке, дымя табак. Его лихие усы закручивались чуть ли не двойными кольцами.

— Значить на две недели. Как там поживает генерал- майор Клингер.

— Жив, здоров, ваше благородие!

— А каптерщик Фома?

— На месте, что ему сделается.

— Да! Время идет! Когда то и я выпускался из нашего училища. Так что добро пожаловать, служи хорошо.

— Так точно! Разрешите идти?!

— Ступай, братец.

Дальше я с тем же Ермохой посетил вещевого склад, где меня одели в форму гренадера, выдали ружье с длинным штыком и шашку в потертых ножнах. Потом мне показали палатку,

возле которой кашеварил дежурный. Тот узнал, что я временно стал их командиром и показал свободное место. Так я заселился в длинную палатку с двумя рядами нар по бокам от прохода. На них были накиданы матрасы и серые суконные одеяла. Все скатаны в рулон ровно в линию. Под руководством Савелия, так звали дневального, подшил все регалии на мундир, вместе подогнали португеею и показали где и как чистить сапоги. Ничего! Послужим России матушке! Насколько я помню, Россия не вылезали в это время из войн в Европе, в основном с французами и Турками.

— Ребятюшки сейчас на учениях, вернутся только к вечеру. А вы если хотите, можете пообедать раньше, — рослый дневальный был уже солидным мужиком, от которого веяло силой и уверенностью. Сразу вспомнились строки из Лермонтова:

- Да, были люди в наше время,

Не то, что нынешнее племя...

Такие богатыри остановили Наполеоновскую рать, собранную со всей Европы. Видимо и мне предстоит поучаствовать в этой битве, если раньше не сложу голову, где-нибудь под Аустерлицем. Эта военная компания как раз начнется через год после моего выпуска.

Часам к пяти вернулся на отдых мой десяток. Все рослые, с усищами, одно слово — Гренадеры! Меня восприняли со спокойствием и слегка покровительственно, как младшего брата. Я не чванился и задавал вопросы, когда чего-то не знал. Пришлось и взыскание отрабатывать, заступая в ночной караул. Как водится, угостил мужиков, от души, накормив купленными разносолами. Разумеется, выпили за гладкую службу по чарке водочки. Для таких детин, эта доза была просто как капли для носа, но на службе и этого не положено. Можно сказать, чисто символически. Не успел оглянуться, как уже нужно было сдавать форму. Душевно распрощался с сослуживцами и, получив аттестат о прохождении практики, отправился прямиком в родные пенаты.

Дома меня встретили большим переполохом, повисев по очереди на моей шее. Даже Александр Никитич появившись к обеду по отечески обнял и похлопал по спине.

— Эка ты братец вымахал! Женить тебя пора! Совсем мужиком становишься.

Оленька в этот момент чуть не поперхнулась морсом и вылетела из зала как пуля. Мы с Елизаветой Матвеевной переглянулись, и она улыбнулась мне, слегка кивнув головой. Ох! Чует мое сердце, что тут заговор против меня зреет!

Обед, подарки, разговоры. Такая суэта длилась до вечера, пока в один момент я не остался с отцом Оленьки наедине.

— Ты стал совсем взрослым, и я хочу поговорить с тобой о наших дальнейших отношениях. Вы все трое стали своими в нашей семье. Естественно, я в курсе о якобы твоём участии в выздоровлении Оленьки. Можно верить, можно не верить, но моя доченька здорова и не видит своей жизни без тебя. Поэтому не вижу причин препятствовать этому. Будем считать, что вы негласно обручились и сыграем свадьбу через год, когда получишь чин офицера. Приданное я положу достаточно, так что будет на что жить.

— Уважаемый Александр Никитич. Для меня это большая честь и я вам безмерно благодарен. Со своей стороны обещаю любить Оленьку и быть ей верным мужем. А насчет приданного, хотел с вами посоветоваться. Есть у меня пара проектов как можно заработать много денег. Первый проект имеет наибольшую перспективу из-за малых затрат на производство и огромный рынок сбыта.

Я быстро описал и нарисовал форму и размер металлического пера для письма. Александр Никитич был деловым человеком и быстро оценил перспективы такой новинки.

— Это же миллионные барыши! — в шоке шептал он, вытирая вспотевший лоб.

— Дадите нам с Оленькой четверть от прибыли, а я вам в подарок еще две идеи передам.

Вторым ноу хау, стала керосиновая лампа со стеклянным абажуром, а третьим существующий где-то в Европе самовар. Я все подробно зарисовал с примерными размерами и описал принцип действия.

— Самовар самое дорогое изделие. Не каждый сможет его купить. Вот если бы из него стал пить чай сам император, тогда каждый уважающий себя дворянин или купец захочет его приобрести.

— А ты дока! Где это вас учат вести торговые дела? А? Признавайся!

— От знающих людей поднабрался, надеюсь не надо объяснять, что сначала нужно оформить привилегии на производство.

— Дожил! Яйца курицу учат! Все будет как надо! Открою на твоё имя счет в Имперском Банке, буду туда отчислять твою долю. Но каков, а?! Не стал цену себе набивать перед решением о помолвке. Ценю! Дай тебя обниму по-родственному.

Мы обнялись и, как принято у русских людей, троекратно расцеловались. Оставил будущего тестя переваривать мои идеи и пошел отдыхать от тяжелого дня. Конечно, мне этого не дали. Когда я только смежил веки, в комнату тихой мышкой прокралась Оленька и со счастливым лицом прильнула к моей груди.

Я замер и осторожно положил руки на её спинку.

— Мне маменька сказала, что папа завтра объявит о нашей помолвке! Я так счастлива! — прошептала взволнованным голосом новоиспеченная невеста.

— Я тоже очень рад и счастлив! Мечтаю о том дне когда мы поженимся, — осторожно погладил млеющую невесту по спинке.

— Может тогда поцелуешь?! — Она лукаво улыбнулась и подставила свои вишневые губки. Я поцеловал растворяясь в нежности, а Оленька закрыв глаза пила мой поцелуй.

— Ах! Как сладко! И в животе горячо! Сделаешь мне массаж?!

— Что с тобой поделаешь?! Давай свои пальчики! Надеюсь мне как жениху не отрубят за это руки!

Умиротворив таким образом фонтанирующую гормонами Оленьку, я получил жестокую боль в бубенчиках и проклял все на свете, пытаясь уснуть вечером. Каникулы прошли в неспешных прогулках по городу и выездах на пикник. Оленька была счастлива и безумна красива, охваченная любовью и сшибая с ног своей сексуальностью. Мне было очень тяжело сдерживать себя, сжимая в объятиях волнуемое тело готовое подчиниться мне в любую секунду. Но зажав волю в стальной кулак, я терпел эти муки, поддерживаемый лишь одной мыслью, что от свадьбы меня отделяет всего лишь один год. Вечерами мы собирались всей семьей, женщины пели, а мы с будущим тестем наслаждались их видом и баловались вишневым ликерчиком. Он уже впрягся в оформление и подготовку производства пишущих перьев, рассказывая нам о своих успехах.

К сожаления, все хорошее быстро заканчивается! Время пролетело и наступил день отъезда. Оленька с опухшими от слез глазами не отходила от меня ни на шаг. При прощании повисла при всех на моей груди и поцеловала, шепча какие-то напутствия и обещания. Обнялся, прощаясь с остальными и запрыгнул в пролетку. Впереди очередные шесть дней надоевшей дороги. Когда еще по ней побегут паровозы и можно будет доехать до Питера с комфортом примерно за сутки. А что? Чем не дело? Построить паровоз! Паровые двигатели

уже существуют. В начале этого века в Европе сделают первый паровоз. Точного времени я не помню, но это и не важно. Все равно сначала будет война с Наполеоном, потом восстановление и только потом можно попытаться реализовать этот сложный проект. Плохо то, что механик из меня аховый, но кое-какую теорию я знаю неплохо. Итого минимум пятнадцать, а то и двадцать лет. Так что служим, выбиваемся в люди, копим капитал. Примерно в таком порядке.

Родное училище встретило привычной суетой и железным распорядком. С удовольствием окунулся в его атмосферу. Простые и честные отношения, открытые люди. В основном живут на понятиях чести и совести. Очень непривычно. Есть, конечно, исключения, как же без этого. Но это только на мелком, бытовом уровне. Вот скажи товарищу, что надо умереть за отечество, исполнит, не моргнув глазом. Как все-таки испортились люди в моем времени! А ведь надо то всего лишь кое-кому понять, что главная сила и богатство твоей страны — это здоровый и сытый народ, на горбу которого правительства вытягивали губительные войны, после которых в очередной раз забывали о нем. Вот и получили в свое время революцию, так же и СССР развалился именно по этой причине. Неужели у правителей настолько засираются мозги, что сложно это понять. Чего сложного? Повернись лицом к людям, окажи им поддержку и получишь благодарное население, с помощью которого можно вершить великие дела.

В этом учебном году добавилось изучение немецкого языка и, неожиданно, больше свободного времени. Я опять зарылся в библиотеке, изучая всю доступную техническую литературу и вводя в смущение нашу библиотечаршу. Жаль, нельзя утолить ее интерес ко мне. Основная задача закончить без проблем училище ставит мои поступки в очень жесткие рамки. Оставшееся свободное время непрерывно фехтовал в спортивном зале, отрабатывая движения до автоматизма. Именно боевые навыки должны уберечь мою тушку на военном поприще. Не исключаю возможные дуэли, принятые в обществе для решения разногласий, так как очень скоро стану в ряды благородного сословия, хоть и на самой низшей ступени.

Неожиданно Россия начала войну с Персией(будущим Ираном) за грузинские и азербайджанские территории. Все училище стояло на ушах и завидовало выпускникам, возможно уже участвующим в сражениях. День начинался с читки газет и обсуждения вестей с фронта. Передо мной остро встал вопрос, в каких родах войск мне служить в дальнейшем. Путем нехитрого перебора, остановился на самых прогрессивных — артиллерии. Пехота это пушечное мясо, вспомнил, как она в фильме Бондарчука тупо стояла под огнем пушек и гибла пачками. С лошадьми я так и не подружился, хоть и неплохо освоил выездку. Именно артиллерия решает на полях сражений кто победит. Так что, решено! Быть мне артиллеристом. Летом я неплохо попрактиковался, теорию я давно выучил наизусть, надеюсь, проблем не будет.

Время шло, я активно переписывался с Оленькой, которая весьма продвинулась в отношениях полов после моего отпуска. Продвинулась настолько, что даже у меня иногда краснели уши при чтении ее опусов. Маша теперь писала отдельно, и я неизменно тут же отвечал на ее письма, поддерживая ее и давая советы по разным житейским вопросам.

Наступила зима, все покрылось снегом. Россия выиграла войну и отжала у Ирана Грузию, Абхазию и часть Азербайджана. По этому поводу был устроен праздничный парад в училище и бал с фуршетом для всех воспитанников. Из женских гимназий были приглашены недостающие партнерши, и мой взвод утонул в разгуле неявного флирта и в женских интригах. Так то в училище уже имелась постоянна переписка с женским корпусом в

которой кадеты и "кадетки" выражали взаимные симпатии. До меня тоже доходило множество записок, но я их не читал, от греха подальше. Всем показывал помолвочное кольцо и рассказывал, какая у меня красивая невеста. Поэтому свежий десант красоток вызвал нешуточные волнения с обеих сторон, и я посмеивался наблюдая эти детские страсти.

В один из темных зимних вечеров мне принесли от дежурного у ворот письмо со знакомым запахом. Сердце невольно забилося быстрее. С волнением распечатал и прочитал короткое послание.

«Буду ждать следующие два воскресения на том же месте в то же время»

Прости Оленька, но мы пока не клялись перед алтарем, так что совесть моя спокойна. Мечтательно нюхаю цветочный запах письма и даю волю фантазии. Значит, не родила! Радостная улыбка поселилась на моем лице, с нею и уснул.

В долгожданное время стучу в заветную дверь, держа в руке безумно дорогой букет. Та сразу открывается, и я прохожу в темную прихожую. Передо мной стоит статная девица по имени Елизавета Курсжинская. Машинально протягиваю цветы и стою столбом от неожиданности. Мне протягивают руку для поцелуя и лукаво улыбаются на мой вид.

— Удивлен? Снимай верхнее, проходи, — нюхает цветы и идет в гостиную. Там уже сервирован стол и горят свечи. Лиза еще похорошела с того памятного бала, обрела плавную женственность в движениях и немного объема в бедрах и груди. Все вместе создавало впечатляющий эффект! Впору было заржать, как жеребцу перед течной кобылицей. Цветы заняли место в вазе с краю стола, а мы сели друг против друга.

— Я поухаживаю за тобой, а ты налей нам вина, — произнесла заволашевающим голосом Елизавета, накладывая закуски в мою тарелку.

— Ну, за свидание! — подняла она бокал красного вина, загадочно улыбаясь и блестя глазами. Мы выпили, поели, опять выпили и Лиза начала исповедаться.

— Я уже пол года замужем. Вначале, вроде как, влюбилась, он симпатичный, добрый. Но, понимаешь, в постели для меня все происходит настолько быстро, что я почти ничего не успеваю почувствовать. После этого у меня начинает болеть живот и ноет грудь. А еще я не могу забеременеть. На меня уже начинают косо поглядывать. Поэтому я вспомнила, как помогла своей подруге и написала тебе. Поможешь?

— Кхм... Так у подруги родился ребенок?

— А ты не понял, когда твои свидания прекратились?

— Понял, но услышать подтверждения хотелось бы.

— Забудь, никаких детей и свиданий не было, целее будешь! Ну, так как?

— Конечно да! Спасти даму, что может быть прекрасней! — смеюсь вместе с ней и, наклонившись, целую ее тонкое запястье.

— Пойдем, я тебе кое-что покажу, — Лиза лукаво улыбнулась и, взяв за руку, повела к знакомой двери в спальню.

Кое-что оказалось сначала смешным нижним бельем на завязочках, затем исключительно женственной грудью и, наконец, тонкой талией и идеальными бедрами при стройных ногах. К сожалению, все портила растительность в низу живота, но тут уже ничего не поделаешь.

— Ну как?! Годится?!

— Нет слов! — люблюсь в восхищении за медленно поворачивающейся на месте ослепительной фигурой.

Дальше было волшебным, сладко и страстно. Мы отдали друг другу все свои силы и соки и без сил распластались на кровати.

— После такого, и умереть не страшно! Что же ты наделал, мой сладкий! Я же теперь не смогу без этого жить.

— Я летом женюсь, — ответил невпопад, но честно.

— Какое лето?! Я чувствую, что уже через пару месяцев у меня живот ползет, так что, женись сколько хочешь. Ха-ха!

Тут она немного ошиблась, так как живот у нее полз только через три месяца, да и тот не мешал нам любиться до самого выпуска.

На выпускной комиссии собралась солидная команда из представителей военного министерства, преподавательского состава и от военных подразделений.

— Представляю, господа! Наш лучший выпускник со времен основания нашей школы. Отличник в точных науках, первый в практических занятиях по всем видам вооружений и физподготовки. Чемпион среди училищ по греко-римской борьбе. Никаких взысканий за время учебы! Василий Пахомов! — директор с гордостью оглядел одобрительно зашумевшую комиссию.

— По традиции, мы даем право лучшему ученику выпуска самому выбрать место дальнейшей службы, — разговоры смолкли и все выжидательно посмотрели на меня.

— Желаю служить в артиллерийском полку!

Члены комиссии опять загудели, удивленно переговариваясь.

— Но почему?! Вы можете выбрать даже лейб гвардию! — директор искренне недоумевал.

— Разрешите объяснить? — дождался кивка и продолжаю. — Желаю послужить России и императору с наибольшей пользой, которую могу принести в самых современных родах войск, обеспечивающие основной успех в сражении.

— Неожиданное суждение, но истина в нем присутствует. Не правда ли Петр Михайлович? Не возьмете ли к себе столь практичного и перспективного юношу.

Суровый полковник хмыкнул.

— Не против. Если он наполовину так хорош, как представляется, уже будет неплохо. Поздравляю вас подпоручик с вступлением в славную семью артиллеристов.

После распределения состоялся выпускной бал, на котором осмелевшие выпускницы, и не только, не давали мне передыху во время танцев. Некоторые, презрев приличия, при возможности чересчур тесно прижимались и томно вздыхали. Я же посмеивался и светил своим помолвочным кольцом, но с нулевым эффектом.

Прошел бал, прошло прощание с взводными товарищами, с которыми до утра гудели в зафрахтованном под это дело трактире. По такому случаю на верхнем этаже дежурили пятеро куртизанок и принимали подвыпивших выпускников, по мере их желания. Я тоже неплохо поднабрался вина, но на второй этаж не ходил, сохраняя остатки благоразумия в отравленном алкоголем сознании. В общем то, с заразой я бы, скорей всего, справился. Но Лизавета на нашем прощальном свидании выжала из моих бубенчиков не только все, что было, но, возможно, и то, что только нарождалось. Поэтому мой младший братец пребывал в полнейшем удовлетворении и не откликался ни на что. Ха-ха!

На побывку с родными мне выделили сорок суток, что с учетом дороги выходило меньше месяца. По дороге я отсыпался и копил живчиков для моей невесты. Мой боец уже очнулся и стал реагировать при моих мечтаниях о скором свидании с Оленькой. Так как воображение у меня хорошее, а в карете делать абсолютно нечего, то мы вдвоем занимались виртуальным сексом с завидной регулярностью.

Ехал я в гражданском платье, так как кадетскую форму сдал, может, пригодится кому-нибудь. Придется шить свадебный костюм, а потом вешать его на полку. Сплошные расходы!

Дорога казалось тянулась необычайно долго, хотя заняла обычные шесть дней. Но вот и усадьба. На крики, увидевшего меня Алешки, выскочили две девушки, в одной из которых я с трудом узнал повзрослевшую Машуню. Обе одновременно бросились на мою шею, и я подхватил их талии руками, кружа над землей. Радости и визга было выше крыши. Тут подросла маменька и от души расцеловала меня. Очень приятно! Как в родной дом

вернулся! Затем потискал подросткового брата и меня повели в дом под конвоем, вцепившись в мои руки с двух сторон, чтобы не сбежал. Хе-хе.

Хоть и устал, но с удовольствием пообщался в гостинной с семейством, удовлетворив первое любопытство. Машка вытянулась, сарафан на груди натянулся, а пшеничная коса опустилась до симпатичной попки. Растет «смерть мужикам»! Оленька пьяная от счастья, не выпускала моей руки, прижимаясь к ней своей упругой грудью и будя во мне понятные чувства. Александр Никитич пропал на заводе, и Елизавета Матвеевна сказала, что вернется только к вечеру. Наконец первый голод общения был удовлетворен и меня милостиво отпустили помыться в бане и отдохнуть.

Вечером состоялся семейный ужин, после которого началось всеобщее обсуждение будущей свадьбы. По рукам пошло мое представление в офицерский чин, что автоматически причисляло меня к дворянскому сословию. Затем я просто слушал: в какой церкви мы венчаемся, где и за сколько мне пошьют костюм, какие будут лошади, сколько гостей приглашены и прочее, прочее. Я со всем соглашался и даже не запоминал, отдаваясь в руки деятельной дочери и ее мамы. Спустя час мы остались вдвоем с будущим тестем.

— Значить артиллеристом будешь! И сразу подпоручик! Остальные, небось, прапорщиками выпустились. Молодец! Не подвел меня. Будешь теперь мне сыном. Оленька то заждалась совсем. Кажется, ткни в бок, так из груди молоко брызнет. Ха-ха-ха! Знаю, что не обидишь, поэтому отдаю тебе самое дорогое.

Теперь о делах. До этого не сообщал тебе. Хотел сделать подарок к свадьбе. Твои перья вызвали целую революцию. Заказы выстроились на год вперед, а тут еще имперское казначейство сделало заказ на сто тысяч рублей. Вот и суечусь, расширяю производство. В Туле заводик организовал, в Твери. Поэтому денег пока на твоём счету скопил немного, всего десять тысяч. На первое время вам с Оленькой хватит. За ней отпишу четверть своих капиталов и столько же промышленных производств. Так что, если со службой не выгорит, купишь себе чин получше и будешь в ус не дуть.

— Премного благодарен, Александр Никитич. Но я все же попытаю свои силы на службе у государя. Времена сейчас тяжелые, всюду войны. Есть, где прославить свое имя.

— Ты сначала мне внука заделай, а потом уже лезь в пекло. Ха-ха! Но я, почему то не сомневаюсь, что с этим ты справишься быстро. Ха-ха-ха! — отсмеялся и вновь стал серьезным. — Вот твоя банковская книжка. Завтра зайдем в банк, и подпишешь кое-какие бумаги. После этого сможешь пользоваться деньгами. А насчет Маши, не переживай. За ней тоже дам приданное, так что за женихами дело не станет. Поговорили еще о делах по изготовлению керосиновых ламп и самоваров. Главным достижением было то, что семья императора таки теперь наливает кипяток из медного изделия с отчеканенным имперским орлом. Керосиновые лампы тоже постепенно отвоевывают рынок у свечей, но пока их выпуск обходится дороговато. Так что, можно расслабиться и готовиться к свадьбе.

Русская свадьба! Это просто жуть! Столько подготовки! Затем бесконечные ритуалы, обряды, обычаи. Заунывная служба с тяжелой венчальной короной на голове, опять свадебные ритуалы и пиршество. К моменту, когда нам нужно было окропить простыню девственной кровью, ни у меня, ни у Оленьки не осталось никаких сил. Понимаю, что быстрый секс ни к чему хорошему не приведет и решаю отложить сие действие до завтра.

— Милая, ты не будешь против, если мы сначала наберемся сил, а уже потом насладимся друг другом. А то я боюсь, что ты будешь огорчена сегодняшним результатом.

Оленька благодарно на меня посмотрела, затем перевела взгляд на белые простыни.

— А! Это мы сейчас! — беру свою бритву и надрезаю ладонь. Окропил запасную простыню и моментально зарастил ранку.

— Я уже и забыла, что ты у меня волшебник! — Оленька погладила меня по зажившей ранке и притянула к себе.

— Совсем устала, бедненькая! Давай я тебя сначала раздену. Вот так, подними ручки. Теперь чулочки и штанишки. Не смотрю, не смотрю! Давай накрою. Сейчас, только простыню отдам, а то эти пьяницы нам дверь вынесут.

Отдаю возбужденной толпе окровавленную простыню и присоединяюсь к своей женушке. Мы нежно обнялись, и, несмотря на то, что мой боец тут же встал в стойку, потихоньку уснули.

Сознание постепенно пробуждалось ото сна и органы чувств включались по одному. Сначала прорезался слух, обозначив легкое посапывание под ухом. Потом ноздри уловили легкий аромат женщины, прилегшей на цветочном лугу. Затем мой мужественный орган подал сигнал под гладкой ножкой, которую по-хозяйски забросила на меня Оленька. А затем сразу я ощутил и прижатые ко мне грудки и шелковистые волосы, рассыпавшиеся по моим плечам. Надо срочно в туалет! Мочевой пузырь, придавленный сверху, держался из последних сил. Осторожно освободился из сладкого плена, не удержавшись от поглаживания интересных мест, и бегу в ванную комнату, как специально, совмещенную с нашей спальней. С трудом уговорил бойца дать мне пописать, для чего пришлось вспомнить, как я стоял зимой в наряде у ворот нашего училища. Слава богу, все получилось, и я в предвкушении устремился к свадебному ложу. По пути отодвинул тяжелую штору, впуская летнее солнце на край кровати. Моя любимая так и лежала, немного на боку, как я ее и оставил. Сейчас, сейчас. По-хозяйски, двумя руками, захватываю молочные грудки, доросшие до замечательного третьего размера, о чем неоднократно намекала ее маменька, когда я заглядывался на ее бюст. Ласкаю сосочки и наслаждаюсь шелковистостью кожи. Одну руку отправил гулять вниз по животу и дальше между сдвинутых ножек.

— Ох. Вася! Я сейчас описаюсь! — Оленька выплыла из своего сна, и быстренько побежала в ванную, сверкая круглыми ягодицами. Там пожурчала, потом немного погремела ковшиком и, наконец, вернула себя в мое распоряжение, прижавшись холодным животом к моему бедру.

— А теплой воды не было? — трогаю влажную кожу и обвожу пальцем смешной пупок под хихикание жены.

— Зато есть что разогреть! Ишь, ты! Захотел на все готовенькое! — и, засмеявшись, полезла с поцелуями. Тут мы дали себе воли, разум уплыл в подкорку и выплыл только в момент, когда я уже был внутри, а Оленька, охнув, закусилла нижнюю губу и распахнула от боли глаза. Беру себя в руки и осушаю скатившуюся слезинку.

— Теперь ты моя жена, по настоящему, — шепчу в напряженные губки, думая, что делать. Если двинусь, будет еще больнее. Затем мысленно даю себе пощечину. Совсем голова отключилась. А подлечить?! Легко убираю ранку и, увидев робкую улыбку на лице любимой, делаю первое движение. Оленька прислушалась к своим ощущениям и поощрительно улыбнулась, закидывая руки на мои плечи. Не стал ее разочаровывать и повел наш свадебный танец, играя на изумительном инструменте, прислушиваясь к его звукам и подхватывая каждое движение тела подо мной. Удивительно быстро Оленька достигла своего пика и забила в оргазме. Повезло мне! Хорошая досталась жена, но это я и так уже знал. Насладился визуальным первым семейным восторгом женушки и плавно повел ее на

второй. Во второй мы ворвались одновременно, яростно сплетаясь в одно целое.

Через какое то долгое, долгое время мы пришли в себя, возвращаясь из любовной неги.

— Спасибо тебе, любимый! — Сияющее лицо можно было делать эталоном для иконы. Любовь женщины отражалась на нем сиянием глаз, легким румянцем и чувственными губами, просящими поцелуя. Так бы и любовался, но любимая прервала мое любование, попросив освободить ее от моей тяжелой тушки, потому что под попой стало мокро и неприятно. Да-а! Эту простыню мы точно показывать не будем! Кровавое пятно было красочно размазано по простыне и залито белесой жидкостью.

Оленька опять побежала в ванную, а я, по-быстрому, перестелил постель.

— Опять холодной водой?! Смотри, простудишь свой пирожок, опять тебя лечить придется. Ну, ка полей и мне. Ой! Холодная!

— Бедненький! Как съезжился! Сейчас я его согрею!

— Эй! А ну, прекрати! Теперь у тебя есть нужная грелка! Пошли, я тебе еще кое-что покажу.

И я показал! Сначала мы закрепили пройденное, потом я плющил ее попку положив любимую на живот, затем мы освоили позу собачки, а затем... А затем у нашей женушки кончился завод и пришлось на время отложить показы. Со смехом доставил ей в кровать еду, так как Оленькины ножки не хотели двигаться и совсем ослабли от многочисленных оргазмов. Пришлось кормить любимую и вливать в нее энергию моего источника, чтобы быстрее вернув ее тело в рабочее состояние. Вскоре она ожила, но я не стал этим пользоваться. Ведь впереди еще две недели, и возможно целая жизнь!

К ужину спустились под гром аплодисментов, сияя лицами и розовея румянцем. Папа расцеловал дочку, затем меня. Затем нас лобызала маменька и дальше по эстафете. Машка засранка вошла во вкус и решила потренироваться, чмокнув в губы. Я погрозил ей пальцем, на что она высунула свой язык.

После ужина я повел детей гулять, а Оленьке понадобилось посекретничать с маменькой. Знаем мы эти секреты! Хе-хе!

Две недели пролетели как один миг. Наш репертуар в постели не шибко расширился (Все-таки не тот век!), да и количество слегка убавилось. Зато появились волнующие приключения в беседке, мыльное родео в бане и обжиманцы при каждом удобном случае. Нас, бывало, застукивали, но кроме понимающих улыбок и смеха маменьки ничего не случалось.

— Как устроюсь, сразу вызову тебя письмом. Постараюсь как можно быстрее, — целую заплаканное лицо своей жены и прощаюсь со всей семьей. Опять надоевшая дорога в Питер. Надо забрать свое назначение и выехать в город Н-ск, где расквартировалась моя часть.

В Санкт-Петербурге не стал задерживаться. Лизон с животом, да и телефонов еще не придумали, в училище меня не ждут, поэтому переночевал в гостинице и с первой же оказией уехал в свою часть. Артиллерийский полк занимал целый городок в пригородах Н-ска поэтому долго искать не пришлось. Доложил в штабе, сдал предписание, дальше пошла тягомотина с писарями, интендантами, получение довольствия, карточки заселения на постой и кучу еще всякой всячины. Нагруженный как осел, с помощью сердобольного солдата загрузили все в пролетку, дежурившую у въезда в военный городок.

— Любезный. Отвези меня в город и подскажи куда лучше на постой встать. Я собираюсь жену сюда привезти, так, что нужна квартира побольше, — сую мужику рубль.

— Не извольте беспокоиться, вашбродь. Доставим, куда надо. — Невысокий мужичек, довольный неожиданным клиентом шустро направил средство передвижения в нужную сторону.

Провинциальный городок утонул в зелени, но улицы чистые и дома аккуратные. Горожане никуда не торопятся, тишь и благодать. Думаю, нам с Оленькой здесь понравится. Остановились у большого, двухэтажного дома.

— Здесь вдова с двумя детьми живет. Стучитесь сильней.

Стучу по деревянной калитке, разглядывая крепкий забор. Собаки вроде нет. Это уже хорошо! Не будет будить своим лаем, когда надо и не надо. Через минуту женский голос спросил, что нужно.

— Я бы хотел определиться на постой, если вы будете не против.

Надо сказать, что в это время существовал своеобразный налог у горожан. Если у них имелся излишек жилплощади, то они обязывались принимать на проживание служивых людей. Тут государство выигрывало со всех сторон. Во первых его военнослужащие обеспечивались бесплатным жильем, во вторых горожане получали дополнительный источник дохода в виде кормежки, обстиривания и других услуг имеющим регулярное денежное довольствие постояльцам.

Статная женщина в темных одеждах распахнула калитку. Увидев меня, вздохнула и пригласила посмотреть жилье на предмет годности.

Дом строился явно при неплохом достатке, от которого осталась шикарная люстра в гостиной и богатая лестница на второй этаж.

— Можете занять половину второго этажа. Там три комнаты и ванная. Нужно только доплатить за дрова и, если нуждаетесь, за стирку. А если будете обедать, то сами понимаете. — Бедная женщина терялась, испытывая стыд за скудную обстановку.

— Да, да! Мне нравится, оглядываю большие комнаты и печки с изразцами. Мебели, конечно маловато, но кровати есть. Так что вот мой билет постояльца, зарегистрируйте в магистрате, как положено. Давайте уже познакомимся. Василий Иванович Пахомов, подпоручик вашего полка.

— Мышкина Надежда Георгиевна. Рада, что вам понравилось. — Она взяла бумажку, не зная куда ее пристроить.

— Кстати, ко мне вскоре приедет жена, так что мы будем вдвоем. А все затраты посчитайте пожалуйста и покажите мне, мы все согласуем.

Женщина кивнула, а я пошел за своими вещами. Извозчик помог мне все занести и,

получив дополнительно двадцать копеек, остался весьма довольным. Кое как распределил свое хозяйство и отправился в магазин прикупить недостающие мелочи и чено-нибудь к чаю.

Тем же вечером познакомился с двумя очаровательными детишками, мальчик и девочка погодки семи и восьми лет. За чаем с купленными мной баранками и конфетами подушечками, я выслушал грустную историю овдовевшей женщины, бывшей замужем за преуспевающим купцом. Случилась трагедия, и где то в поездке муж погиб. Его родня подгрестила все под себя, оставив вдове только дом и детей. Та, как могла, перебивалась случайными заработками и распродала обстановку, чтобы прокормить детей. Я погладил светлые головки и велел не стесняться и брать конфеты без спроса, на что лицо вдовы покрылось краской и она отвернулась, чтобы скрыть слезы. Перед сном она постучалась и, не зная куда деть руки, протянула мне список нехитрых услуг и их стоимость.

— Пятнадцать рублей ассигнациями! Да вы хотите уморить меня голодом! Вот вам тридцать рублей! Все! Повторяю, все дополнительные расходы беру на себя. Поэтому не молчите. Так! А ну, отставить слезы! — вижу, что грядет истерика сломленной жизнью женщины и обнимаю ее, прижав к себе. — Ты чего, милая? Ну?! Успокойся, чего сырость разводить. Смотри, какая ты хорошенькая. Если бы не был женат, точно бы женился! Во-от! Так уже лучше! И улыбка у тебя хорошая.

— Извините меня, ради бога!

— Нечего стесняться. Я ведь тоже в нужде рос, поэтому, как никто другой понимаю вас.

Женщина осознав, что находится в объятиях чужого мужчины, отпрянула, вспыхнув алыми щечками. Затем еще раз поблагодарила и поспешила вон. Проблема, однако! Молодая, симпатичная, а я женат! Как бы чего не вышло. Но бросить уже не смогу. С моей помощью ей все полегче будет. А приедет Оленька, все устаканится. Поторопим, пожалуй, ее! Тут же сел писать письмо с известием о наличии жилья и адресом, по которому надо выехать.

Всю неделю занимался пошивом парадной формы или, как здесь говорят, строил костюм. Параллельно привел в порядок оружие. Мне выдали саблю и пистолет. Еще была командирская трость. Вот и все вооружение, не считая пушек. Про боевые качества пистолетов я уже говорил, поэтому, в случае чего отбиваться придется одной саблей. В полку, кстати, предусмотрены стрелковые роты прикрытия, поэтому не все так плохо. Почистил пистоль, хорошенько смазал и убрал от греха подальше. С таким воевать только мучиться! Саблю потом отдам точить специалисту. А то я наточу! С мундиром пришлось помучиться, пока меня не отвели к портному с лицом один в один как у дяди Изи из моего родного села на Земле. Получив заверение от всего Еврейского народа, что все будет готово через неделю, посчитал свою миссию по внешнему оформлению выполненной. Вернулся в свое новое жилище в хорошем настроении и долго развлекал за чаем хозяйку, рассказывая всякие небылицы. Детишки слушали открыв рты и создавалось впечатление, что здесь собралась семья за вечерним угощением и неспешными разговорами.

Сегодня иду знакомиться со своими подчиненными. Всего на десять восьмидюймовых орудий пятьдесят шесть солдат, включая пятнадцать возчиков и ординарца. Всего в полку сто двадцать орудий, восемьдесят пушек и сорок гаубиц. Два пушечных батальона, один гаубичный. В батальоне две роты по две батареи из десяти пушек в каждой.

С командным составом я уже познакомился. С кем то лично, с кем то заочно. Как говорится, начальство надо знать в лицо. Поэтому первым делом пригласил ротного в кабак,

где мы хорошо посидели и он под водочку с черной икорочкой подробно рассказал мне о командирах, о службе и в конце, когда градус подвел нас к доверительному общению, о подводных камнях и течениях. В общем, кому можно дать взятку и уйти в загул, а кому даже намекать не дай боже. В конце разговор, понятно, свернул на баб и мы с удовольствием обсудили и эту тему. В итоге оба остались довольными состоявшимся знакомством.

Мне, как не служившему, будет тяжело командовать людьми, так что придется привыкать и тренироваться. Наш полк сформирован совсем недавно по приказу самого Аракчеева. Пушки новые, а пушкари на девяносто процентов необстрелянные солдаты. Мы с капитаном прошли перед ровным строем моих подчиненных. Половина были переведены из других полков, уже послужившие, вторая половина молодые новобранцы, только из деревни. Парни крепкие и видно, что трудились у себя дома на совесть. Руки мозолистые, а плечи широкие. Обычно помещики старались отдавать в солдаты самых плохеньких, но видимо такие осели где то в других частях.

Остановились перед строем, ротный поприветствовал, ему хором ответили. Затем представил меня и, похлопав по плечу, отпустил в свободное плавание.

Что ж! Не боги горшки обжигают. Взял карандаш, бумагу и пошел с ординарцем вдоль строя. Переписал себе всех командиров орудий, затем вместе с ними прошли по всему имуществу. Начали с пушек, боеприпасов, лошадей и телег, а закончили продуктами и личными принадлежностями. Почти все было укомплектовано, а недостающее я записал в свой листочек. Затем долго выпытывал об опыте каждого расчета, отдельного солдата, количестве стрельб, проведенных в составе батареи, их слаженность и остался очень опечален услышанным. Пахать нам и пахать до седьмого пота, чтобы в первом же бою не сложить свои буйные головушки. Как принято, составил план по обучению и слаживанию расчетов. Первый месяц отводим на отработку заряжания, имитацию стрельбы и обслуживание после выстрела. Одновременно выписывал логистику подвоза и хранения боеприпасов. Следующий месяц будем проводить отработку движения в колонне, выдвижение на передовые позиции, разворачивание в боевое положение и имитацию стрельбы. Затем быстрая эвакуация с позиции. И наконец, позиционная защита укрепленного редута и стрельба боевыми зарядами по мишеням.

Два дня расписывал свой план и на третий представил его на суд ротному. Тот читал его и вздыхал. Потом опять читал и чесал макушку.

— Ты понимаешь, что это? — махнул моим планом, красиво выписанным железным пером с нашей фабрики.

— Понимаю, Федор Евграфович. Это наш шанс выжить в баталии. А еще, это возможность одержать победу во славу Отечества и Императора.

— Да-а. Так то, оно так. Только после этого тебя невзлюбят все средние командиры полка, которым придется отрабатывать твой план.

— Пусть не любят, зато живы останутся!

— Хорошо! Я подам этот план на подпись командиру полка. Посмотрим, что получится.

Еще два дня прошли в рутине, когда ротный вручил мне согласованный командиром полка план подготовки боевого слаживания.

— Ох и ругался же батя! Откуда, говорит, тебя принесло на наши головы. Потом остыл и сказал: «Сукин сын, конечно, но молодец!» Так что, вот тебе твой план и тряси интендантов.

Как и предполагалось, начали мы с самого простого, отработка заряжания орудия до автоматизма. Первый день я полностью провел с батареей, следя за процессом тренировки.

Сначала отработка подачи в ствол мешочков с порохом, точнее их имитацией, потом забивка пыжа и укладка ядра. Несколько раз ядро, потом меняем на картечь, затем шрапнель. Каждый заряд имел свою тонкость укладки и пыжевания. Порядок и точность в подаче боеприпаса каждый из расчета должен знать на зубок. Вымотавшись вместе с солдатами, похвалил их за усердие и пообещал по итогам тренировки оплатить в конце недели кабаку самому лучшему расчету. Организовав, таким образом, соревновательный дух, позволил себе расслабиться и приглядывал за тренировками в пол глаза.

Неожиданно приехала Оленька, и я, договорившись с ротным, на два дня выпал из жизни. Мы с женой практически не вылезали из постели, спускаясь вниз только для еды. Оленька была ненасытна и легко возбуждалась от каждого прикосновения, даря себе и мне долгие минуты острого наслаждения.

На третий день, утром я ушел на службу, оставив удовлетворенную во всех смыслах жену спать сном младенца. Моя батарея порадовала значительным прогрессом в тренировках, и я, подумав, поощрил сразу два отделения, выдав каждому по восемь рублей. Следующий день был выходным и мы с молодой женой, взяв извозчика, поехали кататься по магазинам. Посуда, большое зеркало, постельное белье, перина с подушками, еда. Мы возвращались, разгружали купленное, и снова выезжали. Не забыли и хозяйку, купив сладости и игрушки детям, а ей подарили одну из двух привезенных Оленькой керосиновых ламп.

— Я никогда не получала такое удовольствие от покупок, — мы только легли и я нацеливался на любимый сосок левой груди. Нам понравилось спать полностью раздетыми, ощущая телами друг друга и вызывая желание от прикосновений. Так вот, груди у любимой отличались друг от друга по размеру и чувствительности. Левая была чуть больше, а сосок чувствительнее, возвышаясь на припухлой ореоле. Правая же грудь более заборная и смотрела соском вверх и немного в сторону, умиляя меня до безумия.

— Да, покупки возбуждают! — перевожу взгляд, не зная какой из грудок отдать предпочтение.

Оленька с интересом смотрела за моей борьбой, слегка поводя плечами и как бы предлагая то левую, то правую. Завороженно слежу глазами на заборно вздернутые соски и, в отчаянии зарывав, хватаю обе, впиваясь губами в каждую по очереди. Женушка засмеялась от такого решения и быстро вспыхнула желанием.

Потом мы лежали утомленные. Оленька гладила меня по обнаженной груди и рассказывала, как полюбила маленького белоголового мальчика, который открыл для нее мир и стал самым близким человеком на земле. Я в ответ шептал ей в розовое ушко всякие нежности, отчего она довольно шурилась и растекалась по мне довольной кошечкой. Вскоре все это привело к закономерному финалу. Моя девочка так расчувствовалась, что решила перейти от слов к делу. В общем, выходные закончились феерически!

Полетели дни, недели. Наша батарея постепенно превращалась в единый, хорошо отлаженный механизм. Солдаты получали усиленное питание, благодаря закупкам свежего мяса и овощей из моего кармана. А что? Деньги есть, с собой их в могилу не заберешь. Так что, все были довольны и не роптали на повышенную нагрузку. Сейчас у нас вторая фаза. Отработка передвижения и развертывание батареи. Тут же нарисовались проблемы с худосочностью наших коняг, не всегда получавшие зерно для прокорма. Пришлось немного повоевать с интендантом, тряся перед ним планом с подписью полковника. В итоге договорились заменить несколько битюгов и регулярной выдаче зерна, взамен на три

пятирублевых ассигнации.

Дело пошло веселей. И теперь мы с гиканьем носились по полю, разворачивая в ряд пушки и изготавливаясь к стрельбе. Я скакал верхом, как и мой ординарец, которому я выбил коняшку у ушлого интенданта. В бою он, если что, заменит меня и с посланием его можно будет отправить.

Наступили холода, а для нас самые горячие деньки. Боевые стрельбы! Очередной заход на склад и потеря нескольких бумажек обеспечили нас дополнительным порохом и снарядами. Мы долго расстреливали по одному заряду сначала ядрами, определяя дальность полета и экспериментируя количеством пороха на свой страх и риск. На каждую навеску составил таблицу дальности полета снаряда и тренировал командиров орудий по команде заряжать тот или иной номер. То же самое проделали с бризантными снарядами, которые должны были взрываться над головами противника. С картечью было проще всего. Навел ствол и выстрелил.

Я набрал учебных ядер, и мы приступили к отработке скоростной стрельбы. Ох и знатно мы побабахали, всполошив всю округу. Сожгли не одну бочку пороха и кучу нервов.

Три месяца прошли и ударили первые заморозки. Я с волнением ожидал начальство для демонстрации результата наших занятий. Батарея выстроилась вдоль пушек. Каждый расчет отдельно возле своего орудия. Форма у всех сидела, как надо, и ремни блестели бляхами. Орлы!

Вот и кавалькада штабных во главе с командиром полка.

— Господин полковник! Вверенная мне батарея к демонстрации стрельб по условному противнику готова!

Полковник Герхшгадт оглядел бравый строй и приветствовал бойцов. Ответ, к моему облегчению, прозвучал достаточно громко и слаженно. Затем я объяснил предстоящие действия.

— Мы отрабатываем подскок к неприятелю на дистанцию уверенного поражения нашими орудиями. Наносим огневой удар и ретируемся, пока на нас не выдвинулись вражеские подвижные части. Извольте занять позицию на холме, откуда вам будет хорошо видно.

Когда все были готовы, наша батарея вылетела из рожицы и по подмерзшему полю проскакали около версты. Затем отработанное в многочисленных тренировках упражнение и стрельба боевыми ядрами и гранатами. Поле заволкло клубами дыма, из которого доносились слитные залпы. Десять залпов за короткое время и вот мы уже несемся обратно под прикрытие своих войск, которое изображал наш штаб.

— Предлагаю посмотреть на результаты нашей баталии, — обращаюсь к командованию, подскакав и доложив о выполнении упражнения. Дело в том, что мы заранее установили столбики из бревен и небольшие стожки в зоне нашего поражения. Нужно же видеть результаты стрельбы.

А результаты впечатлили не только меня. Наши командиры с восхищением разглядывали измолотые в щепы бревна и раскиданное по всему участку сено.

— О-ля-ля! Подпоручик! Таким образом, вы в одиночку справитесь с Наполеоном! — полковник остался доволен увиденным, а штабные кривили рожи.

Затем было построение полка и награждение нашего подразделения с наказом всем о необходимости добиться хотя бы приблизительно подобных результатов. Меня наградили двухнедельным отпуском и благодарностью в личное дело. Солдат поощрили деньгами и

увольнительными.

Завьюжила зима, и мы с Оленькой засели в своем доме, наслаждаясь друг другом, играясь с хозяйскими детишками и балуя себя поездками по лавкам.

Несмотря на печи, иногда в комнатах было прохладно и мы, как и сегодня, зарывались в перину, грея друг друга. Так и сегодня, я млею от тепла любимой, поглаживая спинку и кое-что пониже.

— Ты такая мягкая, — шепчу в розовое ушко, ощупывая булочки. — И сладкая! — лизу языком щечку и шейку.

— Хи-хи! А ты такой твердый и острый. Опять меня хочешь?!

— Не опять, а снова! Я хочу тебя всегда, каждую секунду, давай сюда свою девочку! Оленька закинула свою ножку на мое бедро и предъявила требуемое.

— Здравствуй! Ого! Мы уже соскучились! — провожу руками по спине и с наслаждением притягиваю двумя руками за попку.

— Все я в домике, остаюсь здесь жить!

— Ха-ха-ха! А вот и не получится! — Это почему же?

— Ох! Я тебе попозже скажу. — Любимая, лежа на боку, стала двигать своим домиком с неистовой страстью. Перина полетела в сторону и наши разгоряченные тела сплелись на кровати, пока не замерли без сил, остывая на прохладном воздухе. Заботливо накрываю одеялом обоих и целую маленький носик.

— У нас будет маленький! Я беременна! — Оленька открыла счастливые глаза и рассмеялась от вида моего лица. — Именно поэтому, ты не сможешь жить в моем домике. А скоро и в гости не сходишь. Ха-ха-ха!

— Прости! Растерялся от радости. Думал, что это пораньше случится. — Целую губки и опускаюсь к животику, приложив ухо.

— Вот, глупый! Он еще совсем крошечный.

— Я просто с ним поздоровался и сказал, чтобы рос здоровеньким и шустрим. Может, вылезет побыстрее и освободит любимый домик.

Щекочу мою любимую. Она смеясь стала отбиваться и все кончилось, само собой, пылким единением.

— Весной поедешь к маме, у нас, скорей всего, состоится поход. Так что, родишь дома. Так будет надежней и мне спокойней. — На глазах любимой стали скапливаться слезы, и я поспешил их осушить, целуя и наговаривая всякие нежности.

— Ничего страшного. Ты у меня здоровая девочка, станешь молодой мамой, и я вернусь из похода к своему любимому домику. Вот и хорошо уже улыбаешься.

— Обещай беречься! Я не выдержу, если с тобой, что ни будь случится!

— Ну, ну! Ты забыла, что я немного волшебник. Вмиг вылечусь и обязательно вернусь.

На этих словах моя женушка успокоилась и, обхватив меня всеми конечностями, засопела в ухо.

Снежная зима шла своим чередом. Служба затихла до весны, переживая непогоду. Вскоре животик любимой слегка округлился, а груди налились как спелые яблоки. Я с еще большим удовольствием ласкал их, пробуя на вкус добытые капли. Оленька млела от счастья и охотно шла навстречу всем моим желаниям. Я не нагнул, оберегая чистую душу от продвинутого двадцать первого века. Хватит уже того, что приучил ее к получению

удовольствия от моих забав с ее кнопкой. Но тут у меня у самого был немалый интерес. Зато поза наездницы стала для нее одной из самых любимых. И теперь я отслеживаю рост ее пузика, получая при этом изысканное удовольствие

Прошел апрель, дороги стали подсыхать, а в воздухе повисло напряжение грядущей войны. Полк опять усиленно тренировался, пополняя снаряжение и готовясь к грядущим сражениям. Я отправил рыдающую Оленьку нанятым экипажем в родовое поместье, загрузив его купленными нами вещами. Вряд ли получится вернуться сюда после летней компании. Моя хозяйка загрустила и старалась не попадаться мне на глаза. Я был этому только рад, так как привык к почти ежедневному сексу и испытывал определенные неудобства. К счастью вскоре наш полк стал готовиться к походу и я избежал искушений молодой вдовушки. На прощание выдал ей сто рубликов, с наказанием беречь детишек. Она всплакнула на моем плече и перекрестила в дорогу, пообещав молиться за меня.

И вот мы едем по цветущей Европе навстречу с Наполеоновскими войсками. Польша Австрия, Италия. Мы блуждали по мирным городкам, так и не вступив ни в одно сражение. То противник оказывался не в том месте, то мы терялись, следуя очередному приказу. Пошарахавшись по Европе, сразившись в десятках мелких стычек, мы зависли в Браунау, под командованием Кутузова. Я, конечно, знал о неудачной компании этого года, кульминацией которого станет сражение под Аустерлицем. Поэтому, единственной задачей ставил сохранить свою жизнь и жизни вверенных мне людей.

Наша батарея заняла позиции на реке Траум. Командовал нами легендарный Багратион. Здесь мы и получили первое настоящее крещение боем. Наполеоновские войска пытались переправиться через мост, а мы им этого не позволяли. Пять часов мы палили из пушек, пока мост не был окончательно разрушен. Затем наши части отступали до самого Амштетена, когда на нас догнали и насели передовые части французов. Наша рота приданная Багратиону, понесла первые потери, слава богу, не в моей батарее. С трудом отбившись, мы опять стали отступать.

Следующее сражение наша батарея приняла под Штейном, где, наконец, используя фактор неожиданности, мы ударили из всех стволов картечью по марширующей колонне, густо усеяв виноградники французскими телами. Так мы продержали лягушатников под плотным обстрелом до самой ночи, когда под ее покровом разбитому воинству удалось наконец отойти. Первая моя победа! Я горячо поблагодарил своих пушкарей, а примчавшийся Милорадович при всех обнял меня и вручил орден Святой Анны третьей степени. Я был в шоке, но ответил, как положено. Мои пушкари тоже заслужили свои солдатские награды и вечером мы устроили прямо на позициях знатную пирушку. Только наутро до меня дошло, что я еще на шаг приблизился к наследному дворянству. Любой боевой орден в это время давал на него право, если это утвердит дворянское собрание. Зная все нюансы, и имея огромные деньги за спиной, я ничуть не сомневался в его положительном решении.

Следующий бой мы приняли под Шенграбенем, и опять нами командовал Багратион. В этот раз мы попали в классическую битву этого времени. Наши войска стояли в обороне, французы наступали. Мои подчиненные двигались как заводные вокруг орудий, а пушки грохотали непрерывно. Нужно было отдать должное французам. Имея огромные потери, они сумели подойти для атаки, и все вокруг смешалось в апокалиптическом сражении. Перед нами был вал из тел, сраженных нашей картечью, из-за которого выскакивали враги со штыками наперевес. Мы уже не успевали перезаряжаться, когда я схватил ящик с

артиллерийскими гранатами и, запалив пороховой шнур, метнул бомбочку в сторону врага. Слава богу, силушка позволила забросить ее за бруствер из тел и оттуда при взрыве полетели ошметки мяса и обмундирования. Ящик быстро опустел, французы смешались и повернули назад. Отбились! Руки дрожат от напряжения, а сердце стучит как сумасшедшее. Атаку на нашу батарею захлебнулась, но, вокруг еще кипела битва. Наш участок стал ядром обороны и вскоре враг отступил повсеместно. Вернее то, что от него осталось. Наши войска понесли приличные потери, до трети всех войск, зато французы заметно больше. К сожалению, у меня погибло два бойца, многие были ранены. Я прошелся по ним, как бы приободряя, на самом деле останавливал у них внутреннее кровотечение и подлечивал то, что скрыто внутри. Остальным я был помочь не в силах, так как энергия источника быстро закончилась. Даже свою царапину на виске я не успел подлечить. Пришлось заматывать бинтом и щеголять белой повязкой.

К сожалению это был последний успех для наших войск, потерпевших позднее поражение под Аустерлицем. Мы яростно сражались, отступали и снова бились. Потеряли пять пушек, троих пушкарей и четырех возничих. Унылые и опустошенные мы потянулись в сторону границы и добрались до Н-ска только к середине января. В одном из сражений я получил тяжелое ранение и с трудом смог скрыть от медиков свое неоднозначное состояние. С одной стороны ранение смертельное, с другой пациент жив и не собирается помирать. Для этого пришлось поддерживать внешнюю часть пулевого отверстия в животе и на спине в полу зажившем состоянии. Мои солдаты, только увидя жуткую рану, сняли шапки, заранее прощаясь со мной. Но, когда я не умер на следующий день, были сильно удивлены. Поверили в то, что я не окочурюсь, только на исходе недели после ранения. А ведь, не будь у меня запаса энергии в источнике, лежал бы сейчас в земле под Аустерлицем.

По возвращении с Н-ск, я заселился в свою прежнюю квартиру под радостные причитания хозяйки, с блестящими от слез щеками. Тут уже я смог позволить себе выздороветь, но для приличия изображал больного, с удовольствием принимая заботу о моем теле сердобольной хозяйки. В первый же день она отдала мне письмо от Оленьки, датированное августом месяцем.

«Мой любимый! Я знаю, что ты жив, иначе бы я это почувствовала. Спешу обрадовать тебя, что у нас родился мальчик, с такими же светленькими волосиками и голубыми глазками, как у тебя. Ест хорошо, особенно ему нравится твоя любимая левая. Вырастет, будет таким же любителем женских титок. Остальные тоже все живы и здоровы. Твоя сестренка просто чудо! Не оставляет меня с малышом ни на минуту. Мама и папа совершенно счастливы от внука и радуются, словно родили его сами. Я быстро поправляюсь и скоро мой домик будет готов к встрече с тобой.

Твоя любящая жена»

С трудом просидел дома две недели и затем, изображая больного, выбрался в свой штаб. Солдаты были на месте, а офицеров почти не было. Кто погиб, кто ранен, остальные в отпусках. Нашего ротного тоже убило, царствие ему небесного. Быстро оформляю документы на отпуск по ранению и, устроив своим солдатам праздник желудка, под скрип санных полозьев, двинул в Город к своим любимым.

Зимняя дорога оказалась быстрее летней, к тому же я не заезжал в Питер, а двигался напрямки. Всего четыре дня и вот я дома. Шум, гам, пiski! Все завертелось, меня целовали, я обнимал и целовал в ответ. Оленька повисла на шее и не собиралась отпускать. Так и пришлось с нею на руках подниматься к нашему малышу. Вокруг детской кровати

столпилось все наше семейство, наблюдая за спящим малышом. Я поцеловал в лобик, на что он улыбнулся во сне, проявив на щечках милые ямочки. Оленька хотела тут же наложить на меня лапу, но семья отбила и увела в гостиную, где все с восторгом увидели орден Святой Анны на моей груди. Опять пошли радостные пляски, поздравления и очередные поцелуи. Вскоре меня принялись кормить и расспрашивать о войне. Пришлось рассказывать, сдобрявая все юмором, и умалчивая о страшном. Наконец, Оленька посчитала, что мой долг перед семьей выполнен и потащила под общий смех в баню. Там меня осмотрели, попричитали над моими ранами и отдались с неистовой силою, забрызгав молоком по самую макушку. Не упустил момента и утолил свое любопытство, испив из прекрасных сосудов по очереди. Затем мы все-таки помылись и переместились в спальню, где, уже неспешно насладились друг другом, периодически впадая в изнеможение, но спустя время опять накидывались друг на друга. Остановить это смог только проснувшийся сынишка, которому тут же досталась любимая левая с остатками молока, которое употребил его непутевый папаша.

— Какой молодец! Весь в меня, — смотрю, как его пухленькие ручки мнут мамкину титьку. Давай я посмотрю вас обоих и полечу немного. Небось, натер тебе домик?

Оленька засмушалась и согласно кивнула. Мальчик был абсолютно здоров, а Оленьке я быстро все подлечил, заодно попытался убрать растяжки и подтянуть мышцы живота. Через пол часа полюбовался проделанной работой и получил по рукам, когда нетерпеливые ручки после животика опустились пониже. Жена сделала круглые глаза и скосила их на малыша. Тот весело угукал, ползая тем временем по кровати. Я взял его на руки и подержал над собой, разглядывая повнимательней. Сынуля засмеялся, затеребил ножками и пустил струю прямо на меня. Пришлось опять идти полоскаться в баню под смех Оленьки.

Потекли зимние дни, заполненные общением с семьей. Маленький особо не требовал внимание. Много спал и ел., чем мы с Оленькой бессовестно пользовались, проводя в соседней кровати долгие часы, никак не насытившись друг другом.

В один вечер, Александр Никитич попросил меня на разговор.

— Мой дорогой зятек! Завтра нам надо быть на дворянском собрании, где тебя утвердят в праве твоим детям наследовать завоеванное тобой сословие. Проблем не будет, не волнуйся.

— Как все произойдет? Что нужно будет сказать.

— Как?! Выпьем вина, закусим. Ты расскажешь о своих подвигах. Короче повеселимся. Все уже подписано и бумаги для отправки в Петербург давно готовы. Можно сказать, едем отмечать это славное событие.

Я разулыбался от такого известия и горячо поблагодарил тестя.

— Ничто! Одна семья почитай. В воскресенье едем крестить Андрюшку. Крестными будут мой сосед, которого ты спас и одна влиятельная дама. Жена самого Генерал Губернатора! Как услышала о тебе, так и не слезла с меня до тех пор, пока не пообещал позвать крестной матерью. С чего такое внимание, ума не приложу! Где мы и где они?! Давай выпьем ликерчику за ее здоровье. Ведь это с ее легкой руки так быстро подготовили и подписали бумаги о твоём дворянстве.

Я разлил вишневого ликера, чокнувшись выпили и тесть закурил трубку, пыхнув ароматным облачком.

— Дела наши, в отличие от военных, лучше не бывает. Твой счет уже сейчас больше ста тысяч. Представляешь общие обороты?! Миллионы! Мы торгуем уже по всей России и е

половине Европы. Если бы не война, то и во всей бы смогли. Но жаловаться грех. Наше производство постоянно расширяется, а заказы растут еще быстрее. Даже самоваров продаем изрядно. Так что, бросай свою армию. Купим вам дом в Санкт-Петербурге, заживете в столице!

— Знаете, Александр Никитич! Пока погожу. Давайте купим дом в Крыму или построим. А лучше купить и рядом начать строить другой, чтобы не ждать. Что-то тепла хочется! Перевезу туда Оленьку с малышом, и сам буду наезжать.

— Васенька! Давай, наконец, на ты. Обидно, ей богу! Не хочешь звать отцом, зови батькой, а Лизу матушкой.

— Хорошо, батя!

— Ну, вот и отлично! — мы обнялись и расцеловались. Тесть расчувствовался и мы хряпнули еще по рюмашке.

В веселом настроении крадусь в спальню, чтобы не разбудить жену и ребенка. Маленького разбудить внеурочно, надо еще постараться, а вот женушка и вовсе не спала.

— Папенька, какой нехороший! — зашептала она, пристраиваясь сбоку. — Мало того, что отнял мое законное время, так еще и напоил тебя!

Целую надутые губки и уворачивающиеся щечки.

— Фу! Спиртом пахнешь!

— Не спиртом, а вишней!

— Вот и целуйся со своей вишней!

Шутливая борьба быстро перешла во взаимные объятия и вскоре мы, позабыв обо всем отделились своим чувствам, сплетясь телами и вжимаясь друг в друга.

На следующий день, мы с тестем посетили дворянский клуб, то бишь собрание, где мужики отрывались от семьи под видом важных дел. К удивлению, одна женщина все же присутствовала и занимала место рядом с председателем. Меня немного удивил ее внимательный взгляд. Оказалась она и была той самой генеральшей, пожелавшей стать крестной мамой моему сыну. Только вот возрастом она оказалась если и старше меня, то не намного. Весь вечер я ловил ее непонятные взгляды в мою сторону. Когда официальная часть собрания прошла, мы с Оленькиным отцом подошли, как говорится, приложиться к ручке.

— Разрешите представиться, подпоручик Василий Пахомов. — Меня одарили улыбкой и протянули тонкую кисть, которая слегка вздрогнула под моими губами.

— А я слышала, что уже готов приказ о производстве вас в следующий чин и награждения орденом Святого Георгия второй степени. Пройдемте! Расскажите, где вы так отличились? — повернулась и пошла из зала. Вынужденно пристроился следом, оглядывая стройный тыл. Меня привели в какой то кабинет, и я битых пол часа рассказывал о своих подвигах. Генеральша внимала и смущала необычным взглядом. Позже я пытался связать ее с собой и кроме моей связи с молчаливой девушкой не нашел возможных контактов. От этой мысли, меня пошиб пот, и я пытался просчитать возможные последствия, если это окажется так.

Как, оказалось, паниковал я зря. На крестинах Генеральша мило улыбалась, восторгалась младенцем и Оленькой, с которой быстро нашла общий язык и расположила к себе.

— Какая замечательная женщина! — прошептала мне вечером супруга. Прошептала, потому что теперь это наш обычный способ общения при спящем сыне.

— А еще, у нее взгляд несчастной женщины, но она это тщательно скрывает.

— Хорошая у нас крестная, — согласился я и невольно в памяти воскресли мои встречи в темной квартире.

— А еще, когда она думала, что никто не видит, она смотрела на тебя!

— А, что?! Я герой, хорош собой! Ты ревнуешь, что ли?!

— Да!!

— Ах, ты моя маленькая! — целую ее моську и далее все тело, пока моя супружница, позабыв обо всем не утонула в ответной страсти.

Генеральша в течении месяца навещала наш дом, вызывая нешуточную ревность у супруги. Приходилось после этого утешать ее и доказывать, как я ее люблю. К ее и моему облегчению, вскоре Генерал Губернаторша уехала в столицу к мужу и наша семейная жизнь потекла в более спокойном русле.

Вскоре отпущенные мне два месяца истекли, и вновь пришлось ползти в карете по весенней дороге в свою часть. С тестем мы договорились о покупке дома на берегу моря в Крыму, так как в Питере жить ни я, ни Оленька не захотели. Придворная жизнь нам не светила, да и мы к ней не стремились. Лучше мы будем купаться и греться на солнышке, поедая свежие фрукты

В части доложил нашему полковнику. Тот в радости даже обнял меня.

— Герой! Как есть, герой! Выглядишь здоровым. Сказывали, рана у тебя была очень плохая.

— Все, слава Богу, зажило. Готов продолжить службу.

— Очень рад! Думал, не вернешься на службу. А у меня офицеров раз, два и обчелся! Встанешь на роту, взамен Федора Евграфыча, царство ему небесное. Кстати, поздравляю с поручиком и наградами. Георгий уже пришел с остальными наградами, сейчас отдам.

Вручает мне коробочку и приказ о присвоении звания поручика.

— Извини, что не перед строем, в торжественной обстановке. Не то время, сам понимаешь.

— Служу государю и отечеству! — обнимаемся и расцеловываемся. Никак не привыкну к такому обращению с бородатыми мужиками.

В своей батарее меня приняли как родного, аж на душе стало приятно. Посидели, помянули погибших.

Вечером, я уже обнимал радостную вдову, которая меня уже не ждала.

— А где же Оленька? — Надежда освободилась от моих объятий, не зная, куда деть глаза.

— С маленьким у родителей. Там пригляд лучше, а мне может опять в поход скоро.

Вдовушка порывисто вздохнула и, очнувшись, повела меня в дом. Чудесные детки встретили не менее радостно, так как я являлся бесценным источником вкусовости и

игрушек. Хозяйка, весь вечер витала вокруг меня, как бабочка вокруг лампочки, не зная чем угодить. Ее взгляды не оставляли сомнений, что душа находится в полном смятении и ее лихорадило не по детски. Я тоже был в замешательстве, не зная как себя вести. Адюльтер в мои планы не входил, но женщину понять было можно. Несколько лет без мужской ласки, а тут молодой офицер под боком и без жены.

Когда уже, я собирался уснуть, в мою комнату беззвучно открылась дверь и фигура в белой рубашке скользнула внутрь. Надежда замерла посреди комнаты, обхватив себя поперек груди. Наконец решилась и примостилась с краешку кровати. В темноте блеснули ее глаза, и она положила свою руку на мою грудь.

— Надежда. Думаешь, это хорошая идея?!

— Нет! Но я устала бороться с собой. С первого дня, как ты появился, я сама не своя. И Оленька пусть меня простит. Я ни на что не претендую! Мне бы только опять чуть-чуть почувствовать себя бабой. Совсем немного, она лихорадочно взяла мою руку и потянула под свою рубашку. Ее мягкий живот подрагивал под моей ладонью, а грудь вздымалась высоко и часто.

— Ох, мой миленький! Мне много не надо! Даже поцелуя не прошу. Пожалей меня!

— Ну, ну! Успокойся! Ты красивая женщина! Найдешь себе мужа.

— Кому я нужна! Без денег и с двумя детьми! Думаешь, я не пыталась?! Токмо, от меня все одного хотели, а я женщина порядочная. А ты запал мне в душу. Теряюсь, как дура и реву по ночам. Как представляю, что ты меня обнимаешь, так сладко становится и стыдно, как сейчас. Только сейчас больше сладко — Она несмело улыбнулась и погладила меня по щеке. Затем робко провела ее по моей груди и животу. Я перехватил ее руку и притянул женщину к себе. Обнял, прижал и стал гладить по голове.

— Полежи милая рядом! Успокойся! Тебе потом самой будет стыдно, да и мне перед Оленькой тоже. Давай просто полежим, можешь даже поспать рядом. И никто нас не сможет осудить.

— Как хорошо! — она пришла в себя и расслабилась всем телом. — Ты никому не изменил, и Оленька не будет сердиться. Можешь меня погладить?

Утром вдова кормила меня завтраком, полыхая румянцем. Бедная женщина ушла от меня, когда я спал и теперь не смела поднять на меня глаза. Подбодрил ее улыбкой и убыл в часть.

Забот на службе у меня прибавилось. Но помогали опытные пушкарки из моей первой батареи, взяв на себя тяжесть обучения молодняка. Я в долгу не остался и исправно закупал продукты и выдавал командирам поощрительные деньги. Постепенно полк наполнился новыми людьми и орудиями. Даже добавили еще один пушкарный батальон с двенадцатифунтовыми орудиями. Империя усиленно готовилась к новой войне..

Наш полк усиленно тренировался, ожидая со дня на день приказа о выступлении. Но вот прошел июнь, потом июль, а политики все никак не могли решить, с кем и против кого воевать. Так как я смутно, припоминал о Тильзитском мире с французами, который будет заключен летом следующего года, то подозревал, что война начнется в лучшем случае к осени. С трудом уговорил полковника Герхшпигта отпустить меня в отпуск, клятвенно заверив, что вернусь по первому требованию. Тот, видимо, что то знал о ситуации в мире и поэтому все же отпуск подписал, обязав быть к первому сентября.

Попрощавшись с хозяйкой, полетел на крыльях любви в теперь уже семейное имение.

Дорога, дорога, ты знаешь немного! Вспомнилась песня «Любэ». Накатили

воспоминания, и я погрузился в них с головой. Как там Семиникина поживает. Почему то, родители вспоминались реже и то только вначале. Потом уже было не до этого. А вот теперь, когда жизнь вроде наладилась, нахлынула тоска по прошлой жизни. Подумал, стал расставлять плюсы и минусы.

Еда, без вариантов лучше, одежда — смешная но добротная, воздух и вода — чистые, природа не загублена, интернет вообще зло, лекарства, благодаря источнику не нужны, родители..., зато у меня есть новая семья, красавица жена и маленький Андрейка. Грусть моментом улетучилась, и я вернулся в хорошее расположение духа. Так остаток пути и провел, планируя дальнейшую жизнь. Похоже, что до войны двенадцатого года придется завязать со службой. Иначе, я до нее просто не доживу. Схожу в последний поход и баста! Принял итоговое решение. А вот с артиллерией нужно помочь моей родине. Может и Москву тогда не сдадим. Деньги у отчима есть, заводики тоже. Сделаем образец, выьем государственный заказ и может получится.

В таких радужных мыслях я и подъехал к воротам усадьбы. Пока разгружался у крыльца, выбежала любимая с сыном.

— Папка наш приехал! — Обнимаю обоих и горячо целую. Сынуля смеется, а Оленька просто счастлива.

— Дома только маменька, но ей нездоровится. Папа на работе, Алешка и Маша в гимназии. Поэтому, сразу мыться! — проворковала женушка, блестя хитрыми глазами. Андрейка был вручен няньке, а я схвачен за рукав и утянут в пункт помывки и разврата. Молоко, слава богу, еще было, уж очень я по нему соскучился. Ха-ха! Быстро подтянул немного отвисшие от кормления любимые игрушки и отлюбил благодарную женушку, заодно и помылись.

После баньки возился с сынишкой, уча его ходить. Стоял он уже уверенно, а вот с координацией пока не очень.

— Так что, там с матушкой? Приболела? — спрашиваю у Оленьки, с нежностью наблюдавшей за нами.

— Да. Каждый месяц так. Ну, ты понимаешь. Только теперь все хуже и хуже.

— И чего раньше не сказала! Родная мать погибается, а они стесняются, понимаешь! Пошли быстрее!

Елизавета Матвеевна сильно похудела, отчего изумрудные глаза стали еще больше. Когда мы поздоровались, Оленька сходу заявила.

— Мама! Сейчас Вася тебя посмотрит и вылечит! Не бойся, раздеваться не придется. У него теперь и через одежду получается.

Измученная женщина только кивнула и закрыла глаза. Я сосредоточился, повел руками вдоль живота. Черное пятно поселилось в матке и пустило свои щупальца во все стороны. Ну, пошла, родимая. Подаю с двух рук целебную энергию. Тяжело получается! Застарелая опухоль активно сопротивлялась, но понемногу стала сдавать свои позиции. Когда она уменьшилась наполовину, маменьку стошнило густой массой с ужасным запахом. Хорошо успела наклониться над полом. Служанки быстро стали убираться, а Оленька вытирать маме лицо и поить водой.

— Завтра повторим. Уже сегодня будет лучше. Все будет хорошо! — Оставляю женщин одних, и ухожу, коря себя за то, что не интересовался здоровьем Оленькиных родителей раньше. Ну, теперь они у меня пройдут полный курс лечения!

Вечером, после долгого общения с сестренкой и братишкой, мы с тестем по традиции

устроили междусобойчик.

— Спасибо тебе сын, за мою Лизоньку, — Александр Никитич совсем расклеился. — Совсем уже отчаялся и мысли плохие в голову приходят. Неужто, правду Оленька говорила?!

— Разве теперь не видно?

— Вот, я, старый дурак! На чудо все списывал! А чудо то вот! Сидит рядом со мной! — Тесть прослезился и полез обниматься.

— Ничего. Уже будет все хорошо. Матушка пошла на поправку, а завтра совсем не ноги встанет. Давай я и тебя посмотрю. Колено, должно быть, болит, легкие не очень, чуть печень и почки. Тебя за один день поправлю. Только, батя! Сам, понимаешь! Надо об этом молчать, иначе не жить нам спокойно!

— Да уж! Такое до добра не доведет. Сведут в могилу или доброхоты или завистники. А ты! Я бы тебя на руках носил, а ты столько лет молчал!

— Но ведь и так все сложилось! И вы в этом виновны в первую очередь, за что я вам признателен по гроб жизни.

— Да! Получилось знатно! И Оленька здорова и мы счастливы. Значить, так! По финансам, там очень муторно и долго. Денег много и, если интересно, можем потратить на это пару вечеров. Особняк в Крыму купил. Там раньше какой то хан жил. Теперь делаем ремонт, так что на следующее лето можно будет заселяться.

— Замечательно! К тому же в следующем году хочу последовать вашему совету и оставить службу.

— Вот это правильно! А, может, прямо сейчас?!

— Нет. Сейчас не могу. Слово давал, и офицерская честь не позволяет.

— Ну, хорошо. Только ты берегись, под пули не подставляйся!

— Да, кто же ее ищет! Сама находит!

В течение недели оба родителя моими стараниями стали сиять как начищенные пятаки. Побочным эффектом, стало то, что выходить к завтраку они стали поздно и поглядывали друг на друга как два влюбленных подростка. Хе-хе!

Моя любимая не могла на них нарадоваться и благодарила меня по ночам с неистовым пылом.

— Ты смотри, доиграешься, будешь опять с пузом ходить! — говорю в ушко, завершившей очередной полет в nirвану, моей любви обильной женошке.

— Это не страшно. Много деток от любимого, что может быть лучше?! Андрейке уже почти год, так что можно! Давай еще разок и спать!

В часть вернулся ровно первого сентября, когда интенданты, вовсю, собирали походную колонну.

— Слава богу, ты вернулся! — полковник встретил меня как родного. — Мы опять идем на француза, на этот раз с Пруссией, ну, и Англия, конечно! Куда же без нее?!

Наши войска сосредотачивались в Польше под командованием генерал-фельдмаршала Кименского. Тем временем французы громили прусские войска. Покончив с ними, они подошли к Висле и столкнулись с русским авангардом. Начались бои с отступлениями. Наша батарея с ходу вступила в бой. Мои артиллеристы были выше всяких похвал и зачастую только благодаря им наши позиции не были сданы. Особенно выручала возможность батареи быстро сменить опасную дислокацию и открыть огонь с неожиданного для противника места. В процессе длительного отступления наши войска остановились только в декабре у города Тыкоцин, а Наполеон зазимовал в Варшаве.

В январе, мы под командованием Беннигсена выступили под Кенигсберг, где участвовали в череде сражений, не принеших успеха ни одной из сторон. Через месяц пыл операции угас, и мы опять отступили, зависнув без боев до середины мая. Расквартировалась наша часть в Прусском городе, который в мое время назывался Калининградом. Аккуратные немецкие домики, величественный собор Богоматери и святого Адальберта. Женщины деловые и практичные. Мои солдаты хвалились своими победами за серебряные рублики, а я, завязав узлом свои хотелки, просто гулял, впитывая дух средневековой Европы. Наши службы организовали доставку почты, и я вечерами перечитывал целую пачку писем от Оленьки и Машки, нашедших своего адресата. Машуля совсем заневестилась и задавала вопросы, возникающие перед всеми девушками в ее возрасте. Я еще раньше описывал всю диспозицию с ее будущим браком, но женщины есть женщины. Если уж втемяшат себе что то в прелестную головку, то не вырубишь топором. Первым же письмом, строго настрого предупредил не вступать ни в какие отношения, пока я не посмотрю на кандидата. Уж от моего непредвзятого взгляда не укроется никакая кривда и, тем более, гнилая душонка. Оленька хвалилась пошедшим самостоятельно Андрейкой и огорошила сообщением, что ее маменька скоро подарит ей сестренку или братика. Неплохо я ее вылечил!

В конце мая, мы опять схлестнулись с французами и на этот раз снова оказались на грани поражения. Наши войска отступили и в конце июня страны заключили, долгожданный мной, Тильзицкий мир. Наш полк поспешил в Россию, после почти годового похода. Меня, слава богам, только пару раз цепляло осколками, зато спасенных мной солдат можно было считать сотнями. Ведь в это время не существуют антибиотики и любая рана могла привести к воспалению и смерти. Так что, я спасал от смертельных ран и одновременно контролировал легко раненых. От постоянной тренировки мой источник подрос и теперь я мог за раз стабилизировать сразу с десятков служивых с тяжелыми ранениями. Конечно, от солдатских глаз такое скрыть было невозможно, и я постепенно обрел негласную репутацию ангела хранителя. Некоторые просили меня прочесть общую молитву перед боем, надеясь на более короткую дорогу к божьим ушам. Наш полковой капеллан хмурился, но терпел, яростно размахивая кадилом.

Домой попал почти ровно через год, как я покинул его в последний раз. Меня встретил наш карапуз стремительно передвигавшийся на своих окрепших ножках, а за ним любимая Оленька превратившаяся в секс бомбу с округлившимися бедрами, приличным бюстом и волшебными зелеными глазами. Матушка, как мадонна предстала с младенцем на руках, и выглядела помолодевшей лет на десять. Она зацеловала меня, вызвав легкую ревность у своей дочки. Машуня выросла в статную девицу и просилась на обложку модного журнала, настолько была хороша ее фигура и лицо. Алешка тоже подрос и стал похож на меня в детстве. Не изменился только Мяв, хотя может чуток растолстел. Александр Никитич, как всегда мотался по делам, управляя своей промышленной империей. Все! Завтра же подаю в отставку!

Отставка завтра, а сегодня было много нежностей и страстного обладания роскошным телом. Оленька расцвела после родов и толики моего вмешательства, настроившие ее организм как самый совершенный инструмент. Она со смехом рассказала мне после очередной бурной баталии в постели, о множественных ухаживаниях местных кавалеров. Я пообещал вызвать их всех на дуэль, но Оленька вымолила для них прощение, стоя на коленях перед кроватью и принимая меня с задней позиции. Ох, чувствую, что моя милая сейчас залетит, уж больно она громко при этом стонала, принимая в себя весь заряд моих

бубенчиков. Видимо родится девочка, такая же красивая как мама. Ласково поглаживаю утомленное тело, наслаждаясь чувством единения с моей любимой.

Наутро написал прошение об отставке и отправил в военное министерство. Неспешно прочитал скопившуюся почту, в том числе несколько писем от Андрюшкиной крестной, полных неясной недосказанности и грусти. Точно моя немая из кадетской жизни! Ничего! Бог страдал и нам велел! У меня теперь Оленька есть, а уж ее я не променяю ни на кого на свете.

Повертел в руках изящное перо нашего производства и засел за изобретение пушки нового образца. Посетовал на свои около нулевые знания в этом вопросе, но задать направления и обозначить задачи я могу. Главное, что гремучая ртуть и бертолетова соль уже известны. Остальное сделать нетрудно. Технический прогресс как раз на пороге возможности для изготовления пушек, заряжающихся с казенной части и изготовления для них снарядов с гильзой.

Сначала зарисовал и расписал устройство снаряда, снабдив его медным пояском и описав для чего он нужен. Подумал и сделал другой экземпляр без пояска. Думаю, стволы придется делать гладкоствольными. Нарезы сделать нереально, да и точность сейчас очень нужна. Танков то нет! Подробно описал капсюль и принцип его действия. На всякий случай записал возможность изготовления улучшенного пороха, путем вымачивания хлопка то ли в азотной кислоте, то ли в серной.

Закончив со снарядом и порохом, принялся придумывать орудие. Что я знал? Нарезной ствол и принцип торможения за счет гидроцилиндров, когда большой объем переходит в малый через небольшое отверстие. Трудней всего оказалось придумывать откатный механизм подвижной части вместе со стволом. Кое-как, зарисовал принципы его работы, не вдаваясь в детали. Замок запираения ствола оформил в виде толстой дверцы с пружинным бойком внутри. Все нюансы ее защелкивания и спуска бойка оставил на разработку местных инженеров. Единственное что предложил, это поворотное-запорное соединение. Пусть пробуют.

Весь труд занял у меня примерно неделю, так как отвлекался на семью и их интересы, подолгу гуляя с детьми и дамами. По вечерам мы засиживались с тестем, где он вводил меня в курс дел по основным производствам. В один из таких вечеров я и представил свой проект новой пушки. Мой отчим уже поднаторел в производственных реалиях империи и с воодушевлением воспринял всю концепцию, раскладывая ее на составные части и возможности их изготовления. Когда последний пазл в его мозгу сложился с положительным ответом, он с удовольствием обнял меня, возбужденно высказывая:

— Это же революция! Тебя сам Христос поцеловал! Как?! Как ты это придумал? Ладно, перо, керосинка. Но это! Это немыслимо для не инженера!

— Так я пушкарь, все-таки! Долго думал. Целых два года!

— Первую пушку сделаем не раньше, чем к новому году. Снаряд изготовить проще, но требуется осторожность и нужны опытные химики. Все, теоретически, осуществимо. Так что, я за дело, а ты бери Оленьку с Андрейкой и езжай в Крым инспектировать ремонт вашей усадьбы, может, еще что пристроить пожелаешь.

И вот мы в Крыму! Долгая дорога, компенсировалась сказочными видами, прекрасной погодой и чудесной природой, благоухающей многочисленными цветами. Наш дом утопал в зелени на возвышенности, а вниз, прямо к морю уступами спускался цветущий парк. Эта

красота нас так захватила, что на дом мы уже не обращали внимание, устремляясь по тенистым дорожкам к песчаному пляжу. Никого! Ни справа, ни с лева. Слуги в доме и я, не раздумывая, срываю с себя всю одежду. Подхватив довольного Андрюшку, захожу в еще теплую с лета воду. Какое наслаждение! Окунаю восторженно визжавшего сына и замираю, увидев перед собой торжественный заход Венеры в прозрачную воду. Само совершенство, покачивая идеальной грудью и дразня трогательной припухлостью лобка, шествовало на длинных ножках, легко касаясь ступнями мокрого песка. Моя любимая убедилась, что я смотрю, и замерла по щиколотку в воде. Явно рисуясь, повернулась сначала одним боком, потом другим и, озорно улыбнувшись, продемонстрировала впечатляющий тыл. Если бы не Андрюшка, быть бы ей вываленной в песке. Но пришлось, закусив удила, терпеть до нашей спальни, в которую я пролетел по дому, не обращая внимания ни на что вокруг. Андрюшка у няньки, а я с рычанием набрасываюсь на свою хихикающую и довольную женушку. Сделал ее еще более довольной и долго лежим, не разжимая объятий.

— Если ты еще чуть-чуть подвигаешься, то будет еще лучше, — произнесла любимая уже готовая на новый заход.

Меня два раза просить не надо! С радостью выполняю ее просьбу, двигаясь уже неторопливо и с нежностью, отдавая должное ждущим соскам. Мы долго сдерживали себя, замирая в муке наслаждения, не позволяя сделать завершающих движений. Чуть остыв вновь продолжали нежные трения, прислушиваясь друг к другу и радуясь каждому стону. Не знаю, на какой раз я все таки не выдержал и, вжавшись до самого основания, разрядился до звона в ушах. Оленька вскрикнула и, обняв меня своими стройными, ножками подалась навстречу, шепча непонятные слова и всхлипывая от избытка чувств.

Что ж, можно сказать, что кровать мы проинспектировали! Ха-ха!

Наутро в сопровождении величественного управляющего бродили по громадному особняку, оказавшимся летним дворцом какого то бывшего хана. Как в таком жить? В принципе нам нужна всего лишь одна спальня и кабинет. В ванной комнате обнаружился маленький мраморный бассейн, вода в котором подогревалась каким то хитрым способом. Оленька немедленно решила ее опробовать. Радуюсь как маленький ребенок, легла в теплую воду и в притворном ужасе просила не лезть к ней и не портить такое прекрасное утро. Торчащие из воды вершинки грудей так зазывно вздрагивали, что я как варвар вторгся в бассейн к прекрасной нимфе и, схватив за талию, притянул к себе сходу врываясь в любимый домик со стороны округлых булочек. Оленька изображала сопротивление и притворно хныкала от каждого толчка, при этом, противоречиво прося, чтобы я не останавливался. Воду, в итоге, мы нещадно расплескали, но получили несказанное удовольствие от совместного купания.

Отдохнув пару часиков, мы вышли в парк. Повсюду росли плодовые деревья, цветы и виноград. Мы от души налопались свежих фруктов и ягод, срывая и пробуя спелые плоды прямо с веток. Химии сейчас никакой нет, а расстройство желудка я устраняю за одну секунду. Андрейке новые лакомства понравились больше всех и он с интересом пробовал все подряд смешно скидывая бровки в восхищении.

Через два дня после приезда, набежала банда строителей и по приказу управляющего всего лишь за один день соорудила на прибрежной полосе песка изящную беседку. Слуги накидали туда цветных матрасов, одеял и подушек. Там мы и проводили большую часть дня и некоторые ночи, сливаясь с любимой в одно целое под размеренный шум прибоя. Нам настолько понравилась такая жизнь, что мы очень огорчились первому похолоданию с

небольшим штормом, явившимся предвестником припозднившейся осени. Так ведь, давно пора! Конец октября уже на носу! Мы еще потянули три недели, радуясь вернувшемуся солнцу, но было понятно, что пора уезжать. Наш отпуск под эгидой неги и любви закончился.

В Город въезжали, ежась от холода и с ужасом наблюдая заснеженные улицы. Как же быстро привыкаешь к хорошему! Нам все были несказанно рады, особенно фруктам которые мы привезли с собой. Корзины с хурмой и мандаринами заполнили гостиную непередаваемым ароматом ароматом и вызвали активное слюноотделение у детей. Радости младших не было предела, даже маман съела несколько фруктов, шурясь от удовольствия. Ее малыш уже всю лупал зелеными глазенками, изучая окружающий мир. Тут и глава семейства приехал, излучая одновременно солидность и радость нашему приезду.

Вечером я подробно изложил состояние нашей «дачи», упрекнув его в максимализме.

— А что?! Дешево продавалось! Или тебе не понравилось?

— Понравилось, но я даже не во всех помещениях побывал. Вот сколько расходов на его содержание?

— Забудь! Наших денег хватит нам и нашим детям до конца жизни. Если дела пойдут дальше так же хорошо, то скоро мы будем иметь немалый вес в империи. Твой прожект уже в работе. Химики, металлурги, инженера все озадачены и трудятся денно и нощно. Порох уже получили! Все, как ты подсказал. Представляешь! Почти без дыма и в полтора раза мощней. Капсюли тоже получились почти сразу. Сейчас маракуют над взрывателями для снарядов. Да мы можем на одном порохе озолотиться! Ты подумай, сколько его нужно для империи! — Тесть возбудился не на шутку, и я достал традиционную вишневую наливку, чтобы одни градусы перебили другие, вернув равновесие в организме. Мы добились в этом неплохих результатов, но при этом не рассчитали коэффициент потери координации. Именно поэтому мое триумфальное падение в кровать не было засчитано за ухаживание.

— Фи! Опять с вишней целовался. Будешь спать отдельно! Нас от вас тошнит.

— Вас? Вас ист дас?

— Не любишь ты, свою будущую дочку.

Я глупо улыбаюсь и пялюсь на ее стройный животик.

— Что ты там хочешь увидеть через два месяца? Папенька то у нас, пьяница, оказывается! — она демонстративно стала жаловаться своему животу, поглаживая его как ребенка.

— Я тоже хочу девочку, присоединяюсь к поглаживанию, но так как с координацией было не очень, то гладил, почему то, гораздо ниже. Жена решила не заострять на этом внимания, видимо простив непутевого.

— Счастье твое, что ребеночка мы уже заделали! Пользуйся моментом, пьянчуга!

Дальше было жарко, тесно, влажно и скользко, а еще прекрасно, нежно и страстно. Хмель почти выветрился и меня допустили до животика, хихикая от щекотки.

— Ты куда?! Вот, балбес! Рано еще для молока! Ох! Скотина! Что ты делаешь?! У меня сейчас повышенная чувствительность! А-ах! Давай уже быстрее!

Я не успел попасть в домик, как Оленька опять приплыла.

— Вот и мучайся теперь в одиночестве, — сказала она отдышавшись. — Молочка ему захотелось!

Я виновато завис в норке, не зная, то ли продолжить, то ли ретироваться. Решил немного подумать и не заметил, как уснул.

Утром встал рано, полуболезненно на спящую женушку и пошел читать корреспонденцию. Пришло письмо об удовлетворении моей отставки. Приглашение на дворянское собрание и письмо от Генеральши, которая крестная Андрейки. Очень обтекаемое письмо, с явными намеками, чтобы мы пригласили ее в гости. Вежливо ответил, будто ничего не понял. Нам ведь не надо сцен ревности от Оленьки! Дальше отчет банка о моих средствах на счету. Сто сорок тысяч! При моих скромных расходах, просто астрономическая сумма. Это при том, что тестюшка почти всю прибыль пустил на развертывание цехов для производства новых пушек.

Закончил с письмами и стал, от нечего делать, рисовать винтовку Мосина. Внешний вид получился отлично, а вот сам затвор я, естественно, даже в глаза не видел. Потом нарисовал патрон и прописал калибр — семь и шестьдесят две сотых миллиметра. На этом меня застучала моя женушка, одетая в теплый халат. Она обняла меня сзади, навалившись тяжелой грудью.

— Работаешь? Это ружье? Не навоевался еще? Куда опять полез? Вот, доченька! Смотри, какой у тебя отец бабник! Думаешь, оттуда увидишь ее?! Хи-хи! Все! Хватит меня щупать. Вечером приходите сударь! — и смеясь удрала в ванную. Мечтательно прикрыл глаза, завидуя сам себе в обладании таким сокровищем. Сокровище с Машей собрались сегодня в парикмахерский салон, это значить на весь день, так как там собирался целый клуб из жен всех мало-мальски известных людей Города. Пользуясь этим, тесть повез меня на свою фабрику, чтобы похвастаться производством. Я был впечатлен! Нет! Я просто ох-л! Такая техническая отсталость! И он еще умудряется при этом заработать миллионы. Слава богу, хоть паровая машина была! От нее вращение передавалось на допотопные станки. Очень много ручного труда. Как они будут делать стволы пушек, даже спрашивать боюсь. Хотя возможно там, где делают пушки, все выглядит более солидно.

Не увидев на моем лице восхищения, тесть немного огорчился и повез меня утешаться в помпезный трактир. Там мы зависли, вкушая изысканные в этом времени кушанья. Стерляжья уха, перепела, запеченный поросенок, расстегаи и еще блюда, названия которых не запомнил. На спиртное мы не налегали, так чуть винца для аппетита. Затем мы нанесли визит вежливости в дворянское собрание, где меня поздравили с очередными воинскими наградами и поинтересовались чем я собираюсь заняться. На что тестюшка ответил, что конечно семейным делом!

Время неторопливо потекло в зимнем Городе, выбив меня из привычного состояния. На службе я был постоянно при деле, в походе так вообще стресс на стрессе. А тут слегка потерялся, не зная чем себя занять. Семья и Оленька это, конечно, прекрасно, но пришлось подстегивать свой организм физическими упражнениями, которые я бессовестно пропускал, когда все силы забирала любви обильная женушка. Я усиленно разрабатывал ее мини фабрику и добился в этом некоторых успехов.

Для успокоения совести, завел себе альбом и зарисовывал технические механизмы из двадцать первого века. Буду русским Микеланджело! Для начала нарисовал наган, который более понятен и легок в изготовлении. Естественно, я не разобрался в спусковом механизме, но остальное более-менее понятно и можно изготовить в современных условиях. Думаю про патроны можно даже не беспокоиться. Как только мы предъявим свои снаряды к новым пушкам, то ушлые люди сразу подумают о своих допотопных ружьях. Если у нас будут свободные мощности, попробуем сделать, но что-то я сильно сомневаюсь. А вот пистолет для себя я сделаю обязательно! Дальше я тупо зарисовывал всякие открывалки, терки,

закаточные машинки и крышки для банок. Записал рецепт возможного выращивания пенициллиновых грибков на хлебных корках. Вершиной моего творения стали канцелярские скрепка и кнопка, которые навели на мысль о перьевой ручке с возможностью заправки чернилами. Вот это уже можно взять в работу и попробовать сделать своими руками. Нужно только подобрать подходящий природный губчатый материал и дело в шляпе!

Наступило рождество, и мы всем совершеннолетним семейством отправились на бал. Он проходил во дворце Куракиных и собрал в своих залах всю знать нашего Города. Пышные платья, прически, блеск драгоценностей и помпезность мундиров. Красиво! Черт, побери! Моя Оленька удачно спрятала свой животик под пышным платьем и была вне конкуренции, светясь изнутри женской красотой беременной мадонны. Я оделся в гражданское платье и тоже привлекал внимание, но уже особой противоположного пола. Скажу без скромности, наша пара затмила всех на этом сборище помпезности и роскоши. Я не стал афишировать свои ордена, а Оленька надела только маленькие брильянтовые сережки и скромное колье, которые терялись на фоне ее изумрудных глаз и приоткрытой великолепной груди. Сначала танцевал исключительно с женой, но затем Маман сделала нам внушение и мы вынуждены были дать шанс всем страждущим прикоснуться к прекрасному. Ха-ха! Ближе к завершению, Оленька притомилась и присела отдохнуть, а мне пришлось работать за двоих. Я периодически наблюдал за любимой, кружась с очередной партнершей. Поэтому вовремя заметил, какого то хлыща, грубо схватившего мою Оленьку за руку. В глазах помутнело, и я не заметил, как очутился возле разгневанной супруги и с ходу отправляю рослого ухажера на пол хорошим хуком справа. Подхватываю супругу под руку и веду на выход.

Дома меня одновременно хвалили, ругали и жалели, стеная и причитая.

— Вася! Тебя могут убить! Я не переживу! Как ты ему врезал! Так ему и надо! Что же теперь делать?! — и дальше. — Утешай меня, здесь погладь, там погладь, а вот туда не надо, а то девочке стыдно будет!

В итоге мы все-таки уснули, но для этого пришлось постараться, успокаивая изрядно нервничающую супругу.

Утром состоялся разговор с тестем о предстоящей дуэли.

— Петр Казанцев. Прощельга и мот. Охмуряет богатых вдовушек и пускает по ветру. Имел несколько дуэлей, три на шпагах две на пистолетах. Во всех победил. Но фехтование его далеко от идеала. Просто соперники были никудышные, так что, не пуганный еще. Общество на твоей стороне, если убьешь его, никто слова не скажет. Оружие выбирать тебе, поэтому советую шпаги. Пуля она дурная, не всегда благоволит правому.

— Спасибо, батя! Просветил. Поступим по твоему. Я за Оленьку намотаю его кишки на клинок.

— Вот и правильно! Так и сделай!

Вскоре, заявили секунданты, которые огласили вызов. Я его принял и мы договорились, что пришлю своего представителя и они обговорят время, место и оружие предстоящей дуэли. Весь оставшийся день прошел во всеобщем напряжении. Жена ходила за мной по пятам и смотрела глазами раненной оленихи. Вечером перед сном я попытался ее успокоить, глядя по выступающему животу и общаясь с нашим ребеночком.

— Тук, тук! Кто в домике живет?!

— Ну, зачем?! Зачем ты его ударил?! Можно было все решить мирным путем!

— Наша мама красивая, но нервная... Ой! Он шевельнулся!

— Рано еще!

— Да, нет! Смотри! Глажу... вот! Видишь! Ну, ка! Кто это там?!

— Эй! Куда полез?! Домик закрыт! Иди сюда! Сейчас я тебя утешу...

Снежная поляна, тихая погода. Я, как Пушкин, жду дуэли в компании с тестем и своим секундантом отставным военным давним другом бати. Мой противник еще не приехал, и я дышу морозным воздухом, в пол уха слушая советы бывалого военного. Мои шансы я оценивал, как высокие, проведя многие часы в тренировках в училище и в полку, развлекаясь с сослуживцами. Плюс моя сила и реакция. И уже крайний вариант, это размен смертельными ударами с надеждой на свою способность к излечению.

Вот и противник! Этот позер скинул верхнюю одежду, оставшись в белоснежной рубашке. Да, фактура, надо признать, у него неплохая. Если бы не гнилое нутро, можно было бы и пожалеть.

Под скрип снега сошлись по команде секундантов. Я не стал форсировать события, дав противнику проявить себя. Тот не долго думая пошел в атаку, работая шпагой, как заведенный. Я легко выдержал его незамысловатые действия и, улучив момент, проткнул ему сердце, чтобы уже наверняка.

Красиво лежит! Подумал, глядя на живописно раскинутое тело и алые гроздьа капель на снегу, разлетевшиеся от раны.

— Будем считать, что я удовлетворен! — сказал подбежавшим секундантам, и наша сторона покинула место дуэли.

— Все же пожалел! — тесть с другом раскурили в экипаже трубки.

— Уж больно красив, чертяка! — перед глазами появилось породистое лицо на снегу, сраженного мною любителя богатых дамочек.

— Это, да! Природа слишком размахнулась при его создании, потом спохватилась и сэкономила на душе. Теперь ты ее поправил и мир стал чище.

— Да ты философ, батенька! — Хлопнул друга по плечу мой секундант и засмеялся раскатистым смехом.

Запоздалый адреналин все же догнал меня и пришлось принять на троих предусмотрительно прихваченного с собой коньяку. Моя любимая повисла на мне в дверях и, несмотря на коньячный, запах впиалась своими припухшими губками как пиявка.

— А вишневая, повкусней будет! — огласила она под всеобщий смех, разрядив обстановку. Вечером награда нашла своего героя и, несмотря на положение, Оленька пустилась во все тяжкие, выгоняя из своего сознания страшные картины напридуманные за время дуэли.

Наступил долгожданный момент. Январь 1808 года.

— Ба-бах! Орудие подпрыгнуло на сошках и ствол медленно пополз на место.

— Ура! — подкинули шапки заводские и к ним примкнувшие. Мы оглядели ствол и побежали икать болванку. С трудом нашли на краю поля маленькую дыру в земле и выкопали из мерзлой земли продолговатый снаряд.

— Хорошо снег сдуло, иначе не нашли бы ни за что, — я прикинул расстояние на которое пролетела с прямой наводкой болванка. Километра полтора, два. Уже в два раза дальше существующих орудий.

— Да, нам и не надо! Мы же пушку испытываем. Снаряды будем настраивать летом. Сделаем к весне еще четыре, испытаем, пристреляем и к императору! — тесть мечтательно зажмурился и стал считать грядущие милости.

Постреляли еще и, убедившись в исправной работе орудия, поехали праздновать, наказав выкатить заводским бочку вина. С нами были ведущие инженеры и мастера. Гулянка продлилась почти всю ночь, и домой я прибыл в бессознательном состоянии. Моя любимая не оставила меня в одиночестве, а заботливо, с помощью матушки раздела до исподнего и уложила рядом со своим животом, который я и ощутил, открыв утром глаза. Погладил нашу малышку и пошел принимать туалет, обещая себе больше так не пить.

В мае произошли два грандиозных события. Первое Оленька родила прелестную малышку с бирюзовыми глазками и светленькими волосиками, второе мы предъявили свои пушки императору и генералитету. Я за небольшую мзду командировал себе пушкарей из моей бывшей батареи и теперь они в течение восьми минут выпустили по десять снарядов из пяти пушек. Император и его окружение аж вскочили со стульев, разглядывая далекие разрывы, разносящие в клочья установленные чучела. Затем была поездка на место попадания наших снарядов, где император, оглядев вывороченные комьями земли воронки и щепки бывших мишеней, снял со своей груди орден и прикрепил на камзол Александра Никитича. Успех был полный! Надо бы добавить, что рецепт пороха у нас все-таки забрали, организовав производство на секретной фабрике под эгидой государства. Нас, конечно, не обидели, компенсировав деньгами и званиями. Я теперь штабс-капитан, а тесть стал титулярным советником. Вскоре и меня нашла награда за разработку нового орудия, но самой значимой наградой для меня все же стал маленький ангелок от любимой женушки. Мое сердце таяло, при виде пухлого несмышленьша с ямочками на щечках. Я долго носил на руках сначала довольную супругу, а потом маленький комочек счастья.

Все лето я участвовал в наладке производства наших пушек на военном заводе. К сожалению, пришлось мотаться в Тулу, пропадая там неделями. По возвращению зацеловывал своих девочек, вызывая ревность у Андрейки. На что увещевал его, говоря, что он мужчина, и не должен поддаваться на телячьи нежности. Находясь в командировке,

познакомился с хорошим мастером оружейником, и договорился с ним сделать мне револьвер. Одновременно уговорил тестя, чтобы он изготовил для меня маленькие снаряды, тобиш патроны количеством в тысячу штук. Дело с изготовлением пистолета шло туго. То сталь не та, то пружины плохие, То самовзвод никак не получался. А уж когда дошло до выборки канавок в стволе, то проклинали все на свете! Одновременно изготовил наливную ручку, заправляющуюся в небольшой металлический корпус, соединявшийся с пишущей частью с помощью резьбы. Проводником чернил служил высушенный и спрессованный мох. Перья я заказал золотые у ювелира. Сделал всего три штуки. Две нам с тестем, а третью в подарочной коробке с золотой чернильницей и имперским гербом на крышке. Естественно для императора, просто, чтобы нас не попрекнули в зазнайстве. Типа зажрались, пишут золотом, такого даже у императора нет! Тестя, опробовавшего новинку, чуть удар не хватил. Он выхлестал пол графина вишневки и только тогда немного успокоился.

— Как так можно издеваться надо мной! Я уже все производство наладил, поставщики, сбыт, а ты приходишь и рушишь мне все!

— Да бросьте, Александр Никитич! Ничего не меняется. Обычными перьями будут писать небогатые люди и чиновники, наливными будут пользоваться дворяне и обеспеченные люди. А нам дополнительный доход.

— Доход! Да его скоро девать некуда будет!

— И тут ты не прав, батя! Помнишь, ты меня подобрал из грязи?! Что тебе мешает открыть школу для талантливых детей и выкупать их по всей стране. Подумай, сколько пользы они могут принести нам и нашей империи. А еще можно больницу построить. Много еще, чего можно!

— И откуда это все берется в твоей голове?! Ведь простой крестьянский сын!

— Так разве мы все не созданы по одному подобию Господа нашего?

— Так-то, оно так! Да все, как видишь, на словах. Это я, такой души человек, а ведь тебя большинство дворян за глаза выскочкой кличут. Зависть, понимаешь, их гложет, что ты выше их на голову по богатству и телесно. Опять же с императором ручкался. Слишком высоко взлетел!

— Ничего! Утрутся! А кого понадобится укоротим. Дуэли, пока никто не отменял!

Мы приняли на посолок по паре рюмочек вишневки, и я пошел радовать свою женушку ее любимым с недавних пор запахом. В постели меня с радостью приняли в распахнутые объятия, прижав к своей разбухшей от молока груди.

— Ох тыж! Какие булочки! Мне срочно надо закусить!

— Хи-хи! Милый, оставь немного нашей девочке!

— Хорошо! Тогда я тебя съем!

— Ай! Спасите! Не кусайся, паразит!

Тем временем наш дом стремительно ворвался в десятку богатейших людей страны. Деньги текли рекой и требовали вложений. Пришлось открыть свой банк, создать целую контору, разместившуюся в многоэтажном доме, по управлению нашей промышленной империей. Мы стали участвовать в добыче и переработке железа, нефти, скупали и продавали зерно. Все подводило к тому, что я уже всерьез стал задумываться о строительстве железной дороги.

Но только я собрался отправиться с семьей, к которой примкнули все, за исключением Александра Никитича, на «дачу» в Крым, как меня настиг вызов в военное министерство. Проклиная все на свете, отправил под охраной на пяти каретах всех домочадцев, а сам

помчался в столицу, где меня вежливо попросили послужить отечеству. Первые двадцать пушек нового образца поступили на вооружение наших войск и нужны были испытания их на действующем театре военного конфликта. Действовать требовалось в режиме чрезвычайной секретности и под охраной целой кавалерийской дивизии. Так как пушки оказались в моем полку и в лучшей на тот момент роте, то и командовать ею решили поручить мне. Для этого выбрали в противники Турков, с которыми мы, не шатко не валко, воюем на Балканах. Мои пушкарки встретили меня с восторгом и мы, естественно, это отметили, вспоминая прошлые компании и погибших на ней сослуживцев. С пушками они уже потренировались, но я еще две недели, не жалея снарядов, учил их точности стрельбы и слаженности действий.

И вот, мы уже в несчастной Болгарии, давно оккупированной Османами. Для Турок наступили кошмарные дни. Наша рота подходила на расстояние уверенного поражения к какому ни будь ничего не подозревающему лагерю, или к гарнизону и за десять минут ровняла его с землей. Потом мы ретировались, а уланы прочесывали поля побоищ, подбирая трофеи и добывая выживших. Через три месяца такого кошмара Турки запросили мира, отдав нам Бессарабию и покинув Болгарию.

За этот поход я получил очередное звание капитана и орден Святой Анны первой степени. Уставший как черт, понесся на всех парах в Крым, надеясь захватить еще немного теплых деньков. Природа пошла навстречу, и я почти месяц позволил себе купаться в компании русалок и Алешки с Андрейкой. Нам с Оленькой повезло наткнуться на уединенный пляжик, закрытый от нескромных глаз скалами и растительностью. Всего то, надо было пройти морем метров триста за ближайший мыс. Там мы иногда загорали вдвоем, любили друг друга и купались гольцом. Молока у жены, как всегда было в изобилии, и мы каждый раз оказывались измазанными в сладком продукте, выжатым во время наших неистовых объятий из щедрой груди молодой мамы.

Вернувшись в Город, дома меня ждал сюрприз — деревянный сундучок, опечатанный сургучными печатями. В нетерпении вскрыл его и явил на свет вороненный ствол нагана. Восторженно разглядываю его на свету, любясь серебряной гравировкой на рукояти. Наконец, то! Если все будет работать как надо, озолочу мастера! Остаток дня ходил, как нен прикаянный, периодически доставая свое сокровище и любясь им. Зарядил по очереди все патроны, смотря свободно ли они входят. Отобрал с пару десятков негодных и отложил отдельно. Мастеру я оставлял еще с полсотни, так что зарядов на первое время хватит.

На следующее утро ни свет ни заря поспешил в лес в семейном возке и нашим кучером. Оставил его у леса, а сам отошел подальше. Расставил прихваченные чурбачки и принялся стрелять, принаравливаясь к отдаче. Курок получился туговатым, но возможно разработается. Рука у меня сильная и пистолет сидит в ней, как влитой. Может поэтому, вскоре стал уверенно поражать деревяшки, далеко отлетающие при попадании в них. Отстрелял два барабана и пошатал пальцами детали, не разболтались ли. Вроде все хорошо держится. Все-таки повезло мне и мастеру. Быть ему с золотом!

Дома разобрал револьвер и тщательно почистил ствол. Потом все смазал и пощелкал курком. То ли привык, то ли помягче стал. Довольный как слон, поехал заказывать кобуру для поясного ношения. Будет чем отбиваться в случае военных действий! Пришлось делать деревянный муляж пистолета и долго объяснять скорняку, что я от него хочу. Потратил на это битый час, но вроде поняли друг друга. Поставил себе плюсик, отметив еще одно достижение в новом теле, опережающее свою историю создания на много лет.

Мой альбом «Микеланджело» пополнился записями об электричестве, рисунками паровоза и вагонов, профили их колес и рельса. Каждый день, по чуть-чуть, ворошу свою память и рисую, рисую, испытывая удовлетворение от проделанной работы. К сожалению, почти все рисунки без детальных подробностей. Схемы, принципы работы, как например в двигателе внутреннего сгорания. Заказал себе в кабинет огромный сейф, самой последней разработки и кладу свой опус туда, пряча ключи от него в тайничок, сделанный в другой комнате.

Машка, наконец, набралась смелости и привела для знакомства, своего ухажера, так как я об этом ее настоятельно предупреждал. Что ж, девочка созрела и ее тело давно просилось замуж, вылезая в определенных частях платья за границы дозволенного. К тому же настроение у нее скакало, как молодая козочка, отчего страдали не только она, но и все окружающие. Парень был молод, с темными волосами, достаточно высок и строен. Взгляд прямой и открытый. Внешне производил приятное впечатление. Пообщались, ненавязчиво расспросил о его родне. Обычная дворянская семья, не блещущая богатством. Вроде нормальный. Попрошу нашего Прошку разузнать о нем, а пока пусть ухаживает.

Когда Машка услышала мой вердикт, то подпрыгнула от восторга и повисла немалым весом на моей шее, прижав к моей груди свое богатство. Повезло парню! Кружу сестренку, как в детстве и отпускаю, поцеловав в лоб. Пусть у нее все сложится!

Зима, зима! Тихо, неспешно тянутся короткие дни и длинные ночи. Мы с Оленькой не грустим и, как можем, заполняем ее возней с маленькой куколкой и подросшим Андрейкой, а позже, когда молодежь утомится, с прежним пылом устраиваем постельные баталии. Детки сейчас спят под присмотром няньки и нам никто не мешает.

— Сегодня ты была неподражаема! — целую ее вспотевшее лицо и провожу руками по грудям, почти переставшим давать молоко. Сегодня мы играли в пирата и его пленницу. Оленька очень правдоподобно просила пощады, а я не менее правдоподобно выполнял свою роль. Хе-хе!. Такие спектакли для двоих мы придумывали длинными ночами и я, нет-нет, да беспокоился о внеочередной беременности заканчивающей кормить грудью женушки. Не удивительно, что вокруг у всех дети погодки, когда жена, не успев докормить грудью первого младенца, зачинала следующего. Кондом что ли изобрести?!

Весна стучится в окно звонкой капелью и солнышко обещает скорое тепло. В этом году я очень надеюсь на то, что от меня не потребуют участия в боевых действиях, так как со мной на Балканах стажировались два поручика, оставшихся командовать в артиллерийском полку. Еще можно дать небольшой чин командирам орудийных расчетов и поставить их на отделение. Но видимо, военные решили больше не афишировать секретное оружие, оставив этот козырь для Наполеона. Так что, как только дорога просохла до приемлемого состояния, наша колонна с домочадцами немедленно выехала в Крым, взяв на этот раз с собой Александра Никитича, которому матушка поставила ультиматум. Пришлось ему сдаться и отправиться в свой первый отпуск, о чем в дальнейшем он ни капли не жалел. Мы взяли с собой десять человек охраны из вольных казаков для обеспечения безопасного путешествия и охраны во время отдыха. Крымские татары периодически втихую выходили на разбой, поэтому все мужчины были вооружены. Но бог нас берег, и дорога и отдых прошли без происшествий. Надо ли говорить, что вернулись наши женушки слегка беременными, смущая Машку своими подколками. Ее свадьба назначена на конец ноября и она до ужаса боялась первой брачной ночи. Я успокаивал ее, пообещав устранить все повреждения, и со смехом предложил подежурить у дверей спальни. Она вспыхнула краской на щеках, но задумалась. В назначенный день мы выдали сестренку замуж и счастливая новобрачная уехала жить к жениху, забыв свои страхи. Надо сказать, что я сдержал обещание и, когда пьяные гости рассматривали простыню, без затей зашел в спальню и подлечил сестренку. Видимо поэтому молодожены выползли из спальни только на третий день. О чем нам со смехом рассказывала потом мать жениха.

У нас с Оленькой опять период, когда она играет капризную девочку с растущим животиком, а я всячески угождаю ее прихотям. Нам обоим это безумно нравится, так как ее чувствительность в некоторых местах начинала зашкаливать. Я пользовался моментом и с удовольствием провоцировал ее на близость играя с набухшими титечками, проверяя на наличие заветного нектара.

— Милый! Ты сегодня уже проверял! Чем это кончилось?!

— Ну, ты же осталась довольной!

— Я слишком быстро возбуждаюсь. Это меня нервирует. Боюсь, ты ко мне охладеешь!

??? — делаю изумленные глаза, отрываясь от любимой левой.

— Поясни! — прервал увлекательный процесс, надеясь услышать, что то новое.

— Ты можешь получить комплекс неполноценности, когда я уже, а ты еще не начинал! Боже мой! Простонал я про себя. Женщина в положении — это что-то!

— Хорошо! Будем тренироваться, чтобы у меня не развился этот комплекс, — зарываюсь лицом между тяжеленьких грудей и нежно поглаживаю выпирающий животик.

— Как думаешь? Мальчик или девочка?

— Я думаю девочка.

— Почему?

— Ты опять любил меня сзади, а я ела мандарин.

— Так это было уже после!

— А до этого ты катал меня на волнах, и водоросли запутались на моих ногах.

— Это когда мы оба не смогли ничего почувствовать?

— Но ведь потом ты все таки сделал свое дело, и песок натер мне попу.

— А! Ну тогда да! Будет точно девочка!

— Нет! Я вспомнила! Это же было под магнолией! Помнишь, когда мы все играли в прятки?! Ты так торопился, боясь, что нас найдут. Точно будет мальчик! Мужики всегда торопятся!

— А может все же девочка? Помнишь, как ты долго махала Маше и Андрейке из окна, с поднятым сзади платьем? Тогда я точно не торопился!

— Очень может быть, — проговорила она задумчиво. — Я тогда чуть из окна не вывалилась и шляпка у меня упала. Точно девочка будет! — Она вздохнула и повернулась ко мне тылом, чтобы живот не мешал. — Ты только сильно не толкайся и глубоко не заглядывай. Вдруг там все-таки девочка.

Так шло время. Фабрики исправно работали, животы у мамы и дочери росли, Машка тоже беременна. Я занимаюсь немного физкультурой, немного творчеством прогрессора, а в основном детьми и женой. В марте сначала Оленька, а через три дня Елизавета Матвеевна успешно разрешились от бремени, в чем я активно помогал, невзирая на недовольство акушерки. Опять же благодаря мне, они быстро избавились от последствий родов и уже через неделю радовали окружающих своими стройными фигурами с чересчур увеличенными верхними девяноста. Оленька родила все-таки мальчика (не срослась наша ромашка), а маман девочку. Теперь в нашей семье почти половина мальчиков — пять вместе со мной, и половина девочек — четыре, вместе с Машкой и Олей. Хлопот с одной стороны прибавилось, с другой уменьшилось, все счастливы и довольны.

Страна потихоньку воюет, то со Шведами, то с Турцией и Персией одновременно. Оружейные заводы по-тихому начала производство патронов, хотя мы их и не афишировали, и разработала под них ружье с казнозарядным механизмом. С нарезками ствола они так и не справились, так что о точности можно было пока забыть. Зато скорость заряжания возросла. Но учитывая, что заряжать приходилось по-прежнему по одному патрону, то не сильно то и намного. Ну как не сильно, раза в два примерно. За год сделают пару тысяч винтовок. А там и Наполеон нападет. В общем, не спасет нас винтовочка. А вот артиллерия — да! На двух заводах день и ночь льют пушки. Думаю, для французов будет большой сюрприз!

Сегодня озаботился созданием магазина для винтовки. Нарезы в стволе для меня недоступны, так хоть такую идею протолкну. Опять же кроме идеи и основного принципа пружинной подачи патрона снизу, ничего не имеется. Поэтому порисовал, порисовал и отправился в Тулу к своему мастеру. Винтовку нам, к сожалению, достать не удалось. Государство жестко сохраняет секретность. Поэтому плюнул, и вернулся со вторым револьвером. Двенадцать выстрелов в ближнем бою все лучше, чем шесть.

Незаметно пришла весна. Малыши окрепли и округлились от обильной кормежки. Постройневшая Оленька и вынужденные ограничения на секс в предыдущие месяцы, создали все условия для очередного медового загула. Мы снова наслаждались друг другом, как прежде. Иногда, совсем как молодожены, совершали рискованные поступки, когда неожиданная страсть захватывала нас в ненадлежащем месте. Зато от этого бурлила кровь, и мы изрядно веселились, заставляя нашего бедного возничего по часу катать по городу карету с закрытыми занавесками.

Уже можно было отправляться с семейством на море, но я решил подождать, жертвуя целым месяцем. Дело в том, что должна родить Машка, а я не мог положиться на случай в этом деле. Поэтому выехали в конце июня, когда Маша родила мальчика, и я полечил ее

вместе с новорожденным. Уже со спокойной душой целым караваном с детьми, няньками и охраной, неспешно с остановками отправились в южную даль. Это наше последнее лето перед вторжением Наполеона. Правда тот нападет вроде в августе, но все ведь может измениться, как у нас с пушками.

На этот раз приключения нас все-таки нашли. Татарские абреки ничего лучше не придумали, как устроить засаду на очередном повороте узкой дороги. Справа довольно крутой склон к реке, поросший лесом, слева более крутой подъем в гору. Бандиты засели впереди на верхнем склоне за большим камнем и разрядили залпом свои мультуки. Двое казаков упали, один вместе с лошадьёю.

— Сзади прикройте! — кричу казакам и, ни секунды не медля, несусь в сторону стрелявших, не давая им времени перезарядиться. Не знаю как, но я запрыгнул на камень выше моего роста и увидел внизу под собой четыре изумленные рожи. Улыбаюсь им и разряжаю свой револьвер. Двое упали только со второй пули, поэтому один пистолет оказался разряжен полностью. Тут загрохотали мушкеты моих казачков, расстреливая показавшихся сзади конников. Те частично попадали и ломанулись в обратную сторону. Как итог, двое раненых казаков, одному разворотило плечо, второму сломала ногу убитая лошадь, убито семь абреков, две лошади и еще две достались целыми. Малые дети ревели, женщины отпаивались ликером. Перебинтовали раненых, я сразу их незаметно подлечил, собрали холодное и огнестрельное оружие, а казачки отловили трофейных лошадей. Посадили раненых в телегу и поехали дальше, уже без приключений. Всю добычу оставил казакам, чем заслужил одобрителный взгляд их командира.

Дворец встретил нас, как родных осыпая с деревьев абрикосами и маня спелой черешней. Детишки с визгом бросились лакомиться. Мы переоделись и поспешили в беседку у моря отдохнуть с дороги и помедитировать под шум волн. Расторопные слуги организовали тут же стол со свежими фруктами, лепешками, белым сыром и красным вином. Буржуи!? Скажете вы. Да! Буржуи! Но, такое время! Мне повезло, но еще я же трудился, воевал, добивался! Поэтому, идите все лесом! Я зарываюсь в густые волосы моей любимой, вдыхая родной запах с примесью аромата соли и сушеных водорослей. Моя супружница вздохнула и замурчала как кошечка. Тестя к огорчению нашей матушки с этот раз с нами не было, поэтому мы с Оленькой старались ее не дразнить и не демонстрировать при ней открытых проявлений чувств. Зато в спальне или на нашем секретном пляжике мы предавались то нежному, то безумному, то игривому и пылкому соединению тела и души. Нашу кожу покрыл ровный загар, когда мы, как два голых первобытных человека, лежали на разбросанных на песке одеялах, укрытые от посторонних глаз в укромной бухточке густыми зарослями и морем. Наша дочка превратилась в смешного белокурого ангелочка, особенно когда голенькая возилась в песке у прибоя, являя миру попу с ямочками и пухлые детские ножки. Андрейка уже всюю плавал, вызывая тем самым беспокойство Оленьки, но я его контролировал, настрого запрещая купаться без взрослых. К счастью на наш детсад с тремя детишками и двумя младенцами имелись аж три няньки. Две для каждого грудничка и одна для маленьких бандитов, которые часто носились по саду, пугая птиц своими визгами. Алешка уже вырос в складного подростка и ходил с казаками на охоту, щеголяя подаренным на пятнадцатилетие ружьем. Отдых подсказал мне идею нарисовать устройство велосипеда и самоката. Это потянуло за собой зарисовку шариковых подшипников, роликовых и до кучи конусных. Затем для души рисовал самолеты, начиная от бипланов, кончая многомоторными гигантами. Таки провел все лето, вроде ничего не делал, но с пользой. Польза для здоровья

детей и жен и польза для будущих технических разработок.

Постепенно, с приближением осени, стал задумываться, а не остаться ли тут на зиму. Но первый же шторм, вымел эти мысли из головы и в начале ноября мы уже были в Городе. Александр Никитич соскучился и встречал нас еще далеко за городом. Радости Елизаветы Матвеевны были полные подолы. Первым делом, на следующий день, навестил Машулю и ее сыночка. Провел профилактическое лечение, выставил большую корзину фруктов и рассказал о прошедшем отдыхе. Она поделилась семейной жизнью. Все у них с мужем хорошо и в интимном плане тоже. Договорились, что весной берем ее и ребеночка с собой.

Всю зиму я строгал, пилил и клеил модель паровоза и два вагона пассажирский и грузовой. Клеил, красил как маленький ребенок, но результат в будущем должен быть очень серьезным. Наш семейный бизнес ширится и растет, распространяясь как раковая опухоль, во все сферы деловой активности империи. Как и любой корпорации, пришлось создавать сопутствующие компании, типа газет, рекламных агентств, содержать вооруженную охрану, прачечные комбинаты, жилье для рабочих и тд и тп. Я мудро не лезу во все это, оставляя весь геморрой Александру Никитичу и толпе управляющих. Мой вклад это идеи, которых накопилось столько, что не осилить никакому капиталу в этом времени.

С супругой с нового года перешел на безопасный секс. Нет, презерватива я не изобрел. И с графиком овуляции я не знаком. Просто стал финишировать вне гостеприимного домика, чем поверг свою любимую, в первый раз в искреннее недоумение.

— Что случилось милый? Тебе так понравился мой животик? — спросила супружница, размазывая пальчиком мое творение.

— Понимаешь, милая. Я тебя очень люблю, и мне не хочется, чтобы ты все время только и делала, что рожала детей. К тому же, следующий год будет очень сложным. Нам надо поберечься.

— Хи-Хи! Может, ты просто хочешь поиграть в новую игру?!

— Нет, моя дорогая! Я хочу, чтобы тебе было полегче, и я буду более спокоен вдали от тебя.

— Вдали?!

— Да. Назревает война с Наполеоном. Можно сказать она неизбежна! Мне придется воевать, а вы переждете в Крыму. Именно поэтому, пока никаких детей!

— Ну, хорошо! Может тогда массаж?! Как в детстве! — она лукаво улыбнулась, закусив локон волос и пошевелила пальчиками ног.

— Боюсь, что тебе это уже не поможет, даже если я изгрызу твои ножки по колено.

— А вдруг! Давай попробуй, а я отблагодарю тебя своими сисями. Они теперь гораздо больше, — она выпятила грудь и колыхнула ими, вводя в искушение. Естественно, после такого, я не мог не согласиться. Массаж ножек, в итоге, плавно перешел в массаж всего тела, и закончился на маленьком бугорке, заставив жену со стоном капитулировать. Затем меня наградили за старания, получив неплохой крем на шейку и пышную грудь. Вот, какой я полезный! Ха-ха! В итоге весной я вез на море одну беременную и двух не беременных женщин. Наш батя так старался после долгой разлуки, что сделал матушке очередного ребеночка, о чем горестно вздыхал под рюмочку ликера.

— Ну как?! Как можно не любить такую женщину. Вот скажи! Вы же любите?! А от этого появляются дети, а моя Лизонька уже не молода! Вот скажи! Что мне делать?!

Про себя думаю, что мой метод тут не подойдет, не то воспитание. Других идей не было, поэтому я только грустно вздохнул:

— Да! Нашу матушку не любить невозможно!

Вот и едет теперь она, смущенно пряча живот от старшей дочки и Машки. Ехали расширенным караваном, везя дополнительных работников и постоянную охрану из двух десятков казаков. Время наступает беспокойное, и я озаботился об усиленной охране поместья. Машка едет со своим карапузом и грустит от расставания с мужем. Это она еще не знает о грядущей войне, тогда бы вообще не увез! Неспешное путешествие закончилось благополучно, и мы растеклись по дворцу, радуясь его прохладе. Два месяца пролетели быстро, наполненные солнцем, морем, конскими прогулками и, конечно, любовью.

В середине июля выехал на службу, о чем заранее отправил рапорт. Приехал в полк, аккурат за два дня до начала военных действий. Быстро принял роту, когда пришло известие, что Наполеон уже под Смоленском. Наш полк немедленно выступил, но к первому сражению не успел. После двухдневного осады, Смоленск был сдан и наши войска уже отступали, отбиваясь от неприятеля и выставляя заслоны. Мы в составе Багратионовских подразделений, тем временем вовсю строили флешы для батарей, из которых состояли защитные редуты и готовились к знаменитому Бородинскому сражению. В моей роте было двести пушкарей и еще сотня тыловиков. Орудий нового образца сорок штук и все они сосредоточились на маленьком участке земли. Артиллерии выделили почетное место в середине обороняющихся войск, и мы как кроты перекидывали массы земли, поднимая на них свои пушки. Удачно, что расположились на небольшой возвышенности, и предстоящее поле боя было как на ладони. Наши отступающие войска обеспечили своими жизнями время для подготовки и к утру двадцать шестого августа мы, даже успели немного отдохнуть.

Завтра решающее сражение! У Русской армии появился козырь, который может и должен изменить ход сражения, закончившегося в моем времени неявным поражением. Если мы сможем сделать все как нужно, то сохраним множество жизней и история пойдет по новому пути. А пока мы сидим с солдатами у костра и едим вкусную кашу на сале с большим количеством мяса. Завтра поесть вряд ли получится!

Глава 23

На рассвете все надели чистое белье, помолились и выстроились у пушек. В пять утра загрохотало, и противник обрушился на южные флешы. Целый день мы слушали канонаду пушек и всматривались в клубы дыма, гадая о происходящем и не в силах вмешаться. К вечеру стало ясно, что Русские войска выстояли, но как сообщили вестовые с большим трудом. На следующий день наступила наша очередь и наш триумф. Наполеоновская артиллерия примерно в сто орудий стала выстраивать свои батареи напротив нас, готовясь провести артподготовку. Багратион приказал открыть огонь на упреждение. Мы были давно готовы и по команде тут же произвели первый залп. Для новых орудий такое расстояние до противника было ничтожным, поэтому стреляли почти прямой наводкой. Понадобилось всего три залпа, чтобы смешать с землей сотню вражеских пушек и тысячу солдат. Фугасные снаряды взрывались с чудовищным грохотом и поднимали в воздух тонны черной земли. Французские колонны пехоты замерли вдалеке, так и не услышав команды для атаки, с ужасом наблюдая участь своей артиллерии и полка прикрытия. Через два часа пушки опять загрохотали, но уже справа от нас. Как оказалось, стреляли опять наши, уничтожив вражескую артиллерию, сделавшую попытку атаковать в другом месте. Наполеон до обеда гонял свои войска по флангам, пока наконец бесчисленные шеренги солдат стройными коробками не заполнили поле перед нами и двинулись в наступление. Вот тут для них и наступил ад! Наши скорострельные пушки образовали фронт разрывов и как гигантской метлой начали сметать бело-синие фигурки с лица земли. Такого этот мир еще не видел! Задние ряды французских войск в ужасе попятился перед огненным валом, а затем побежали. Успех был полный! Настырный Наполеон еще два дня ходил кругами, пытаясь нащупать слабое место в обороне русских войск. Но почти в каждой редуте имелась как минимум одна батарея новых пушек и они правили бал, настигая врагов на немыслимых расстояниях. На четвертый день стало ясно — французы отступают! И уже тут, наши войска как волки надели на огромного зубра, отщипывая от него клочки шерсти с мясом. Кутузов опять не оплошал, он быстро понял расстановку сил и дальнейшую перспективу действий. Не сближаясь, мы сидели на хвосте у удирающей добычи и громили его арьергардные части из дальнобойной артиллерии. Отчаянные попытки контратаковать пресекались массированным огнем, не оставляя ничего живого. Так почти целый месяц мы гнали Наполеона до самого Парижа, пока один удачный обстрел не пресек жизненный путь великого полководца. Наши солдаты с триумфом вошли в столицу Франции, навевая шороху среди парижан и парижанок. Нет! Никто никого не ссильничал, все исключительно за деньги, или по обоюдному согласию и только с женщинами, ха-ха!

Следующие несколько месяцев мы наводили в Европе порядок, наказывая неразумных и восстанавливая справедливость. Были открыты все карты и мы демонстрировали свои козыри в Италии, Швейцарии и на Балканах, окончательно выгнав турок из Венгрии и далее везде. Вернулись на родину только в начале весны, где на всех посыпался дождь наград и милостей. Народ высыпал на дороги, по которым шествовали возвращающиеся домой войска, и встречал хлебом с солью и обильным угощением. В столице устраивались торжественные приемы и балы, где в обязательном порядке присутствовали кавалеры орденов и, чем больше их было, тем престижней считалось мероприятие. Я получил очередной чин майора и орден Георгия четвертой степени. Так же мне было пожаловано

имение в Н-ской губернии и триста душ крестьян, проживающих в трех деревнях. Теперь я стал настоящим помещиком! Хотя совсем и не стремился к этому. Придется теперь придумывать, как построить передовой колхоз Ильича. Ха-ха! Попросил Александра Никитича присмотреть за именем и подобрать к нему хорошего управляющего. Тесть получил орден Белого Орла и повышение в чине до четвертого ранга. Мое имя, как изобретателя нового оружия, похоронено под многими грифами секретности, поэтому основная слава досталась тестю, но я не в обиде. Он заслужил! Без него не было бы меня в том качестве в котором нахожусь и тем более новых пушек.

В очередной раз расстался со службой и верхами, так как по весенним дорогам еще не проехать, в сопровождении двух казаков отправился в Крым. Тот встретил меня буйным цветением и тюльпанами вдоль дорог. Когда за очередным поворотом открылась долина с нашей фазендой, сердце учащенно забилось, и я не выдержав дал шпоры коню. Проскочил пост охраны, которые чуть не принялись палить, но, узнав, лишь помахали вслед головными уборами. Как специально, весь детсад с няньками гулял в саду и, увидев меня стали кричать, что папка приехал. Конечно папка! Я не делаю разницы между детишками. Пришлось спешиваться и обнимать малышей, устроивших кучу малу. Тут нарисовалась маман и отругала меня за антисанитарию, велела идти мыться и уже потом с детьми вошкаться. Я чмокнул ее в щеку и поспешил в свои апартаменты. Моя милая еще на подходе к нашей берлоге повисла на мне, сначала визжа от радости, а потом плача от избытка чувств. Надо ли говорить, что с шеи она так и не слезла. Пришлось снимать одновременно одежду с себя и с нее пока она, хихикая и ежась от щекотки, обнимала и гладила меня, проверяя на предмет новых шрамов. С удивлением не нашла и уже не отвлекалась от своей любимой игрушки, которая тоже была очень рада встречи с ней. Нас с младшим быстро помыли и вот мы с любимой уже одно целое, пронзенные амуром и задохнувшиеся от остроты чувств. Первый раунд почти сразу перешел в крещендо. Я был на взводе, да и Оленька у меня впечатлительная барышня. Небольшой сбой не помешал нам продолжать наслаждаться друг другом и вскоре, из незакрытого в спешке окна, двор огласил ее счастливый крик.

На последующем совместном обеде дамы весело подшучивали над Оленькой о ее несравненном голосе, советуя начать петь романсы. Она, ничуть не смущаясь, в ответ подкалывала маму и сестренку, что у них то, как раз голоса нет, намекая на отсутствие мужей. И дальше в таком же духе, мол завидуйте молча. Елизавета Матвеевна родила зимой очередную девочку, и я уже успел ее немного подлечить. Теперь я это делаю походя, не прилагая особых усилий. На войне приходилось много и быстро лечить, вот и напрактиковался. Алешка первый попросил рассказа о победе над французами, и я целых два часа рассказывал и рассказывал. Особенно дам впечатлили масштабы сражений и количество погибших. А еще они живо интересовались, как были одеты парижанки, а Оленька встрепенулась и стала подозрительно на меня поглядывать. Тут маман отыгралась за поражение в предыдущих дебатах и довела доченьку до ревности, когда начала обсуждать распущенность нравов у французских женщин. Я конечно отнекивался и утверждал что ничего особенного не заметил, но вечером все же изрядно выдохся, доказывая, что все Оленькины подозрения не стоят и ломанного гроша. Я оказался весьма убедителен и довел любимую до состояния полнейшего изнеможения, после чего она счастливая отправилась на свидание с Морфеем.

— А они, правда распущенные? — приставала на следующий день Оленька, когда мы решили устроить конную прогулку вдвоем.

— Никто в Европе не сравнится по красоте с русскими женщинами, разве что сербки, но они по сути тоже нашего корня. А уж с тобой, моя милая, не сравнится никто в мире! — Получил признательный взгляд и вздох, от невозможности подарить благодарный поцелуй. Вскоре ей такая возможность представилась, когда мы наткнулись на берегу небольшой речки с целой поляной цветов. Сначала мы восторженно побегали по ней, бегала конечно Оленька, а я просто любовался. Затем она сплела венок и уже потом прильнула благодарным поцелуем. Наши тела плавно опустились на цветочное ложе, пьянящее своими ароматами не хуже вина и отдались своим чувствам, потеряв чувство времени и пространства.

— Теперь надо мной опять будут смеяться, — произнесла Оленька, разглядывая истерзанное платье с зелеными пятнами на попе и спине, а также со следами моих бурных чувств. — Может, уже не будешь предохраняться?! Так мы никаких платьев не напасемся! Сашуле уже два годика. Пока то, да се будет три, когда придет время рожать.

— Ты разве опять хочешь ходить с животом? А потом страдать при родах? — целую прекрасную и удовлетворенную женщину, любуясь озабоченным лицом.

— Ну, это все временно, зато я смогу чувствовать тебя полностью. Хочется иногда понежиться, не размыкая объятий. Мне этого не хватает. И потом, у нас получаются милые детки, а еще тебе нравится мой животик, а еще...

— Стоп, стоп! Я тебя понял! Может ты и права. Подумаем на свежую голову и решим.

Вернулись мы по всем правилам военного времени. Сначала я произвел разведку на наличие язвительных язычков и острых глаз, потом уже по моему знаку пробежала моя супружница. Мы весело поплескались в мраморном бассейне, смеясь над собой и радуясь жизни.

Каждый день до обеда мы занимались детьми, развлекаая и общаясь со всеми. Вторая половина дня заканчивалась по разному, в зависимости от нашего настроения. Мы могли валяться в беседке в компании мамы, сестренки и иногда Алешки, развлекаая друг друга разговорами и угощаясь дарами южных садов. Но чаще мы сбегали вдвоем на свой любимый пляжик и любили друг друга. Я поддался на уговоры и теперь от души засеивал пещерку своими семенами, доставляя тем себе и жене немало удовольствия.

В один из дней приехал Александр Никитич с мужем Машеньки, подняв небольшой переполох. Сначала они принялись обнимать своих супружниц и детей затем уже я с ними расцеловался.

— Как хорошо, что вы приехали, батя! Нам вас не хватало! Обязательно на охоту надо съездить!

Но на охоту мы выбрались только на третий день, уж очень тяжелые ночи оказались у охотников. Ха-ха! Когда мы наконец выехали, оба моих компаньона были сонными и довольными жизнью. Папа привез таки десяток новых ружей, заряжающиеся нашими патронами. Они были снаряжены как пулями, так и картечью с дробью. Калибр примерно соответствовал шестнадцати миллиметрам и являлся, по сути, аналогом охотничьего ружья из моего времени. Только вот зарядка совершалась совершенно неожиданно, как у пушки, утяжеляя ружье массивным затвором. Вспомнил о своем проекте ружья и магазина для патронов. Поставил себе галочку, чтобы потом отдать его названному отцу. Пусть зарабатывает очередной орден или чин.

— Ты не представляешь, Вася! Как теперь высоко мы сидим! Сам император курирует наши поставки оружия. Денег девать некуда! И иностранцы в очередь выстраиваются ко мне на прием, ха-ха! А я их мурыжу! Пусть знают, как с Наполеоном дружить!

— Совершенно правильно, папа. Им только и надо свой карман набить. А если еще при этом нам нагадят, будут счастливы безмерно.

Иван, Машкин муж, не встречал, как самый молодой, а молча наматывал на ус. Похвальное качество! Работал он на нашу фамилию, набирая опыта и помогая в делах нашему главе. Хорошо и мне, что есть такой доверенный помощник, и я могу сибаритствовать рисуя свои прожекты.

Вскоре взлетел первый фазан. Потом они забегали из всех кустов, и мы с удовольствием постреляли, набив сумки дичью.

Вечером под фазанов распивали с дамами красное вино и спорили кто больше настрелял.

— Нет, Вася! Тот фазан за камнем был мой! Я ведь первым выстрелил, а ты бил уже по упавшему.

— Так он потому и упал, что ты промахнулся! Я же видел, как он на ноги вскочил и собрался бежать!

— Ну, и не стрелял бы! Тогда сейчас не спорили бы!

— А азарт?! Кто бы, не стрельнул?!

— Это, да! Славно поохотились!

Распили мировую и отдали должное лесным курочкам.

Через три недели тесть с шурином уехали, оставив своих благоверных в слезах и возможно опять беременными. С жалостью осмотрел нашу маман и увидел в ее чреве зародыш будущей жизни. В расстройстве попробовал его растворить, как в прошлом ее опухоль и у меня получилось. Я аж вздрогнул, когда это произошло. Потом на меня накатила радость от понимания, что можно избавиться от череды беременностей, пеленок и десятков детей. А что?! Не мрут, они у нас! Маг я или не маг?! Со сто процентной выживаемостью и невозможностью предотвратить зачатие, моя Оленька скоро станет трижды матерью героиней. Поэтому, ту же самую операцию втихую проделал со своей благоверной и Машкой. Пусть хоть это лето проведут как следует, а зимой можно и размножиться. Ха-ха!

Получив такой козырь, я предался разврату как последний школьник, изумив и покорив свою любимую.

— Ты мой неукротимый жеребец! — шутила она, когда я заваливал ее в самых неожиданных местах. — Мне уже стыдно перед Машей. Она же видит наши отношения. А ее утешить некому!

— Ну, так поиграйся с ней! Чему я тебя учил?!

— Ах ты, развратник! Как у тебя язык поворачивается такое говорить?!

Но вижу, что толику сомнения я в нее заронил. Потом были еще разговоры на эту тему, пока однажды я не увидел эту парочку выходящими по морю из нашей бухточки. Оленька светилась довольством, а Машка шла как сомнамбула, пламенея румянцем на щеках. Я понял, что напряжение снято, причем видимо обоюдно и порадовался за девушек. Теперь хоть сестренка, поспокойней будет.

Мы пробыли в своем раю до самых осенних штормов и только тогда выехали в свой Город. По дороге сменили колеса на полозья и уже по снегу докатили в теплых кибитках.

Дом есть дом! Наша большая семья зажила в зимнем ритме, отдавая предпочтение семейным вечерам, редкому приему гостей и еще более редкому хождению к ним. Я опять занялся творчеством, зарывшись на этот раз в экономические вестники и справочники. С огорчением готовился провести лето не в любимом Крыму, а в столице, организовывая

первое в мире общество Российских железных дорог. Сверстав черновой план, пошел сдаваться на суд Александра Никитича.

— А я все думаю, когда же ты меня опять удивишь! — произнес он, прочитав мойopus и разглядывая игрушечный паровоз с вагонами.

— «Российские Железные Дороги»! Звучит! Значит из Петербурга до Москвы можно за двенадцать часов доехать! А паровоз сможет тащить десять вагонов по сорок тонн каждый. Ну, Василь Иванович! Вот же, сукин сын! — тесть привычно потянулся в бар за ликером. — За это надо выпить! — И мы выпили! Да так, что Оленька долго смеялась, когда я целовал подушку вместо ее лица.

— Ах ты, горе мое! Опять, с папа про дела разговаривали?! Лежи уже! Толку от тебя сейчас никакого! Разве что вишневым запахом наслаждаться. Ха-ха-ха!

Тесть так загорелся идеей, что уже к рождеству сказал готовиться к поездке в столицу на подписание учредительных документов общества на паях по строительству и эксплуатации железной дороги, первая ветка которой будет Санкт-Петербург — Москва. Ушлый тесть включил в общество несколько влиятельных фигур, одна из которых была из императорской семьи. Благодаря этому и тому, что почти все финансирование ложилось на плечи нашей семьи, дело стремительно пронеслось по проектным и согласовательным учреждениям и ждало только окончательных подписей на готовом документе. У нас с тестем было шестьдесят процентов в доли предприятия у всех остальных сорок. Довольный тесть потирал руки и дымил трубкой, рассматривая карту Российской Империи и прокладывая первоочередные маршруты.

— Вторую ветку потянем через всю страну на промышленный Урал, — планировал он. — А третью на юг, чтобы на «дачку» ездить удобно было. Ха-ха-ха!

В столицу решил взять с собой жену с детками и няньку, конечно. Пора выгулять мою красавицу по столичному бомонду, да и самому посмотреть интересно. Вдруг встречу Наташу Ростову или Волконского. Надеюсь, он не погиб на войне с Наполеоном. Нашу теплую кибитку с небольшой железной печкой внутри тащили четыре коняшки. Я самолично спроектировал небольшой спальный вагончик для путешествия всей семьей. Поэтому ехали хоть и в тесноте, но с комфортом, относительным конечно. Впереди ехали сани с охраной. На безопасности я не экономил, хотя на столичном тракте давно уже никто не разбойничает. Но, как говорится, береженого — бог бережет.

В Питере заселились в купленный год назад особняк на набережной Невы. Дома было тепло, так как он служил штаб квартирой для тестя который приехал раньше нас на две недели. Думается, скоро и он и мы вынуждены будем переехать в столицу, так как наша промышленная империя требовала постоянного руководства, логистика которого расходилась именно отсюда. Было уже темно и управляющий со слугами быстро разместил нас по комнатам. Усталые от дороги мы быстро закопались в перину и уснули сном младенца.

Через день состоялось подписание документов товарищества на паях компании «Железные Дороги России» и помпезное открытие его представительства с огромным щитом перед воротами, на котором во всей красе мчался могучий паровоз, выбрасывающий красивые клубы дыма из трубы. Как вы думаете? Чья это была идея?! Несмотря на мороз, было много народа, так как сам император изъявил желание перерезать ленточку в знак открытия такого нужного для страны начинания. Делал это он совместно с тестем, что сразу вывело наше предприятие на космическую высоту. Было много корреспондентов, которые на морозе что-то записывали и пытались зарисовывать. На ум пришло слово «фотография» и я вздохнул от огорчения, не зная ничего о ней.

На этом мои дела закончились, и мы с Оленькой окунулись в светскую жизнь. Сходили в театр, посетили пару модных салонов, где собирались самые сливки общества. Нас, после выхода газет, засыпали различными приглашениями на всевозможные сборища и балы. На первом же явлении у графов Воронцовых, мы оказались в центре внимания и к концу вечера у меня и у жены все смешалось в мозгах от непрерывного мелькания лиц, желавших обязательно быть представленными нам. После второго подобного вечера, мы с Оленькой решили больше на них не ходить. Очень уж это мучительно, чувствовать себя чужим в этой толпе и представлять для них диковинную зверушку. Для разнообразия посетили императорский бал и с удовольствием потанцевали, поражаясь масштабом огромного дворца и пышностью одежд приглашенных. Наташу Ростову я не встретил, но были прелестные представительницы знатных семей, которые не испугались моих корней и делали недвусмысленные намеки, что не прочь, чтобы их пригласили на танец. Оленька тут же настояла, чтобы я обязательно потанцевал с ними, абсолютно доверяя мне в этом вопросе. Стоило только оставить ее одну, как она тут же была атакована несколькими кавалерами, спорящими между собой за право пригласить мою красавицу на танец. В общем, мы блистали и вечером в постели со смехом делились подробностями своих личных достижений.

В столице решили остаться до весны, не видя смысла в возвращении в Город, испытывая тяготы долгой дороги. Лучше уж сразу поехать весной в свой любимый Крым, захватив по дороге остальных домочадцев. Я, в меру своих сил, консультировал инженеров, соединявших паровую машину с приводом на колеса. В принципе, все свои мысли я уже записал в проекте, начиная от большого паровозного котла для парообразования, до водокачек на пути следования. Но иногда удавалось подсказать решение и в мелких технических проблемах. Все же даже мой малый опыт в технике, был выше, чем у многих местных инженеров.

Тем временем параллельно шло строительство паровозного завода в Нижнем Новгороде, одновременно заготавливались шпалы, прорубались просеки под будущую дорогу, а на уральских заводах отливались рельсы. Деньги утекали рекой и возвращались множеством ручейков. Я отдал тестю свой проект многозарядной винтовки, который он оценил по достоинству, в очередной раз напоив меня ликером. Будет еще одна речка денег, в копилку нашего дома.

После войны и шороха, который мы навели в Европе, империя разрослась до невиданных прежде размеров. В ее составе находилась Финляндия, вся Прибалтика, часть Пруссии с Калининградом, то есть Кенигсбергом, Польша, Бессарабия, часть Болгарии и

Венгрии. К нам под руку просились Сербия и Греция, но пока решения не было. На юге к нам присоединены Грузия, Абхазия, Азербайджан и Армения. Семимильными шагами шло освоение дальнего востока. Я задумался в конце концов о политике, но все же решил не вмешиваться, так как на наш с Оленькой век, спокойно жизни должно хватить. Но совесть заставила сесть за книгу, которая могла немного помочь в будущем. Она называлась «Империи и их ошибки». Я, как мог, описывал античные империи и подводил на их примере, как можно было бы, избежать их падение. Закопал в тысячах слов крамольную мысль, что вершителем судьбы являются не правители или знать, а простой народ, который в критические годы сметет, как половодье мусор, всю накипь в виде присосавшегося к нему дворянства. Умные люди, прочитав эту книгу поймут, а дураки ее и в руки не возьмут. Дописал и спрятал эту мину замедленного действия в сейф. Пусть потомки ломают головы после моей смерти.

Весной вернулись в Город, где обнаружил, что Машка опять беременна, а маман чудом смогла избежать подобной участи. Видимо железная дорога настолько поглотила нашего главу, что на жену у него не оставалось времени. Ну, и хорошо! И так три маленьких ребенка в ее возрасте уже достаточно. Буду теперь следить за ее здоровьем. Иначе никакого капитала не хватит на всех наследников, ха-ха! Алешка совсем вырос и стал симпатичным юношей, почти как я когда то. Его осаждали сразу несколько девиц, с целью захомутать ценный экземпляр, но он успешно с этим справлялся под моим чутким руководством. Всего то, надо было нанять симпатичную содержанку и периодически проверять ее на предмет беременности. Вот такой вот я нехороший! Зато мой братик довольный и семья спокойная. А барышни пусть тренируются! Забрал и его с собой в Крым, пусть развеется, отдохнет на природе.

Наш караван без приключений добрался до нашей летней резиденции, за исключением неудобства для Машки, которой порядочно мешал большой живот. Я конечно ей помогал, но живот от этого не стал меньше. Добрались, и добрались! Мы с женой сразу же забрались в свой бассейн, где она разнежившись задала вопрос, к которому я не был готов.

— Милый! А ведь мы с тобой с прошлого лета не бережемся. Машка беременна, а я нет! — и смотрит так, испытующе. Я сделал невинное лицо и почти без паузы ответил:

— Ну, так природа решила! Дала троих детишек, сейчас посмотрит, как мы справляемся, потом еще даст. Или тебе мало?! — Вот женщины! Все им не так! Много детей плохо, мало тоже нехорошо. По моему, три — хорошая цифра!

— Просто, я волнуюсь. Вдруг я заболела!

— Вот, ты дуручка! — обнимаю ее и притягиваю в свои объятия, прижав к себе спиной и захватив в ладони божественные перси.

— Ты забыла уже, от чего я тебя вылечил?! Поверь мне, ты абсолютно здорова! Давай я тебя пощекочу...

Понятно, чем все в итоге закончилось. На первый раз отбился, а там что-нибудь придумаю.

Это лето я посвятил морю. Нанял небольшой парусник на котором мы всей компанией, за исключением беременной Маши, делали двух, трехдневные походы, изучая дикие и населенные берега нашего чудесного острова. Брали с собой охрану, палатки, нянек и дружным десантом высыпали на понравившийся нам берег и отдыхали одну или две ночи, осматривая необычные скалы или прелестные рощи. Я приохотился к морской рыбалке, и мы часто варили уху под звездным небом. Алешка с парой казаков обеспечивал нас дичью в

виде кабанов, косуль или горных коз. Было очень интересно и весело, особенно детям. Бедная Маша грустила дома и должна была вот-вот родить. Я же показывал на нее своей женошке и говорил, чего она могла бы лишиться, будь она на ее месте. Та задумалась и кардинально поменяла свое мнение, сняв с меня задачу придумывать отсутствие беременности в скором будущем. А так, нет живота и слава Богу!

Через неделю принял роды у Машки, которая от боли забыла о всяком стеснении. Я ее простимулировал своей энергией, благодаря чему все прошло достаточно быстро, а небольшие разрывы заросли как только вышел послед. То же самое сделал с пупком родившейся девочки со светленькой головкой. В нашу породу пошла!

Морские путешествия не прошли даром для моего творчества и под моим карандашом появился проект парохода, только не с колесами, а с винтом. Затем я рисовал силуэты военных броненосцев с пушками на палубах, затем торпеды и мины. Вдруг пригодится! Появился прожект построить корабль и отправится в путешествие, но взглянув на Оленьку и детишек, задвинул его на неопределенное время.

В середине лета нас навестили Александр Никитич и Иван, вырвавшиеся из объятий бизнеса, чтобы две недели побыть с семьей. Мы сходили с ними в очередной круиз, и я сделал бяку, показав тестю проект парохода. Он чуть не проклял меня и железную дорогу, загоревшись идеей тут же начать строительство парохода. Я его успокоил, сказав, что можно сделать все параллельно, тем более, что паровые машины у паровоза и парохода абсолютно одинаковые. Батя успокоился и стал планировать построить посудину к следующему лету и как мы на нем поплывем вокруг острова. Я подумал и попросил сделать две небольших корабельных пушки, если вдруг мы заплывем не туда куда надо. Тот, конечно пообещал, пригрозив не отправляться в путешествие без него. Как будто пароход уже почти готов! Меня торкнуло, когда стал представлять плавание на корабле, и со вздохом стал рисовать принцип работы генератора переменного тока, даже не надеясь на его создание в ближайшее время. Затем задумался о безопасности нашего райского местечка в случае войны с турками, с которыми постоянно возникали мелкие войнушки, которые вполне могли дойти и до морских сражений. Все это выложил тестю перед отъездом и попросил выбить в верхах бумагу о выделении нам нескольких пушек и роты солдат, которые встанут на наше полное довольствие. Тот пообещал попробовать все это повернуть, зная что деньги решают все. А когда они еще подкреплены связями, то это уже просто использование служебного положения, тем более у нас уже имеются прикомандированные военные, которые несут службу по охране наших объектов, имеющих важное значение для государства. Надеюсь, что моя растущая библиотека изобретений и есть достаточно важный объект для обеспечения ее охраны, а заодно и нашей семьи. Вызвал управляющего и поставил задачу строительства маленького городка, для будущего гарнизона из примерно ста солдат. Селить их решил в двухэтажных многоквартирных домах. Так как нам они нужны на постоянную основу, то сразу буду рассчитывать на солдатскую семью. Одна квартира — одна семья. Сначала солдаты проживут вместе, потом по мере поступления женщин будем расселять.

В этом году собрались в дорогу пораньше, так как Оленька неожиданно воспылала желанием посетить свое новое поместье, которое должно стать нашим с ней родовым гнездом.

— Стыдно, — говорила она. — Прошел год, а мы еще там не побывали! Что о нас наши крестьяне подумают?! — Вотжешь! Вырастил либералку! Что крестьяне подумают?! Но все же права, надо навестить имение!

Вот мы и вернулись уже в первых числах октября в родной Город. Долго не мусолили. Оставили детей на маман и няnek и налегке, вместе с загоревшимся ехать с нами Алешкой и кучером, рванули в пожалованное имение. От нас всего два дня пути. Повезло, сильных дождей пока не случилось, и мы добрались без приключений. Усадьба нам понравилась. Просторный дом, ухоженный сад. Управляющий встретил суетливо и не знал, как нам угодить. Мы отдохнули с дороги, осмотрели дом и парк и на следующий день вместе с управляющим отправились осматривать деревни. В первой же из трех я помрачнел от увиденного, хотя она почти не отличалась от той где жил я, когда очутился в этом мире. Но за время жизни в других условиях, мой взгляд изменился и цеплялся за серость и бедность окружающей обстановки. Размокшие, грязные улицы, маленькая церквушка и чумазые дети в рваных одеждах. Нас встретил староста и принялся кланяться и причитать о недороде, исполняя свою роль и прощупывая нового барина. Новый барин не повелся. Я попросил от него представить к завтраму список всех крестьян в его деревне, включая всех детей вплоть до младенцев, с этим и оставил его чесать затылок вслед нашему экипажу. Объехали еще две деревни и вернулись в поместье. Оленька радовалась, не увидев для себя ничего нового. Я же вспомнил свою шутку о создании «колхоза Ильича» и задумался. Поговорил с управляющим. Тот исправно отчитался о сборе урожая, выплате подушного налога, сколько имеется крестьян, много ли было болезней, сколько умерло за прошедший год. Все как в отчете фермера про имеющийся скот. Алешка тоже помнил нашу деревенскую жизнь, которая остро напомнила о себе при посещении крестьян.

— Видишь, Алешка! А ведь мы могли бы жить в этой деревне! Как думаешь, хорошо им живется?

— Плохо! Давай, что-нибудь сделаем!

— Вот! Умница! — Обнимаю его, ставшего почти в один рост со мной. — Давай, сделаем! Поможешь?!

— Да! А как?! — его глаза загорелись.

— Прежде всего, дадим им работать столько, сколько они могут без ущерба для их здоровья и семейного благополучия. Смотри! Они работают сразу на двух хозяев. На барина большую часть времени и на себя, изматываясь до потери сознания в страду. Ведь если вовремя не посеешь, то и есть нечего будет. У нас с тобой денег куры не клюют, нам не нужен их рабский труд и их жалкие копейки. Но! В наших силах дать им сытую и спокойную жизнь, в которой они смогут работать в меру своих сил, хорошо есть и растить здоровых детей. Для этого мы дадим им землю. Столько сколько они смогут обработать. Будем брать с них фиксированный налог в двадцать процентов от выращенного урожая и все! Никаких отработок, подушных налогов! Тем, кто работает в усадьбе, платим зарплату. В армию никого не отдаем. Купишь, если понадобится рекрутов, но из наших никого не отдаем. Так всем и объявим. Заодно будем скупать излишки их урожая за деньги выше обще закупочных. Ты будешь все это курировать. Я открою тебе счет. На эти деньги откроешь больничку, организуешь школу для детей, наймешь народ и замостишь улицы щебнем, а потом возможно и дороги. Можешь выдавать беспроцентные кредиты на сельхозинвентарь или семена. Давай все это запишем. Завтра приедут старосты. Я им тебя представлю и оглашу для них новые условия их жизни. Составишь договора со старостами, которые будут представлять свои деревни, как вид товарищества, пусть рулят на местах. Учись управлять людьми и будь настойчив. Учти, эти люди при случае тебя надуют походя, даже не заметишь. Считаю, записывай на бумагу. Короче, я в тебя верю!

Алешка проникся, и на следующий день предстал перед старостами в роли представителя и младшего брата нового помещика. Я полностью дал ему вести переговоры с ушлыми «председателями», которые не сразу въехали в новые экономические реалии. Ничего! Думаю, скоро почувствуют разницу! Бывший управляющий остался на управлении имением и в качестве помощника моему брату.

— Смотри! Можешь забрать свою Аннушку, но советую завести себе здесь новую. Если залетит, сообщай мне, а я решаю возникшую проблему. Нет! Не «решу», а избавлю от беременности. Ты только не тяни, если что.

На этом оставили моего братишку строить социализм в отдельно взятом поместье и отправились восвояси.

Мы с женой вернулись к детям в хорошем настроении. Успокоили Елизавету Матвеевну, рассказав, чем сейчас занимается Алешка.

— Я его учу плавать в реке жизни. Забросил на глубину, если выплывет, то уже не пропадет!

— Не рано ему?! — забеспокоилась маман.

— В самый раз! И девок там много! Ха-ха-ха! Шучу, конечно. Будет учиться управлять людьми и хозяйством. Самый лучший университет для него!

— Ох! Испортят его девки!

Мы с Оленькой дружно засмеялись, а маман поняла, что сказала что то не то и тоже похихикала в рукав.

Александр Никитич безвылазно погряз в наших проектах, изредка и непредсказуемо появляясь в Городе. Чувствую небольшое неудобство, из-за того, что именно я являюсь косвенным виновником его загруженностью работой. Но тут уже ничего не поделаешь. Алешка приехал через неделю, забрал деньги, чековую книжку и поторопился обратно, сказав что без него там строители разбегутся. Вот и наш братишка повзрослел! Скоро женится и можно будет поставить в своих планах на жизнь очередную галочку. А пока занялся постройкой в усадьбе снежного городка, для нашего детсада. Хорошо, что я научился способу, как притормозить его разрастание с помощью источника. Иначе либо погрязли бы в пеленках до самой старости, либо нужно было бы прекращать любить Оленьку, а это сами понимаете невозможно. А так, раз в месяц профилактика всем и все довольны жизнью!

Снежная крепость получилась на славу, с башенками и двумя спусками для катания. Поэтому до самой весны стала любимым местом для гуляния наших малышей. Машка с детьми подолгу гостила у нас, так как Иван работал не менее интенсивно, чем тесть, но дома все же бывал чаще. По прежнему рисую, дополняя свой архив попаданца всем, что взбредет в голову. Рисование технических деталей постепенно переросло в увлечение. Сначала я рисовал наброски интерьера, потом виды из окна, дальше пошли рисунки наших детей и Оленьки. Вот задумываюсь, не перейти ли мне на краску?

На крещение приехал Александр Никитич и довольный собой стал рассказывать об успехах.

— Дела идут, Васенька! Весной начнем укладывать рельсы, к осени сделаем первый паровоз. Кораблик удачно прикупил недостроенный, сейчас в него паровик впихивают и корпус железом обшивают. К весне спустим на воду! Только заковыка! Не получается вал в корпусе закрепить так, чтобы вода не протекала внутрь. Течет и все, хоть ты тресни!

Мне из моих скудных технических познаний сразу выплыло слово графит. Помнится в насосах из них делают сальники.

— Батя! Попробуй со своими инженерами сделать две шайбы из карандашного графита. Только надо его смешать с чем ни будь, чтобы твердым стал и скользил хорошо. Одну шайбу с дыркой для вала крепите на корпус, вторая будет крутиться вместе с валом. Подпружините ее для лучшего прилегания. Постарайтесь сделать их максимально ровными и гладкими, тогда вода не сможет просочиться между ними.

Тесть слушал и смотрел, как я вырисовываю схему водяного затвора.

— А что?! Может получится! Все-таки, Вася, ты гений! И рисуешь как хорошо! Видел я своих детишек, тобою нарисованных, просто, как живые! Лизоньку нарисуешь?

— Обязательно! Как только краски освою, так сразу и нарисую.

— Освоишь! У тебя талант! А поедем со мной на верфь, может, подскажешь что и на красавицу полюбуемся!

Надо ли говорить, что через неделю я таки поехал с тестем инспектировать постройку корабля. Первый винтовой кораблик! А англичане сейчас мастырят свои уродливые колесные пароходики! Ха-ха! А может еще только рисуют на бумаге.

В первую очередь проверил каюты. Тесть размахнулся с их размером и мы сразу уперлись в количество мест. Я быстро нарисовал небольшие двухместные и четырех местные кубрики, и мы с трудом разместили экипаж и будущих путешественников внутри корпуса. Зато осталась свободна палубная надстройка, где можно было отдыхать, обедать и прятаться от солнца. Кораблик получился красивый и прочный. Если еще он будет хотя бы чуть быстрее парусных собратьев, то мир будет нашим! Кстати, очень вовремя вмешался в вооружение нашего корабля небольшими семидесятимиллиметровыми пушками. Эти дятлы хотели поставить их на громоздкие станины, которые надо было ворочать вчетвером. Нарисовал поворотные станины, вращающиеся на сто восемьдесят градусов с помощью небольших штурвалов. Одна пушка крепилась на передней палубе, другая — на задней. Мощность и дальность полета выпускаемого снаряда, должны обеспечивать нам преимущество перед любым возможным противником этого времени. Нужно только снарядов побольше, чтобы натренироваться попадать на расстоянии недоступном вражеским

пушкам. Озадачил этим вопросом тестя и убыл к скучающей по мне женошке.

Дальше зима прошла как обычно, правда пришлось таки съездить с Алешкой в свое имение с инспекцией, заодно проверил как там поживает его содержанка. Подумал да и зарастил ей трубочки, подающие из конвейера яйцеклетки. Если понадобится, потом верну как было, а то ведь из Крыма никак не приеду для таких дел, видимо Алешка здесь на все лето зависнет. Прделанная операция меня вдохновила, и я прошелся по нашим многодетным мамам, чтобы избежать в дальнейшем нежданчиков. Так что весну встретил во всеоружии, тем более тесть сообщил, что наша рота будущего гарнизона с пятью пушками уже на месте. С души упал камень, так как чуйка просто вопила о скором конфликте с Турками и возможных боевых действиях в том районе. Я даже задумался о семье, нужно ли везти ее, но прибывшие солдаты меня успокоили, и мы выехали почти в устоявшемся составе с тремя мамами и кучей детишек.

Охрана и мои два револьвера сделали моим нервам успокоительный массаж, и мы беззаботно, веселым табором тянулись по степям Малороссии, радуясь зеленой траве и первым цветам. Наши походные палатки уже привычно обеспечивали уют на ночевках, так как придорожных гостиниц еще не существует, а ночевать в редких трактирах не всегда получалось возможным. В этот раз взял с собой Мява, который с трудом переносил езду в карете, стараясь держаться ближе ко мне или к Маше. Оставлю его на «даче», там должно ему понравиться. Просторно и дичи навалом.

Доехали без приключений. Море пока было холодным, но солнце уже шпарило вовсю и достаточно хорошо прогрело небольшой бассейн с пресной водой. Расставили деревянные шезлонги под легким навесом на краю бассейна и, окруженные гомонящими детьми, окунулись в тюлений отдых.

— Мне кажется или наши дети у меня в голове все перемешались, — стройная маман, приближающаяся к пятидесятилетнему возрасту, совсем не тянула на свои годы. Еще бы! Рождение детей, постоянная подпитка моей энергией, зафиксировали ее тело в самой соблазнительной форме, заставляя Оленьку ревновать, когда мамочка, после долгого отсутствия своего мужа, начинала неумышленно реагировать на доступного рядом мужчину, которым, естественно, оказывался я. Вот и сейчас, она томно вытянулась на лежаке, выставив на всеобщее обозрение свою фигуру в купальнике, далеко перегнавшем свой век. Надо ли говорить, что его тоже придумал я, видя, как Оленька мучается в том недоразумении, в котором купались современные дамы. Больше ему подходило название «купальное платье», в котором было легче утонуть, чем плавать. Тогда я взял на себя смелость, пользуясь отсутствием чужих на нашем берегу и сшил, да-да именно сшил, иголкой и ниткой, так как швейных машинок еще не изобрели. Я даже зарисовывать ее не стал, так как не видел живую ни разу. Когда моя Оленька, смущаясь, показалась в нем перед мамой в первый раз, то та была в шоке, но скоро появилась перед нами в таком же, сшив собственноручно.

Детишки как муравьи носились друг за другом, оглашая округу звонкими голосами. Мы давали их голеньким телам волю для получения солнечного витамина и различить их было можно либо по росту, либо по темным волосам у половины из них.

— А что не так? Ваши темненькие, наши светленькие. Машка, какие твои? Бедняжка Нечего было рожать, то темных то светлых, мучайся теперь. Ха-ха!

После отдыха пошел знакомиться с гарнизоном. Располагался он с левой стороны усадьбы на выдающемся в море мысу. Довольно удобная площадка закрывала бухту от ветра

и волн и послужила местом размещения нашего гарнизона. Двухэтажные домики опускались вниз по противоположному склону мыска, а на верху строилась сторожевая башня и располагались орудия. Солдаты приветствовали нас, разглядывая увязавшихся со мной женщин. К слову сказать, некоторые из солдат умудрились привезти с собой будущих жен, узнав условия службы и возможность завести семью. Лишь немногие были уже женаты. Жены солдат жили рядом с бывшим гарнизоном и успели обзавестись детьми. Вместе с солдатами прибыл и отец Михаил, взявший на себя заботу о душах маленького поселения. Командовал всеми бывалый поручик, крутивший усы при виде моих красавиц. Узнав, что я целый майор, вытянулся во фрунт и больше не смел давать волю глазам. Я посвятил его в нюансы наших взаимоотношений, пояснив, что отныне у них нет начальства кроме меня. Поговорил с ним об обеспечении круглосуточной безопасности жителей этого кусочка побережья и перспективы отражения атаки с моря. Пришлось давать вводные о тренировочных стрельбах и пристрелке побережья с установкой буев в море. Убедившись, что службу поручик знает, договорились о связи через порученца и убыли довольные увиденным.

Наступило время отдыха для детей, чем мы с Оленькой и воспользовались, наведя в компании одеял свой любимый уединенный пляжик. Мы отдались чувствам, распугав местных чаек криками женушки, которой не часто удавалось в полный голос выразить свой восторг.

— Милая! На твой зов сейчас приплывут сирены и утащат твоего мужа к себе, — лежим на одеялах и я шучу над любимой исполнившей неплохую «арию».

— Мне все равно! Считаю, я умерла. Ты меня совсем заездил! — проговорила она слабым голосом, распластавшись на одеяле.

— Это я люблю! Особенно когда ты не сопротивляешься! — я с удовольствием приступил к процессу реанимации, которая бы не стала успешной, если бы я не влил в нее укрепляющую порцию своей энергии. Безвольная поначалу женушка, начала было отбиваться, пока ее опять не захватила любовная лихорадка. Она чуть удивилась самой себе и окунулась в нее по самую... дальше неприлично! Ха-ха!

Спустя две недели, в бухту зашла наша ласточка с гордым названием «Елизавета». Непривычно без парусный корабль блестел белыми бортами и одинокой мачтой с бочкой наверху. Александр Никитич и Иван подплыли к нам на весельной шлюпке и были радостно встречены женами и детьми.

— Вот! Какая красавица, полюбуйте! — мы не сразу поняли, кого он нахваливает, жену или корабль. Тот тоже понял, что лопухнулся и поцеловал Елизавету Матвеевну.

— Конечно, ты! моя красавица Но и корабль хорош!

Мы тут же изволили посмотреть на него и в два приема шлюпка всех доставила на его борт. Детишки с восхищенными воплями понеслись по палубе, заставив взрослых понервничать, но потом мы махнули рукой и прошли по пахнущему краской кораблю. Женщинам пришелся по душе салон кают-компания с мягкими диванами, а мне больше всего понравились пушки с длинными стволами. Матросов было одиннадцать человек из них два моториста, два кочегара, четыре пушкаря и один кок. Само собой, к кораблю прилагался капитан с помощником. Каюты, как маленькие вагонные купе были тесненькие, но уютные. Спальные полки заканчивались невысоким бортиком на случай качки. Небольшие круглые окошки под потолком давали немного света, но и так было понятно, что это место только для сна.

— Мы вдвоем на кровати не поместимся, — задумчиво проговорила Оленька и захихикала, переводя глаза на меня.

— Ты права, — согласился с ней, почесав репу. — Об этом я не подумал! Ничего! Так даже интересней! Особенно когда на волнах качает, — я ухмыльнулся, усмиряя свое воображение. Оленька тоже, что то себе напредставляла и на ее щеки набежал румянец. Мы уже начали было обниматься, но тут нас застучали детки и пришлось их рассаживать на кровати как птенчиков.

Наши дамы непременно захотели пообедать на корабле, заставив бедного управляющего доставить еду к нам на шлюпке. Потом были вопросы, а как они будут загорать на палубе без шезлонга и в конце уговорили бедного капитана пальнуть из пушки. Визгу и восторга было полные штаны и от немедленного подъема якоря и отправления в путешествие удержало только отсутствие должного провианта и воды.

На следующий день мы конечно никуда не уплыли, так как маман и Маша вышли из спальни только к полудню, заставив меня и Оленьку отдуваться перед детворой. Мы с женой их прекрасно понимали, так что были не в обиде. Зато от их томного и умиротворенного настроения нам стало немного смешно, а потом чуток завидно. Поэтому после обеда мы быстро смылись на секретный пляж и привели себя в такое же состояние, чтобы ничем не отличаться. Ха-ха!

На третий день мы все же выплыли, на этот раз в правую сторону по берегу полуострова. Если бы не черный дым из трубы, я бы сказал, что прогулка прошла просто великолепно. К счастью труба была достаточно высоко, чтобы он не мешал наслаждаться видами и морским воздухом. Мы нашли уютный пляж и прекрасно отдохнули на нем. Возвращались уже в темноте, подплывая к пляжу в свете костров разожженных нашей охраной. Поручик отвел меня в сторону и сообщил об отбитой атаке трех Турецких кораблей.

— Одну мы потопили, а две сумели уйти, хотя и им досталось, — закончил он свой рассказ.

— Молодцы! Получите поощрение и девок! Насчет девок я пошутил, а вот денег подкину.

— Так мы еще троих басурман из воды живыми выловили, поспрашивали. Говорят, что Севастополь осадили. Сам Махмуд-Папа явился.

— Сколько кораблей?

— Говорят, что сорок, а на самом деле — бог знает.

На утро, стали готовиться в боевой поход. Взяли с собой тридцать солдат, на случай ближнего боя, до которого я доводить не собирался и, поцеловав жену, пошли на помощь своим.

На всех парах домчались к вечеру до театра боевых действий, еще издали ориентируясь на звуки канонады. Зашли мы от моря и увидели в вечернем свете множество парусов на фоне берега и клубы дыма, поднимающихся к облакам.

— Стоп машина! — дал команду капитан и пушкари стали наводить носовое орудие.

— Еще подойти надо! — слышалось от них.

Мы продвинулись поближе, когда стали видны корпуса Турецких кораблей. Наше судно встало боком к берегу, чтобы оба орудия могли стрелять в нужном направлении.

Как командир подразделения, отдаю команду:

— По Турецким кораблям! Огонь! — Ба-бах! Ба-бах! — отозвались пушки. Наши

снаряды улетели, куда то в гущу кораблей.

— Огонь по готовности! — Выстрелы пошли один за другим.

— Не пойму ничего! — сказал Александр Никитич, глядя в подзорную трубу. — Дымно очень!

Солдаты десанта распределился по кораблю и оживленно обсуждали развернувшуюся перед ними баталию. Вдруг в глубине вражеских кораблей, мелькавших в клубах дыма, раздался сильный взрыв, подняв к небу черное облако.

— Пороховой погреб рванул у кого-то! — азартно прокричал тесть.

— Крюйт-камера! — поправил его капитан, так же вглядываясь в маленький телескоп. — Вроде попадаем! Примерно через час, уже почти в темноте, Турки, что то поняли и на всех парусах рванули в разные стороны. Мы потопили с одного залпа неожиданно появившийся корабль с потрепанными парусами, двигавшийся в нашу сторону и отплыли подальше в море, не видя ни черта. Еще минут через пятнадцать к нам опять стал приближаться темный силуэт, оказавшийся гребной галерой, с которой слышались крики на тюркском языке.

— Приготовиться к абордажу! — отдал приказ и указал капитану на галеру. — Действуйте Григорий Степанович!

Сжал в правой руке саблю, в левой револьвер. Второй пистолет пока в кобуре. Сердце стучит, адреналин наполняет кровь! Вот и борт вражеского корабля! Тра-рах! Раздался треск ружей. Бум! Борты столкнулись, и мы стали давить чужой борт корпусом.

— Вперед! — взлетаю на борт и прыгаю на чужую палубу. А где противник?! Рядом перескакивают мои солдатики и рассыпаются по палубе. Пара выстрелов крики и все! Из каюты капитана вытряхивают какого то мурзу в чалме и пару турок.

— Василий Иванович! Больше живых турок нет. Внизу рабы на веслах и в трюме бабья набито.

Оказалась галера вспомогательным судном для трофеев. Турки сначала прошлись по побережью в районе Одессы, пограбили, захватили девок по моложе и с десятка два подростков обоего пола.

— Гребцов пока не расковывать. Этих, — киваю на турков, — в море, можно живых, можно мертвых.

С рассветом пообщались с гребцами, накормили и, взяв клятву, что до берега не будут бузить, двинулись на свою фазенду. А что?! Отбиться помогли, чего нам там светиться со своим трофеем! В трюм соваться побоялся, направив туда солдат со строгим приказом напоить, раздать еду, но ни в коем случае не выпускать. Как оказалось потом, я переоценил боевитость нынешних селянок, побоявшись если не их бунта, то возможных скандалов. Всю дорогу они просидели как мыши и даже, когда выгружались, то вели себя испуганно, как будто попали от одного хозяина к другому. Девочек оказалось восемьдесят три деревенских хохлушек, говоривших на непонятном для моего слуха суржике. С десятка забрал к себе наш управляющий вместе с подростками, остальных увел бравый Поручик, довольный как мамонт, оглаживая взглядом доставшееся имущество. Удачно получилось! Теперь солдатикам не надо метаться и ждать, когда ему невеста сыщется. Выбирай, не хочу! Ха-ха! Туда же отправил гребцов, колонной и под охраной. Пусть разбираются, может кого нам и не надо!

Когда появилась возможность, вдвоем с тестем тщательно осмотрели трофей. Нашли кучу награбленного барахла, немного денег и оружия.

— Посудина, так себе! — произнес Александр Никитич.

— Одно только достоинство — дерево крепкое и его много! Пока не знаю, куда его девать. Пусть постоит пока в бухте.

Наконец, наши жены получили своих мужей и с восхищением слушали за обедом рассказ о боевом походе. Когда они узнали, сколько и кого мы освободили, то были расцелованы расчувствовавшимися женщинами. А вечером Оленька отблагодарила меня персонально, горячо шепча: — Ты мой рыцарь! Да! Спаси меня!

Всех подростков мы поселили у себя, взвалив заботу кормежки и одежды на своего управляющего. Маман с Оленькой организовали их обучение грамоте и «правильному» воспитанию. Те в свою очередь трудились в саду и помогали по дому. Избалованных среди крестьянских детей не было по определению и они искренне радовались своему новому положению. Заикнулся было предложить им помощь в поездке в родные места, но был не понят. Куда-куда?! Домой?! Работать от зари до зари и есть не пойми что? Спасибо! Нам такого не надо! Придется их как то легализовать в имении. Оставил эту заботу на тестя, ориентировавшегося в этих вопросах лучше меня.

Не успел Александр Никитич с Иваном уехать на материк, как спустя несколько дней нас посетила военная флотилия, отправленная императором напомнить Туркам, кто здесь хозяин. Командовал флотом вице-адмирал Кольцов. Я устроил для высших офицеров обед, на котором они предложили поучаствовать в походе.

— У нас на флагмане установлены несколько новейших дальнобойных пушек казнозарядной системы такие я увидел на вашем корабле. Вы ведь офицер? Насколько я осведомлен, воевали, — обратился ко мне адмирал.

— Артиллерист. Майор в отставке. Почту за честь присоединиться и помочь в меру моих сил.

— Скажите, господин адмирал, а много ли солдат на ваших кораблях? — поинтересовалась Елизавета Матвеевна. Надо сказать, что женщины своей красотой произвели ошеломляющее впечатление на флотских.

— Солдат много. Мы планируем высадить десант, но где — это секрет! Но вам, я скажу! Мы планируем захватить Константинополь!

Ничего, себе! Это уже серьезно! Константинополь — это Босфор! Кто владеет Константинополем, тот контролирует пролив из Черного моря в Средиземное. Наш император не мелочиться!

— Надеюсь, мы зайдем в Севастополь? Мне надо пополнить запас угля. — Стал прикидывать в уме его расход.

— Да. И, если возможно, я хотел бы познакомиться с вашим кораблем. Я слышал о кораблях англичан с паровой машиной, меня очень интересуют их возможности. А теперь, с вашего позволения, мы вас покинем. Если бы не ваша красота, то мы бы не осмелились задержать здесь целый флот, а так у нас есть оправдание! — адмирал поцеловал ручки польщенным женщинам.

Пока мы осматривали наш корабль, с берега спешно переправлялись мой десант из тридцати солдат и провизия.

— Не знаю, что сказать! Корабль совсем не военный, но корпус обшит металлом, сами орудия и их установка просто великолепны, а уж маневренностью вы можете поразить любой вражеский корабль. Вы ведь можете двигаться и задним ходом?

— Да, конечно! Но пока не знаю его максимальной скорости.

— Вот и узнаем! А корабль очень перспективен! Если в походе у вас не случится поломок, готов заказать что то подобное для флота.

Получив лестный отзыв о нашем кораблике, который был не так уж мал, по сравнению с парусными фрегатами, мы спешно двинулись за парусной армадой. Не повезло Туркам!

Еще как, не повезло! На всем пути следования, наш корабль выполнял роль хищной акулы, догоняя и осматривая встречные турецкие суда. Нам ничего это не стоило, так как у нас не было парусов, которые нужно было убирать и ставить. Мы мгновенно набирали ход и догоняли удалившийся флот после очередного таможенного осмотра. Надо ли говорить, что все ценности и нелегальные рабы и рабыни переходили на наш борт. Те же, кто вздумал сопротивляться, быстро отправлялись на дно, усеивая морскую поверхность обломками и тонущими людьми. Фугасный снаряд и деревянное судно, это просто смешно!

К вечеру второго дня подошли к Константинополю из которого, как муравьи разбегались мелкие суденышки. Большие суда стояли без парусов, видно, что нас никто не ждал. Адмирал недолго думал и приказал открыть огонь из всех пушек. Через час в свете уходящего дня был виден только дым на развалинах форта и догорающие полузатонувшие корабли. Наша чайка тоже повеселилась, рыская по заливу и захватывая все, что не успело или пыталось убежать. Улов оказался неплохим, так как попались несколько довольно «жирных» купцов. Скоро наш корабль стал напоминать склад восточного базара, от сваленных в кучи мешков с пряностями, ковров, холодного оружия и других товаров. Нашлось и неплохое вино, которое я потягивал в компании капитана, любясь красочным закатом и розовыми на их фоне парусами. Пока вокруг паника, наши корабли тем временем высаживали десант, который сосредотачивался в порту и его окрестностях, чтобы с утра начать зачистку города.

Выводы по устойчивости и резвости корабля, оказались очень неплохими, так как узкий нос и тяжелый корпус легко разрезали волну, добавляя преимущества в ходе, над парусными судами.

На утро, мы отправились на патрулирование акватории, пока наши войска ставили на уши жителей Константинополя. Возможно, теперь уже имперского города! К вечеру мы вынуждены были состыковаться с флагманом и сдать громоздкие трофеи вместе с освобожденными русскими, бывшие на захваченных нами кораблях в качестве рабов.

— Я вами очень доволен, — произнес адмирал, глядя на открытый сундучок с золотыми монетами. Серебро я не стал отдавать, для адмирала это было мелковато. Заодно и драгоценные камни не стал светить, чтобы не ввергать в искушение. Хватит с него той кучи товара, что перегружали сейчас в огромные трюмы флагмана. — Ваш корабль, тоже выше всяких похвал! Я доложу императору о вас в самом лучшем свете.

— Что, вы! Ваше превосходительство! Зачем императору это. Я служу ему и, можно сказать, уже этим вознагражден, — я скопил глаза на золото, и адмирал, усмехнувшись, поднял свой бокал.

— Тогда примите мою самую искреннюю благодарность и дружбу.

— Почту за честь!

Мы выпили и скрепили слова крепким рукопожатием.

Еще через пару дней мы забили бункеры местным углем и, взяв на буксир турецкий кораблик загруженный трофеями, которые мы натрясли за эти дни поплыли к родному берегу. Так как адмирал почистил богатый город, то можно было уже ни с кем не делиться. Трофеи — это святое! Заодно и солдаты будут довольны, которым я пообещал долю, в том числе и оставшимся на берегу.

Сказать, что наше возвращение было триумфальным, это было бы малой толикой того восторга всех обитателей нашей семьи и жителей гарнизона. Когда с подтянутой к берегу баржи хлынул поток ковров, сундуков, мешков с пряностями и тканей, у населения чуть

«крышу» не снесло.

Своим женщинам в дополнение ко всему я презентовал по шкатулке с восточными украшениями, усыпанными драгоценными камнями. Радости и визгу было много, и я заслужил поцелуев и не только. Хе-хе! Теперь во всех комнатах у нас разбросаны ковры, включая нашу прибрежную беседку, добавляя нашим слугам забот по их чистке.

Адмирал еще раз посетил наш дом примерно через месяц и с удовольствием отдохнул два дня, общаясь со мной и ухаживая за красавицами, не зная кому отдать предпочтение. Он рассказал о ходе войны с Османами, которых не на шутку возбудил захват стратегически важного города, который они давно считали своим, забыв о прошлом. Наш император переправил туда войска и пушки и теперь планомерно уменьшает население обозленных Турков путем их отстрела. Что ж! Историю делают сильные! В голове возникла мысль об Аляске и Америке. Нет! Отмахнулся я от нее. Хоть там и есть золото, но пусть его кто-нибудь другой добывает. А может поспособствовать Российской империи, создав пароходную компанию, и профинансировать поселения по всей Америке, где получится. Куплю у индейцев Манхэттен! Ха-ха! Вот вам! Пиндосы! Или не куплю..., что то я не помню историю! Когда это было? Ладно, спрошу у тестя.

Лето прошло. Адмиралу понравилось отдохнуть у нас от сражений, и я даже слегка забеспокоился за репутацию своих женщин. Поэтому с небольшим облегчением встретил осень, хоть и не люблю морозы. Но нас ждут мужья и братишка! Оставил на попечение поручика усадьбу и поселок, кораблик отправил на зимовку в Севастополь, снабдив всех деньгами и наш караван убыл в сторону моей второй родины. Родной Город встретил нас метелью и морозом. Мы спешно покинули свои утепленные кибитки, ежась на бегу от холода. Уезжали то мы в плюс двадцать! Выгрузились все в нашем доме, где нас встречали тесть с Иваном и Алешкой. Детишки повисли на отцах, включая наших с Олей, оккупировавших вместе с дядей и тетями своего дедушку. Ох и путаница у них будет, когда вырастут!

Отдых, сон, еда, свежие новости. В таком порядке пошли события. Алешка, как самый нетерпеливый, хвалился первым. Что могу сказать? Молодец! Справился с задачей. Школу и больничку построил, с крестьянами разобрался, да так, что они поняв политику партии, засеяли все земли, свои и помещичьи. Урожай получили, одну пятаю сдали и зависли. Осталось то сколько! Продали излишки и пошли в разгул. Кто коров накупил, кто платьев, другие наоборот кубышки набили. Деньги — они такие! Кого хочешь, с ума собьют. В итоге, продав позже пшеницу, мы сможем выйти в ноль, а на следующий год, может и в плюс, хотя нам еще дороги надо делать. Я похвалил братишку и пообещал в награду за труды взять с собой в Питер. Пусть по балам потусуеться, может невесту себе найдет.

Александр Никитич хвастался весомей. Заказ от военного ведомства на организацию верфей и постройку железных кораблей на паровом ходу, запуск весной первой части железнодорожного пути от столицы до Москвы, и, наконец, продемонстрировал нам винтовку нового образца по типу Мосинки. Мужская часть тут же принялась ее разглядывать и щелкать затвором, восхищаясь возможностью выстрелить шесть раз, при условии наличия одного патрона в стволе. Мой магазин на пять патронов, тоже был реализован в полной мере и винтовку можно было назвать «вундер ваффе» этого века, после пушки конечно. Женщины не остались в долгу и продемонстрировали мужьям восточные украшения из Константинопольских трофеев. Мужья были восхищены и быстро утащили своих жен в спальни, для более подробного показа.

На следующий день, я попросил Александра Никитича о деловом разговоре.

— Александр Никитич! Я не часто вас просил о чем либо, но сегодня я прошу. Прошу организовать «Русско-Американскую» компанию по освоению земель Американского континента. Для этого нужны два транспортных корабля, вооруженных по типу нашей «Елизаветы» и организовать русские поселения по всему побережью, где это представится возможным. Само собой, организовать снабжение и охрану, как на суше так и на море. Для этого я готов выделить все свои деньги, которые есть в настоящее время. И кстати, на Аляске есть много золота и пушнины, так что можно даже заработать на этом. Алешка неплохо показал себя в обустройстве моего имения, можем его поставить в управляющие, а ты ему поможешь, если что.

— Каких земель, зятек?!

— Ну, свободных или у индейцев купить. Там есть вроде. Например Манхэттен.

— Ха-ха-ха! Вот рассмешил, так рассмешил! Манхэттен еще полтора века назад купили англичане. А свободных земель в Америке давно нет! Нет, купить мы, конечно можем, но ведь законы и страна там от этого не поменяются.

— Да-а! — я в смущении почесал макушку. На полтора века промахнулся!

Всю следующую неделю, я ходил как мешком пришибленный. Плакал мой проект по освоению Америки! Потом понемногу успокоился и вернулся на грешную землю. Ну как вернулся... Меня просто взяли за шкурку и велели заняться детьми, а не ходить с глупым видом. Детсад-группа окружила меня и ждала светлых идей. Снежную крепость мы уже проходили, поэтому я перебирал в уме все зимние виды спорта. Остановился на коньках, самом демократичном и безопасном для малышей. Снял со всех размеры и отправился покупать подходящую обувь. Затем с кучей ботинок в наш Городской заводик для изготовления и крепления нарисованных мною железок. Заодно заказал несколько санок с железными полозьями, чтобы было разнообразие в зимних развлечениях. Два дня мы играли в снежки и чистили от снега лед на пруду. А потом! Потом дети поняли, что такое счастье! Все, включая самых маленьких, с визгами плюхались на попу или скользили, размахивая руками. Оля с Машкой понаблюдали за веселой кутерьмой и обратили вопросительные взгляды на меня. А, я?! Взял да и поднял в руке, заранее приготовленные на такой случай коньки! Теперь уже и мы втроем включились в игру, кто плюхнется более красиво. Выиграли, конечно, женщины за счет пластики и более мягких подушек приземления. Было очень весело!

После нового года, всей семьей, включая Машу с детьми, выехали в Санкт-Петербург, чтобы выгулять дам и выполнить обещание перед Алешкой. На первом же приеме у Апраксиных, моего брата атаковали незамужние девицы всех возрастов. Куда девалась прежняя чопорность знаменитых семейств, присутствовавшая в прежние времена при общении с нашей семьей. Мне даже стало неловко от их угодливости и подобострастия. Еще бы! Наша семья так ярко взлетела на вершины парада кошельков империи, что незаметными нам теперь не быть. Алешка оказался единственным ключиком в сокровищницу нашего дома и был шокирован атакой потенциальных невест. Ха-ха-ха! Хорошо, что я организовал ему прививку от медовой ловушки! Может ему конкурс невест устроить?! А что?! Кто лучше всех готовит, вышивает, поет и танцует! Было бы весьма занятно! Эх! Не переживет наш Лешка лето холостым, как пить дать, оженят! Думал я, разглядывая девичий хоровод вокруг брата на очередном балу. Вон та неплоха! И эта тоже! Везет же младшему! Перевел взгляд на стоящую рядом женушку, шепчущуюся с Машей. Нет! Ему, так как мне никогда не повезет!

Второй Оленьки на свете не существует!

Мы крутились в столице почти до самой весны, вернувшись в Город, когда снег уже вовсю таял. Лешка пребывал в романтическом состоянии, все же повелся на какую-то барышню. Мы к нему не лезли. Пусть переживает свой конфетно-букетный период!

Война с Турцией пока продолжалась, так как Османы не видели для себя жизни без своей главной ценности Босфора и Константинополя, который наши уже переименовали в Византию. Скоро туда придут новые войска вооруженные винтовками «мосина» и Османской империи придет конец! Ха-ха! Кажется, я перевыполню программу попаданца!

— Батя! Давай организуем поселки в Крыму. А то городков то, раз два и обчелся! Одни татары кругом! Выкупай крестьян и присылай ко мне, сделаем хотя бы два поселка, для начала. Один слева, другой справа по побережью, — задвинул очередную идею тестю в одной из вечерних бесед.

— Экий ты, неугомонный! Но мыслишь верно! Дам задание помощникам, подкинут тебе поселенцев, а там сам с ними разбирайся.

— Только ты инструментов с ними пришли, чтобы не с голыми руками были.

— Какой инструмент?! У русского мужика один инструмент — это руки, ну, и топор, пожалуй.

— Ха-ха-ха! А я уже было подумал о чем то другом!

— Да-а! Что верно — то верно! Уж с этим инструментом никто в мире не сравнится! Ха-ха-ха! — смеемся уже вместе, повернув на любимую тему.

Любимая тема, после разогрева у тестя, была весьма впечатлена моим пылом и шутила:

— Надо будет заказать вишневого ликеру и взять с собой на море. Как то он на тебя особенно действует! Я даже молодость вспомнила! — жена утомленно лежала на кровати, бликуя в сумерках своим великолепным телом.

— Тоже мне, старушка! А кого это так обхаживали кавалеры на балах?! — играю любимыми игрушками, вызвав хихикание женушки, чувствительной к щекотке.

— Так и тебя, красотки не обделяли вниманием!

— Они все старухи! Вся молодежь вокруг Алешки увивалась!

— Да-а! Тут ты прав! Окрутят, вот увидишь!

— А и пусть! Жалко только, что такой красавицы, как ты, больше нет! — Моя половинка оценила комплимент, а может мои шаловливые ручки помогли, и со вздохом закинула на меня свою изящную нижнюю конечность, прижимаясь всем телом. Я намек понял и подал свой коннект, в ждущее гнездо. Мы успешно обменялись файлами и оправились на перезагрузку. Хе-хе!

Надоела эта дорога! Едем на море третий день, а я уже устал. Что придумать? Прокопать Волго — Донской канал? Лопатами и тачками — не вариант. И вроде, там еще шлюзы были. А можно доплыть на кораблике либо до Воронежа, либо до Тамбова, но оттуда тоже не близко ехать. Тогда совместим два решения. Плыдем до Воронежа и тянем туда железнодорожные пути. От столицы, мимо нашего Города. Ура! Даже легче стало! Все детишки подросли, новых — нет, хе-хе! Так что едем весело, развлекаемся, как можем. Сегодня разучиваем новую песню:

— Мы едем, едем, едем, в далекие края.

Хорошие соседи, веселые друзья!

Дети старательно подпевают, и мы напоминаем автобус с детьми едущих в пионерский лагерь. Впрочем, это почти так и есть.

Алешка остался покорять вершины бизнеса и появившуюся зазнобу, которую он пока скрывал. Но мы то знаем! Бабская шпионская сеть работает как надо! Елена Дашкова, княжна. Не хухры-мухры! С такой фамилией породнится, это все равно, что царем пастуха избрать. Правда Алешка у нас официально тоже не безродный, а с такими деньгами за спиной можно и небольшое королевство прикупить где-нибудь в Европе.

Все плохое рано или поздно заканчивается, как и наша дорога. Мы с радостью покинули свои передвижные тюрьмы и растеклись по цветущему саду. Немного порелаксировали на природу и поспешили занять горизонтальное положение. От постоянного сидения даже моя закаленная пятая точка просила отдыха. Сначала мы окунулись в свою мраморную ванну, где Оленька еле отбилась от меня усталого. И конечно не смогла оказать сопротивления, когда мы проснулись часа через три.

— Признавайся! Где мой животик! Никто! Никто из нас троих не беременеет! Твои проделки?! Давай сделаем маленького! Июль, август, сентябрь... в марте рожу, а летом буду опять стройная и довольная.

— Ты этого хочешь? — глажу ее живот и щечочу впадинку пупка.

— Почему нет?! Детки уже самостоятельные, да и няньки есть. А так, я опять буду кругленькая, капризная и ты будешь за мной ухаживать, говорить нежности и баловать вкусняшками. Все! Давай не шевелись! Сейчас я буду из тебя девочку выжимать.

Женушка села на мой живот и подставила под мои ладони свои задорно торчащие груди, которые благодаря мне совсем не утратили своей упругости.

— Ты же хочешь моего молочка? Так что, быстро делай мне девочку!

Встали мы только к вечеру. Полюбовались закатным морем, прошлись по пляжу и устроились на одеялах в беседке. Оленька положила свою голову в окружении густых волос мне на живот и смотрела на бегущие розовые облака.

— Я, постоянно вспоминаю тот день, когда ты появился в нашем поместье. Такой худенький мальчик с голубыми глазами. И все больше удивляюсь, какая я была слепая! Ты смотрел на меня с такой жалостью! Почти как папа, только по другому. У меня впервые появились бабочки в животе. Это было так чудесно! Я поняла, что ты моя судьба! — Оленька повернула ко мне лицо, и я с наслаждением ее поцеловал.

— Признайся! Ты все спланировал?!

— Что, милая?!

— Что вылечишь и соблазнишь меня! — Оленька жмурила под моими поцелуями глаза, улыбаясь от удовольствия.

— Кто кого соблазнил!? Ты всю светила своими прелестями и заставляла делать себе массаж!

— Ну, надо же было тебя заинтересовать! Вдруг бы тебе подвернулась, какая ни будь Манька! Но больше всего я переживала, что ты найдешь себе девушку в училище. Я готова была тебе отдаться в первый же день, как ты приехал на каникулы! Такой красивый, в форме и почти взрослый! А потом мы с тобой стали ближе... — Оленька зарумянилась и ее губки припухли, первый признак возбуждения, что я за эти годы узнал в первую очередь.

— Да, мы с тобой мило целовались. Как нас не застукали маменька с папенькой?!

— Кто сказал, не застукали?! Просто они тебе об этом не говорили, а я с ними выдержала целый бой, пока они не смирились.

— Ага! Ты у меня боевая! Давай поцелую...

— Ой! Маша с маменькой идут! Быстро застегивай мне платье! — Оленька стала прятать свое богатство, которое успели освободить мои шаловливые ручки.

— Извините, что помешали вам! А вы чем здесь занимаетесь? — Машка ехидно улыбалась, а маман чуть смущенно. Наши лица и одежда, явно выдавали нас с головой.

— Вот! Дочку выгуливаем, — Оленька погладила свой животик.

— О-о! Поздравляем! Сколько месяцев? — Маша присела рядом и завистливо стала щупать живот у моей благоверной.

— Три! — Оленька сделала паузу. — Три часа!

— ??? — Мама и Маша округлили свои глаза, а мы милой покатались со смеху.

— Ну, вас! Мы тут страдаем без мужей, а они издеваются, — Маша надула губки.

— А ты напиши, что у тебя коклюш. Вот увидишь, сразу прискачет, — жена обняла сестренку и стала, что то шептать на ухо.

— Только без заговоров! — закричал я обеспокоенно, но на меня замахали руками и даже ножками. Маман с улыбкой за всем наблюдала и не вмешивалась. Мы до сих пор были для нее детьми.

Следующий день я провел в делах, погружившись в проблемы гарнизона. Отец Михаил с одной стороны, поручик с другой вдували в уши о нехватке того, сего. И колокола отсутствуют и доктора надо. Пришлось пройтись в местный лазарет и провести сеанс выздоровления для особо тяжелых. Больше нельзя, а то будет подозрительно. Придется теперь каждый день сюда заходить и лечить понемногу, а доктора закажу первым же письмом. Население защитного гарнизона выросло и свадьбы игрались одна за другой. Почти все спасенные девицы нашли себе мужей, а многие были беременны. Солдаты были весьма довольны, а служба в райском местечке стала только в радость.

Война с турками гремела, где то далеко и мы ее совсем не ощущали. Даже адмирал перестал появляться. Наш кораблик опять превратился в прогулочную яхту, на которой мы плавали вдоль побережья, совместив отдых с поиском мест для создания поселков. Нужны были относительно ровные участки побережья, чтобы можно было сажать огороды и обязательно пресная вода. И то и другое нашлось вдоль небольших речек поросших густым лесом.

Вскоре прибыл первый караван с поселенцами, представлявший из себя вереницу телег, груженных детьми, домашним скарбом и птицей. Люди были утомлены, но глаза глядели с надеждой, наблюдая за окрестностями и фруктовыми деревьями. За зиму в заливе построили

деревянный причал, уходящий далеко в море и можно было с него грузиться прямо на корабль. Всю партию переселенцев перевезли в несколько рейсов на левую сторону побережья, добавив им от своих щедрот продуктов на первое время. По ходу погрузки подлечил всех от мала до велика, удивившись, как легко мне это далось. Расту, однако! Интересно! Есть ли еще прок от моей внутренней энергии кроме лечения?! Вдруг я еще могу что-нибудь намагичить. Надо потренироваться!

Весь июнь занимался переселенцами, так как следом за первыми вскоре пришел второй караван. Лечил, расселял, возил им продукты и инструменты. Надо сказать, мужики и бабы засучили рукава и за месяц произвели кардинальную перестройку ландшафта. Детвора трудилась наравне со всеми, и я постоянно курсировал от поселения к поселению избавляя народ от множества мелких травм, солнечных ожогов и расстройств желудков, не привыкших к обилию фруктов, которые приезжие умудрялись поедать наполовину зелеными. В каждый поселок пригнал по шаланде с сетями и организовал в них рыбацкие артели. Так что в плане прокорма поселения стали более самостоятельными.

В июле немного выдохнул, а тут и тесть с Иваном приехали на отдых. Я быстренько подлечил Машку, чтобы ничто не мешало ей завести очередного маленького, надо же ей нас догонять, а то чувствую, что мы с Оленькой все же зачали дочку. Месячных то у нее в положенный срок не было! У маман я оставил все как есть, хватит уже ей нас дядями и тетями заваливать. То есть дядями и тетями ее малыши являются нашим с Олей деткам. Смешно будет, когда они подрастут!

Как только Александр Никитич и Иван отдохнули с дороги, на что ушло аж два дня. А что?! Зато жены стали слегка утомленными и рассеянными, улыбаясь к месту и не к месту. Так вот, как только все отдохнули, то собрались в большое путешествие до самой Одессы. Детвора, разучившая в дороге несколько песен, распевала на борту летящего по волнам парохода, дамы предъявили свои тела в новых купальниках и загорали в шезлонгах, смущая своим видом матросов.

— Это что за песня? — тесть прислушался к детскому хору.

— Наш паровоз, вперед лети!

В коммуне остановка,

Иного нет у нас пути,

В руках у нас винтовка!

— Так, это... песня про паровозы, — почесал я макушку. — С детьми по дороге разучили.

— А «пионеры» это кто?

— Так дети же, рабочих поселенцев-первооткрывателей, поэтому пионеры, — выкручивался я под песню «Взвейтесь кострами синие ночи»

— А вот эта, ничего! Пусть всегда будет мама... Мне нравится!

Фух! Чуть не спалился. Хорошо слова нейтральные и комсомол я удалил. Остановились на отдых на чудесном песчаном пляже, окруженном тенистыми деревьями. Море было спокойным, а вода чистейшая. Матросы с ружьями пошли проверять окрестности, а мы с детворой окунулись в водяной мир. Часа через три, разведка вернулась с большим кабанчиком, которого мы и употребили в виде шашлыка, замариновав предварительно в вине. Долго сидели у тлеющего костра, любуясь мириадами звезд и соревнуясь, кто первый увидит падающую звезду. Спать легли далеко за полночь, расползаясь по своим каютам.

— Васенька! Ты точно этого хочешь? — спрашивала моя благоверная, лежа на узкой

полке и с сомнением глядя на мои попытки прилечь рядом. — Кровать сломаем, да и соседи могут услышать.

— Да! Похоже я сегодня без сладкого. Милая, а это что?! — показываю на капельку появившуюся из задорного сосочка в процессе мануальной стимуляции.

— Что, что! Уже давно того, а ты не замечаешь! Дочка у нас намечается!

— Ура! Маленькая белокурая куколка и много молока! Ну ка! Ложись на бочок, я хоть полежу рядом с тобой!

— Знаю я, твои полежу! Хи-хи!

В Одессу прибыли после обеда. Городок с большим количеством лодок и кораблей в порту утопал в зелени и был очень мил. Дамы тут же прошлись сметающим все ураганом по ближайшим магазинам. Мы же расположились в уютной забегаловке с видом на море. К нам присоединился капитан и с удовольствием дегустировал местное вино.

— Эх! Так бы и никуда не уезжал от вас! — тесть закурил свой любимый табак.

— Но эта железная дорога! Каждый день, что то, да случается! То котлы течь начинают, то рельсы расходятся. Кстати, Алешка молодец! Хватким оказался! И работать может и девицу отхватил недурную! Осенью свадьбу сговорились играть. Будут у меня внуки князьями! Хо-хо!

— Да! Губа у Лешки, не дура! Что там про Турок слышно? Когда успокоятся?

— Может в этом году, может в следующем. Уже половину побережья у них захватили, мужиков побили не счесть, а все не угомоняться! Ты знаешь! У меня просили разрешения послать инспекцию в твоё поместье. Уж очень слухи пошли интересные про твоих крестьян. Свободные людишки всю землю у тебя распахали, народу вдвое увеличилось, а зерна ожидается тьма. В соседних имениях крестьяне волнуются и помещики идут им навстречу, иначе бунт. На заводах моих тоже пришлось рабочих обустроить. Школы там, больницы, жильё человеческое. Тут уже государь забеспокоился и комиссию организовал. Будут изучать и вроде бы крестьян решили освободить, только куда же они без земли? Разве что в Сибирь али в Америку.

— Так и здесь же земли много непаханной. Сколько мы ехали от Белгорода?! И земля хорошая. А Крым?! А Босфор?! Будем заселять?!

— Будем!!

Больше книг на сайте - Knigoed.net